

СОЦИОЛОГИЯ В ДЕЙСТВИИ — 2015

Избранные материалы
VII социологической межвузовской конференции
студентов и аспирантов

СОЦИОЛОГИЯ В ДЕЙСТВИИ — 2015

Санкт-Петербург

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ФИЛИАЛ
НАЦИОНАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
«ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»

ДЕПАРТАМЕНТ СОЦИОЛОГИИ

СОЦИОЛОГИЯ В ДЕЙСТВИИ — 2015

Избранные материалы
VII социологической межвузовской конференции
студентов и аспирантов

Санкт-Петербург
2015

УДК 316
ББК 60.5
С 69

Редакционная коллегия:

Р. Н. Акифьева, Д. А. Александров, М. Р. Демин, А. А. Зиновьев,
Э. А. Киркиж, О. Ю. Кольцова, В. В. Костенко, Я. Н. Крупец,
М. И. Кулева, А. В. Куприянов, Д. А. Литвина, Н. А. Нартова,
Е. Л. Омельченко, Е. В. Онегина, Э. Д. Понарин, С. С. Савельева,
М. А. Сафонова, Г. И. Селиванова, Е. В. Тыканова

*На обложке представлена работа победителей фотоконкурса
«Наблюдая социальное неравенство», организованного в рамках
конференции «Социология в действии — 2015».*

Название: «Безразличие».

*Авторы: Крылова Ирина, НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург,
департамент социологии, 1 курс,
Служеникина Екатерина, НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург,
департамент менеджмента, 2 курс.*

Социология в действии — 2015. Избранные материалы VII со-
С 69 циологической межвузовской конференции студентов и аспиран-
тов [Текст] / отв. ред. М. Р. Демин; Санкт-Петербургский филиал
Нац. исслед. ун-та «Высшая школа экономики». — СПб.: Отдел
оперативной полиграфии НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург, 2015. —
242 стр. — 20 экз. — ISBN 978-5-00055-023-6 (в обл.).

Настоящее издание является сборником избранных материалов, отобранных по итогам VII социологической межвузовской конференции студентов и аспирантов «Социология в действии». Двухдневная конференция состоялась 17 и 18 апреля 2015 года, организатором выступил департамент социологии петербургского кампуса Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

УДК 316
ББК 60.5

ISBN 978-5-00055-023-6

© Департамент социологии, 2015
© Оформление. НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург, 2015

Содержание

ДЕМИН Максим, КАРАНДЕЕВА Ольга

Вступительное слово 7

Секция 1. КУЛЬТУРА И НЕРАВЕНСТВО 9

БАРМИНА Александра 9

Межорганизационные сети и организационные идентичности в секторе арт-институций Санкт-Петербурга

ЛЮБИШИНА Алина 16

Разнообразие досуговых практик воспитанников подростково-молодежного клуба в Санкт-Петербурге: социально-экономический капитал, социальные институты и мигрантский опыт

СОКОЛОВА Надежда 25

Организационные идентичности арт-институций Санкт-Петербурга: между храмом культуры и торговым центром

ХАРЬКИНА Дарья 32

Организация сообщества фикрайтеров

Секция 2. СОЦИАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТЕЛА, ВОЗРАСТА И ЗДОРОВЬЯ 40

ОНЕГИНА Елена 40

Представления о желаемом и реальном женском и мужском теле в среде городской молодежи Санкт-Петербурга

САБЛИНА Анастасия 45

Тело как проект: практики телесных модификаций среди бодмоделей

СОЙТУ Оксана 52

Возможности применения концепции «жизненного курса» для анализа возрастных транзитивий

Секция 3. МОЛОДЕЖЬ В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ: ПОКОЛЕНИЯ, СОЛИДАРНОСТИ, КУЛЬТУРЫ 59

БАРАНОВА Алена 59

Рефлексия рисков модернизации, или почему люди участвуют в экодвижении?

<i>БУЛЫГИН Денис, ЛЫСОВ Григорий</i>	66
Поведенческие траектории игроков в онлайн-играх	
<i>ВОСКРЕСЕНСКИЙ Вадим, ПРИЩАК Анна, ИВАШИН Иван, ЛАВРУШКО Григорий</i>	73
Нелегальный рынок марихуаны и ее производных в Санкт-Петербурге: участники и их практики	
<i>ГАЛКИН Константин</i>	80
Формирование идентичности фанатов аниме и манги на примере фанатских сообществ Санкт-Петербурга в контексте молодежных культур	
<i>КАРАНДЕЕВА Ольга, СОКОЛОВА Надежда, ПОНОМАРЕВА Виктория, ЧЕРМЫШЕНЦЕВА Александра</i>	85
Организационная структура НКО в сфере культуры	
<i>ПОНОМАРЕВА Виктория, КУЛИКОВ Илья, САВЧЕНКО Павел, ЛОПАТНИКОВ Максим</i>	90
Организация взаимодействия между Санкт-Петербургскими построп-группами	
<i>ШОРЫГИН Евгений</i>	95
Феномен альтерофобии в современных социокультурных условиях	
Секция 4. НАУКОВЕДЕНИЕ И СОЦИОЛОГИЯ НАУКИ	104
<i>ВОЛКОВА Анастасия</i>	104
Почему у нас нет «китайских постдоков»: анализ схем академической мобильности в российской и китайской науке	
<i>ИВАНОВА Евгения</i>	119
Попытка построения каузальной модели кадровой динамики профессорско-преподавательского состава университетов дореволюционной России	
Секция 5. СОЦИАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ОБРАЗОВАНИЯ	138
<i>КРАСНОВ Илья</i>	138
Изучение феномена популярности школьников внутри учебных групп	
<i>ЩЕЛОКОВА Светлана</i>	146
Репетиторство в младшей школе: мотивы и цели современных родителей	

Секция 6. ОБЩЕСТВО В СЕТЯХ ЭЛЕКТРОННЫХ КОММУНИКАЦИЙ: ИНТЕРНЕТ, МОБИЛЬНАЯ СВЯЗЬ И НОВЫЕ МЕДИА В ЖИЗНИ СОЦИУМА	152
<i>ВОСКРЕСЕНСКИЙ Вадим</i>	152
Виртуальные сообщества жителей многоквартирных домов в социальной сети vk.com	
<i>КАВЕЕВА Аделя</i>	157
Конструирование социальных проблем в Twitter	
<i>ТЕРНИКОВ Андрей</i>	162
Анализ взаимосвязи формальных и неформальных оценок привлекательности преподавателя на основе общедоступных данных	
 Секция 7. СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ГОРОДА.....	 169
<i>АНТОНОВА Екатерина, БОРИСОВА Ольга, ЧЕРНЫШЕВА Светлана</i>	169
Велокультура как арена пересечения интересов городской политики и деятельности велообщества	
<i>БЕКОВА Сауле</i>	176
Практики содержания владельческих собак в городе	
<i>ВЛАДИМИРКИНА Светлана</i>	181
Городские парки как пространство социальных коммуникаций	
<i>ДАВЫДОВА Елизавета</i>	185
«Мы здесь родились, живем и хотим работать!»	
<i>ЛЕБЕДЕВА Надежда</i>	189
Взаимодействие в пространстве городских дворов: конкуренция и производство социального неравенства	
<i>ЧЕРНЕГА Артем</i>	195
Туристическая достопримечательность как центр социокультурного поля в малом российском городе	
<i>ШАЙТАНОВА Людмила</i>	201
Система городского общественного транспорта г. Волгограда: исследование социальной топологии муниципальных и коммерческих автобусов	

Секция 8. СРАВНИТЕЛЬНАЯ СОЦИОЛОГИЯ	207
<i>ИЛЬЧЕНКО Нина</i>	207
Гибридный режим и его социальная поддержка в регионах России (по- становка проблемы)	
<i>КОРСУНОВА Виолетта</i>	213
Социальный статус и культурное потребление в сравнительной пер- спективе (на примере стран Европы)	
<i>САВЧЕНКО Павел</i>	218
Предикторы евроскептицизма на индивидуальном уровне: межстрано- вой сравнительный анализ	
ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ	223
<i>ОМЕЛЬЧЕНКО Дмитрий</i>	223
Становление визуальной социологии: новые горизонты визуальных исследований	
SUMMARIES	231

Вступительное слово

Доклады, фотовыставка, исследовательское кино, дискуссии — все это составляющие VII ежегодной межвузовской конференции студентов и аспирантов «Социология в действии», организованной департаментом социологии Высшей школы экономики.

17 и 18 апреля 2015 г. состоялась VII ежегодная межвузовская конференция студентов и аспирантов «Социология в действии», организованная департаментом социологии НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург.

В рамках мероприятия на 8 секциях были представлены 62 доклада студентов и аспирантов из области социальных и гуманитарных наук. Тематика секций была достаточно вариативной и затрагивала различные направления социологии как науки: от социологии молодежи и телесности до социологии науки и образования, от социологии города до онлайн-исследований, от анализа российского опыта до межстранового анализа. Руководителями секций выступали ведущие преподаватели департамента социологии НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург.

В качестве докладчиков на конференции выступали студенты и аспиранты не только разных вузов Санкт-Петербурга, но и коллеги из других городов России. Так, на нашу конференцию приехали гости из Москвы, Нижнего Новгорода, Казани, Перми, Архангельска, Вологды, Ульяновска, Апатитов, Новокузнецка, Волгограда и Саратова. На основе выступлений и присланных абстрактов 31 доклад отобран руководителями секций, ведущими преподавателями департамента социологии НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург и опубликован в настоящем сборнике.

Традиционно открывал конференцию доклад специального гостя. В этом году для выступления была приглашена Ирина Олимпиева, кандидат экономических наук, научный сотрудник Центра независимых социологических исследований (ЦНСИ), руководитель направления «Социальные исследования экономики».

Ирина Олимпиева выступила с лекцией «Ученый-предприниматель — гибридная идентичность и ее роль в науке и бизнесе». Ее выступление было посвящено проблеме совмещения ролей и перехо-

да от ученого к предпринимателю и наоборот. В докладе анализировались биографические интервью ученых-предпринимателей из разных стран. На примере России и Финляндии исследователь показал различие в отношении к высокотехнологическому предпринимательству. Прежде всего, это различие можно фиксировать на уровне академического сообщества. Так, например, российские ученые, в отличие от финских, избегают примерять на себя лейбл «предприниматель». В то же время финские коллеги не видят существенных символических барьеров между ролями ученого и предпринимателя.

После выступления специального гостя конференции начали работу секции конференции. В течение двух дней молодые исследователи делились результатами своих эмпирических социологических работ с коллегами, вступали в дискуссии, комментировали и получали комментарии, обменивались опытом. Для создания удобной атмосферы для общения в перерывах между секциями были организованы кофе-брейки, на которых участники могли уже в неформальной обстановке обсудить доклады и дальнейшие перспективы исследований, а также узнать о возможностях обучения в магистратуре петербургского кампуса.

В завершение конференции всем желающим был продемонстрирован исследовательский фильм «Громкие и гордые. Разговор с Лигой Английской Обороны». Просмотр фильма сопровождался оживленной дискуссией с режиссером Дмитрием Омельченко и исследователем Дарьей Литвиной о фильме и о возможностях социологического кино как инновационного метода исследования.

По результатам фотоконкурса в рамках конференции была организована выставка на тему «Наблюдая социальное неравенство», где были представлены работы участников, которые старались посредством фотографии отобразить социальную проблему, ее суть и актуальность. Победителями конкурса, отобранными специальным жюри (Д. А. Омельченко, М. А. Сафонова, Л. Л. Шпаковская), с работой под названием «Безразличие» стали студентки первого курса департамента социологии и второго курса департамента менеджмента Высшей школы экономики Ирина Крылова и Екатерина Служеникина.

*ДЕМИН Максим
доцент департамента социологии НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург,
ответственный за организацию конференции «Социология в действии»*

*КАРАНДЕЕВА Ольга
студентка 4 курса департамента социологии НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург,
координатор инициативной группы студентов по организации конференции*

Секция 1

КУЛЬТУРА И НЕРАВЕНСТВО

руководители — Сафонова М. А., Акифьева Р. Н., Кулева М. И.

МЕЖОРГАНИЗАЦИОННЫЕ СЕТИ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ИДЕНТИЧНОСТИ В СЕКТОРЕ АРТ-ИНСТИТУЦИЙ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

БАРМИНА Александра

НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург, департамент социологии, 4 курс,
barminaaa@gmail.com

*Научный руководитель — Сафонова М. А., к. с. н.,
доцент департамента социологии
НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург*

Barmina Alexandra

Interorganizational networks and organizational identities in the sector of art-institutions of St. Petersburg

The sector of cultural organizations of St. Petersburg consists of a wide variety of organizations. It includes both “traditional” theaters and museums, founded in the XIX and XX centuries, and the “new” cultural institutions that appeared at the beginning of the XXI century and later, among which there are galleries, “lofts”, “art-centers”, that are often named the “creative institutions”. The aim of this work is to find out what positions in the field of cultural organizations of St. Petersburg different institutions occupy, what are their reputations and what are the relations between them.

Сектор культурных организаций в Санкт-Петербурге представлен очень широко. Сюда входят как традиционные театры и музеи, открытые в XIX и XX вв., так и новые художественные институции, появившиеся на рубеже XX и XXI вв. и позднее, среди которых есть

галереи, «лофты», «арт-центры», многие из которых в современной социологической дискуссии именуются как «креативные» институции. Деятельность этих новых организаций также сосредоточена на дистрибуции символического продукта — в первую очередь художественного (живопись, театральные постановки и пр.), но в рамках их деятельности также регулярно проводятся мероприятия, типично относимые к академической сфере (такие как лекции), а также присутствуют иные виды деятельности, связанные больше с поддержанием стиля жизни, чем с приобретением публикой определенных культурных компетенций. Среди них — проведение вечеринок, открытие кафе и ресторанов, сдача в аренду дизайнерам, IT-разработчикам и пр. части своей территории. В данной работе мы хотим посмотреть, какие позиции занимают разные организации в этом поле, какие у них репутации и в каких отношениях они находятся, то есть каким образом устроен рынок художественного предложения в Санкт-Петербурге.

Но для начала необходимо пояснить, почему социологам важно смотреть на институции, транслирующие культурный продукт и на организацию этого поля. В обществе всегда существует неравенство, и существуют символические границы между группами. Согласно многим социальным ученым, основывающимся на идее Бурдьё [Bourdieu, 1984; Peterson, Simkus, 1992], культурный капитал и культурное потребление являются базой для поддержания этих символических границ. Институции же, транслирующие символический продукт, отбирая, какие объекты будут создавать неравенство, являются поддерживающими статусные границы. Изменения в этом поле культурных организаций и появление новых организаций исследователи обычно связывают с трансформациями в обществе и появлением нового потребителя. Так, например, согласно Харрисону Вайту [White, 1993], художественная система во Франции в конце XIX в. изменилась в связи с тем, что потребитель искусства расширился с круга буржуазии до более широких слоев населения. Сегодня же в городе появляется большое количество новых художественных институций, что может быть сигналом общественной трансформации, поэтому исследование организации этого поля оказывается очень интересным сегодня.

Во многих социологических работах, посвященных символическому производству, будь то научное сообщество, отдельная органи-

зация или сфера художественного производства, утверждается, что укорененность актора в социальные отношения выгодны для него. Многие авторы [DiMaggio, 1991; Burt, 2004; Cattani, Ferriani, 2008; Foster, Borgatti, Jones, 2011] говорят, что наличие связей в поле обеспечивают агента легитимностью со стороны старых агентов и доступом к ресурсам, как экономическим, так и социальным.

Позиция агента в сети также является предметом рассмотрения исследователей. Так, согласно Каттани и Ферриани [Cattani, Ferriani, 2008], которые рассматривали ядро-периферийную структуру сети, у агентов, имеющих тесные связи с другими крупными участниками сети, то есть находящиеся в «ядре», получают легитимацию от их «соседей», которая обеспечивает их доступом к важным ресурсам. Каммингс [Cross, Cummings, 2004] дополняет это идеей о том, что внутри ядра есть своя иерархия агентов, связи с которыми также имеют разную значимость, и связь с некоторыми акторами может быть более выгодной, чем с другими. Агенты же на периферии часто оказываются лишенными легитимации центра, однако связи периферийных агентов могут вести к другим секторам производства, которые могут обеспечивать агента ценными идеями и другими ресурсами.

Таким образом, основным исследовательским вопросом в нашей работе становится следующий — «каким образом организованы сети в организационном поле художественных организаций Санкт-Петербурга». Нам интересно, какова структура организационного поля, какие группы есть в сети, какие индивидуальные позиции занимают разные институции, каковы их репутации, а также ресурсы какого типа циркулируют в сети. Объектом в нашем исследовании выступают художественные организации Петербурга, а предметом — структура отношений между ними.

Социальные ученые, в том числе Бурдьё [Bourdieu, 1984] и Фостер и Боргатти [Foster, Borgatti, Jones, 2011], утверждают, что при составлении выборки для популяции, не имеющей естественных границ, или границами которой являются пределы города, как в данном случае, полезным источником являются списки. Однако исчерпывающего списка культурных организаций Санкт-Петербурга нет. Кроме того, есть ряд других ограничений, среди которых постоянное появление новых и отсеивание некоторых старых площадок или трансформация видов деятельности уже существующих, а так-

же отсутствие границ между формами искусства внутри одной организации либо новой деятельности в старых организациях, которые усложняют его появление. Тем не менее, совместно с участниками научно-учебной группы «Креативный город» мы составили список институций, проведя 4-месячный мониторинг 10 интернет-ресурсов, сфокусированных на досуге в городе, как раз и являющемся сегодня тем, что демонстрирует символические границы. Важными характеристиками интернет-ресурса при отборе мы считали регулярность обновлений новостей и наличие своих собственных, а не скопированных из других источников анонсов. В рамках мониторинга фиксировались анонсы публичных городских мероприятий в сфере визуального и перформативного искусства и площадка, на которой мероприятие проводилось. По итогам мониторинга мы получили список из 292 институций, из которых мы отобрали 34 самые активные, которые и составили нашу выборку.

С представителями этих институций было проведено 44 полуструктурированных интервью. Гайд интервью содержал несколько блоков, среди которых были блок об организации, которую представлял информант, с указанием функции организации, ее целей, блок с описанием поля в целом — здесь информанты описывали, кого они видят успешными в поле, а также большой сетевой блок, в котором информантов просили схематично изобразить сети своих рабочих контактов. Поскольку, согласно Берту [Burt, 2004], связи за пределами изучаемого поля могут обеспечивать агенту выгодную позицию, мы никак не ограничивали наших информантов и не предлагали список агентов на выбор, с которыми информант потенциально мог иметь связи, иными словами, задавали вопросы — генераторы имен. Также некоторые из информантов в ходе интервью упоминали сотрудничество с некоторыми организациями. Полученная информация была представлена в виде матриц с эго-сетями. Таким образом, у нас появилось 3 типа данных — интервью, совокупность эго-сетей, а также отдельная сеть институций из выборки.

В иллюстративных целях мы объединили эго-сети и раскрасили узлы по видам активности, которой та или иная институция занимается.

На рис. 1 представлена такая сеть. Мы видим, что изучаемое поле не гомогенно, то есть сети художественных организаций не замыкаются на себе, связи уходят за границы сферы.

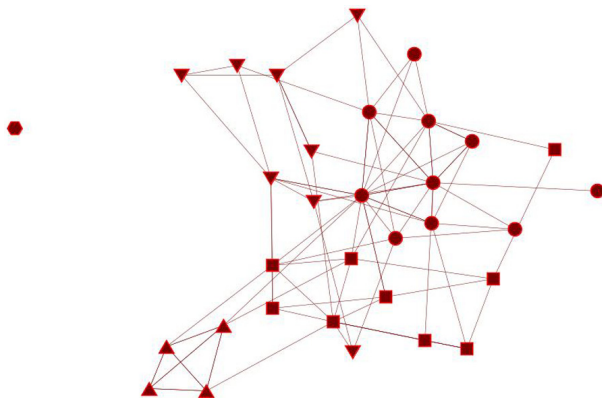

Рис. 1. Совокупность эго-сетей культурных институций (кругом отмечены культурные организации, треугольником — остальные организации)

Исследуемые арт-институции (на рис. 1 художественных организаций 66) имеют связи с институциями различных типов, среди которых университеты (12), фонды (19), организации общественного питания (9), магазины (10), а также с различными медиаиздания (85), которые являются самым многочисленным типом институций в сети.

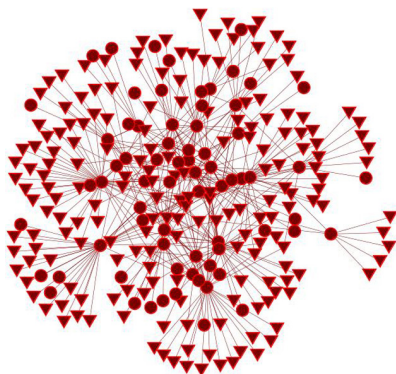

Рис. 2. Взаимодействие и группы внутри межорганизационной сети

На рис. 2 представлена сеть взаимодействия внутри межорганизационной сети, а также группы, выделенные в ней. Посред-

ством множества алгоритмов поиска групп в сети выделяется группа, обозначенная треугольниками (в нижнем левом углу). E-I индекс (-0,500) демонстрирует высокий уровень гомофилии внутри этой группы, выше, чем общий индекс по всей сети (-0,298). В эту группу вошли организации, которые мы назвали «многофункциональными площадками» — новые арт-центры/лофты, появившиеся в 2010-х и ориентированные на западные модели организаций, совмещающих разные виды искусства. В ходе интервью некоторые респонденты также использовали термин «многофункциональные площадки» для описания этих четырех институций. Отсутствие у них связей с другими группами объясняется тем, что предоставляемый ими продукт не воспринимается старыми легитимными организациями как качественный, и представители других групп проговаривают это в интервью:

- *«там все подряд было»;*
- *«коммерческие пространства, которые ориентированы на зарабатывание денег путем аренды, путем сдачи залов под концерты»;*
- *«искусство у них пока не прошло».*

Таким образом, не имея связей с легитимными агентами, они оказываются лишенными доступа к фондам и другим спонсирующим это поле организациями, вследствие чего страдают от отсутствия ресурсов:

- *«нет денег, тяжело»;*
- *«ну, то есть недостаток финансирования, то есть мало денег».*

Далее хочется остановиться на группе, на рис. 2 обозначенную квадратами. Сюда входят организации, существующие давно и имеющие много ресурсов. Имея ресурсы, связи и легитимацию центра, они ведут определенную политику, в рамках которой иногда прибегают к новым формам. Так, например, один из классических театров, в 2013 г. открывший новую сцену, ставит на ней экспериментальные постановки, не теряя ни финансирования, ни статуса, а также открывает на своей территории кафе и магазины:

- *«наша цель — сделать хорошее арт-пространство, где можно дать возможность эксперименту. Мы открываем книжный магазин, арт-кафе».*

Эти организации более других лояльны к деятельности новых институций.

Также в сети есть три организации, основанные в XX в., две из которых государственные, одна — негосударственная, которые ведут активную политику взаимодействия с другими участниками сети и особым образом выстраивают свои связи (на рис. 2 они входят в группу, окрашенную в желтый цвет). У этих организаций самое большое число как исходящих, так и входящих связей. Эти организации, не имея такого большого объема экономических ресурсов, как большие институции с огромной коллекцией мировых шедевров, какая есть, например, у Эрмитажа, пользуются своими сетевыми и конвертируют их в различные ресурсы. Так, например, информант из одной из организаций рассказывает о связи с разными институциями, за счет связей с которыми они могут получать различные костюмы и другие предметы: «*Колоссальные такие связи. Потому что костюмы мы часто получаем в аренду в Мариинском театре*».

Таким образом, на основе представленных результатов представляется возможным сделать несколько выводов. Во-первых, связи художественных организаций выходят за пределы организационного поля, что говорит о том, что организации других типов также играют важную роль в работе этого поля. Во-вторых, группа «новых», креативных институций оказывается лишенной легитимации «старых» и статусных организаций и, соответственно, доступа к традиционным для этого поля источникам экономических ресурсов. В-третьих, некоторых организации, имеющие как большой объем ресурсов, так и легитимацию поля, прибегают к новым видам деятельности, не теряя при этом своего статуса. В-четвертых, активная политика взаимодействия, которую ведут некоторые организации в культурном поле Санкт-Петербурга, является успешной стратегией и обеспечивает агентов доступом к важным ресурсам.

Список литературы

1. *Burt R. S.* Structural holes and good ideas // American journal of sociology. 2004.110(2). P. 349–399.
2. *Bourdieu P.* Distinction: A social critique of the judgement of taste. Harvard University Press, 1984.
3. *Cattani G., Ferriani S.* A core/periphery perspective on individual creative performance: Social networks and cinematic achievements in the Hollywood film industry // Organization Science. 2008. 19(6). P. 824–844.

4. *Cross R., Cummings J. N.* Tie and network correlates of individual performance in knowledge-intensive work // *Academy of management journal*. 2004. 47(6). P. 928–937.
5. *DiMaggio P.* Constructing an organizational field as a professional project: U.S. Art museums, 1920–1940, in: *W. Powell, & P. DiMaggio (Eds.), The New Institutionalism in Organizational Analysis* (pp. 267–293). Chicago: The University of Chicago Press, 1991.
6. *Foster P., Borgatti S., Jones, C.* Gatekeeper search and selection strategies: Relational and network governance in a cultural market // *Poetics*. 2011. 39(4). P. 247–265.
7. *Peterson R. A., Simkus A.* How Musical Tastes Mark Occupational Status Groups // *Cultivating differences: Symbolic boundaries and the making of inequality*. 1992. P. 152–186.
8. *White H. C.* *Careers and creativity: Social forces in the arts*. Westview Press, 1993.

РАЗНООБРАЗИЕ ДОСУГОВЫХ ПРАКТИК ВОСПИТАННИКОВ ПОДРОСТКОВО-МОЛОДЕЖНОГО КЛУБА В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КАПИТАЛ, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И МИГРАНТСКИЙ ОПЫТ

ЛЮБИШИНА Алина

НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург, департамент социологии, 4 курс,
alina.lyubishina@gmail.com

*Научный руководитель — Акифьева Р. Н., к. п. н.,
доцент департамента социологии
НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург*

Alina Lyubishina

Diversity of after-school activities of the members of youth club in Saint Petersburg: socioeconomic status, social institutions and migrant experience

This paper is focus on the extracurricular activities of migrant and non-migrant children, who are regular participants in one of educational institutions in Saint Petersburg. I used methodological foundations that have helped to define the features of extracurricular activity of teenagers. I will present a complete description of the sample, particularly, of the club, which I have chosen based on purposes of my research. Using the methods such as observation, survey and interview with participants and the teacher in this center, I am looking for answer to the following question: are there differences between extracurricular activity of migrant and non-migrant.

В настоящее время все больше и больше людей из других стран переезжают работать и зарабатывать деньги в Россию. Соответственно, в этот период их детям приходится получать образование в школах Санкт-Петербурга. Наиболее важные тенденции в миграционных исследованиях, в основном, ориентированы на изучение интеграции детей-мигрантов в школьной среде. Есть также ряд исследований, которые включают в себя рассмотрение практик досуга и внеклассной деятельности детей-мигрантов. Они иллюстрируют: то, что происходит с ребенком за пределами школы, может оказать существенное влияние на успеваемость детей, а также последующие профессиональные достижения. Эклс и Темпелтон [Eccles, Templeton, 2002] пришли к выводу, что участие во внешкольных образовательных программах оказывает положительное воздействие: оно способствует формированию дружеских сетей, взаимодействию со взрослыми, приобретению различных социальных компетенций, а также обеспечивает пребывание ребенка в безопасной среде. Однако Уилсон [Wilson, 2009] и его коллеги, изучая различные категории внешкольной активности, пришли к выводу, что занятия в спортивных клубах, например, футболом и баскетболом, могут негативно отражаться на поведении, успехах в школе и дальнейшей жизни.

Интересно то, каким образом дети попадают в разные учреждения дополнительного образования, как выбирают те или иные направления занятий, можно ли выявить какие-либо различия, закономерности? Так, Аннет Ларо [Lareau, 2003] показала, что родители, как белые, так и афроамериканцы, имеющие схожие социальные позиции, включают своих детей в схожие практики досуга. Другие исследования опровергли выводы, демонстрирующие, что досуговые практики коррелируют с социально-экономическим статусом семьи, а также продемонстрировали расовые различия в организации досуга детей [Zhou, Bankston 2005].

Наше исследование посвящено изучению внешкольной активности воспитанников одного досугового центра в Санкт-Петербурге. Воспитанниками этого центра в том числе являются дети с мигрантским статусом. На основе анкетирования, включенного наблюдения и интервью мы хотели бы ответить на следующие вопросы. Каким образом воспитанники распределяются по досуговым учреждениям? Существуют ли какие-либо тенденции в распределении по секциям, выборе занятий между мигрантами и не мигрантами? Влия-

ет ли наличие мигрантского статуса на досуговую активность и, в целом, на возможности ребенка быть включенным в разного рода внешкольную активность?

Теоретические основания

Теоретическими основаниями своего исследования мы выбрали несколько ключевых работ, которые помогут нам понять и описать внеучебную активность воспитанников выбранного центра. В первую очередь важно понять, каким образом определяется эта активность и какие ее виды выделяют в контексте досуга и внеучебной активности. Буа-Рэймон [Bois-Reymond, 2001], изучая, как подростки проводят время вне школы, использует такую классификацию, в которой организованный досуг определяется им как еженедельные посещения секции, обычно закрепленные институционально и находящиеся под наблюдением взрослых, а неорганизованный досуг — случайные действия, которые обычно свободны от надзора взрослых и происходят по инициативе самих детей.

В контексте внешкольной активности один из подходов заключается в описании досуговых практик через социально-экономический статус семьи. Так, Аннет Ларо [Laroche, 2003] выявила, что внешкольная активность детей предопределена классом, к которому принадлежит семья. Она выделила различия в организации досуга детей в рабочих семьях и семьях среднего класса: дети из первых семей проводят время, занимаясь неструктурированной активностью без присмотра взрослого, а детей среднего класса включают в структурированную активность.

П. Беннет, Э. Лутз и Л. Ярам [Bennett et al., 2012] рассматривали культурные и структурные источники различий во внеучебной структурированной активности детей рабочего и среднего классов. Авторы утверждают, что из-за финансовых ограничений родители рабочего класса могут рассчитывать только на доступные занятия. Несмотря на то, что дети рабочих семей также участвуют в культурных, спортивных и научных занятиях за пределами школы, количество посещений этих занятий в значительной степени меньше, в отличие от занятий на базе школ.

Таким образом, исследователи заключают, что для того, чтобы в полной мере понять различия во включенности детей в структурированную активность, необходимо брать во внимание не только

ценности, убеждения и отношения людей, а также рассматривать структурные возможности участия, т. е. дифференциацию доступа к этим ресурсам. Только тогда можно определить траектории, на которых принадлежность к определенному классу проявляется как культура или как структура.

Существуют также некоторые исследователи, которые, описывая этнические сообщества и их образ жизни, выделяют характерные черты, традиции. Так, например, М. Жу и К. Банкстон [Zhou, Bankston, 2005] изучая вьетнамских школьников в Новом Орлеане, показывают, что вьетнамское сообщество имеет свои особенности в проведении досуга, обязанностях детей, установках родителей по отношению к тому, чем должны заниматься дети. Авторы пишут, что мигрантская культура часто понимается как особая культура, которая включает в себя определенный образ жизни сообщества, язык, ценности, значения, поведенческие особенности и все то, что каждый мигрант определенного сообщества приносит с собой, переезжая в другую страну. Дети в интервью постоянно упоминали об их обязанности уважать старших, заботиться о младших братьях и сестрах, работать и принимать решения в согласовании с родителями. Кроме того, родителями оказывается давление, чтобы избежать знакомства и общения с молодежью другой этнической принадлежности. Помимо прочего, члены этого сообщества придерживаются традиционных семейных ценностей и часто проводят досуг совместно: похороны и свадебные церемонии, большие семейные события.

Дизайн исследования

Наше исследование включает в себя изучение внеучебной активности воспитанников одного досугового центра Санкт-Петербурга. Центр представляет собой муниципальное учреждение дополнительного образования в одном из районов Санкт-Петербурга, он включает в себя 19 досуговых клубов разной направленности. После интервью с администрацией центра (2), педагогами клубов (5) и самими воспитанниками (9), а также включенного наблюдения в течение двух лет с ведением полевых дневников в одном из клубов,

нами были выделены только 6 из них, среди постоянных участников которых есть дети мигрантов.

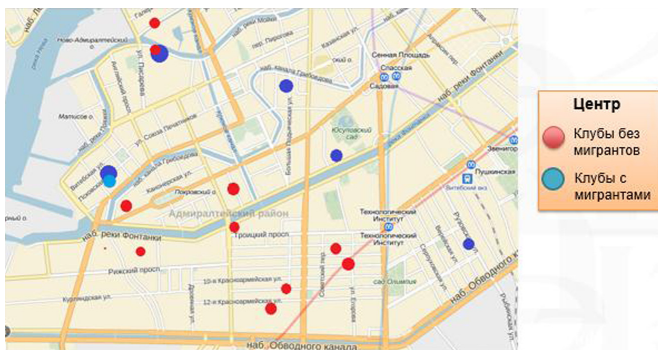

Рис. 1. Распределение клубов, входящих в состав досугового центра, с указанием наличия мигрантов среди постоянных воспитанников

Далее в 6 клубах, среди воспитанников которых есть дети мигрантов, был проведен анкетный опрос ($n=94$), который содержал вопросы о внеучебной активности детей (какие секции и занятия дети посещают, на базе каких учреждений). Данные собраны в мае 2014 г., в течение трех недель в рамках исследовательского проекта, выполняемого по гранту РГНФ № 13-03-00576 «Внеучебная активность и интеграция детей мигрантов в Санкт-Петербурге». Воспитанники должны были описать все секции, которые они посещали на тот момент. По результатам опроса была построена карта структурированной активности 94 воспитанников (рис. 2), 22 воспитанника — с миграционным статусом (обозначены на карте синим цветом). Видно, что активность детей-мигрантов сосредоточена в основном в пределах одного района, в отличие от активности не мигрантов. Лишь у одного из 22 воспитанников с миграционным статусом секция находится за пределами района, в то время как 21 % остальных воспитанников посещает секции за пределами района.

На карте распределения структурированной активности мигрантов и не мигрантов видны две точки (два клуба) максимального скопления мигрантов и не мигрантов, в которых далее мы проводили интервью. В одном из этих клубов мы вели включенное наблюдение

ние. Изначально мы проводили включенное наблюдение в одном из клубов, но затем, спустя какое-то время, после неоднократных нарушений правил со стороны детей-мигрантов, их количество в клубе стало заметно сокращаться, вплоть до нескольких человек, которые входили в «ядро» клуба. Однако стало ясно, что часть этих детей-мигрантов перешли в соседний клуб, в котором мы также проводили интервью с воспитанниками. Основная масса посетителей обоих клубов — это подростки от 11 до 18 лет, но есть участники дошкольного возраста и старше 18 лет. Подобное неравномерное распределение детей по секциям может быть определено структурными ограничениями, так как в некоторых клубах мигранты сталкивались с открытой ксенофобией (*м., 20 лет, мигрант из Азербайджана: «Ну, как сказать, там преподаватели такие... говорят, что, мол, цветом кожи не вышел»*).

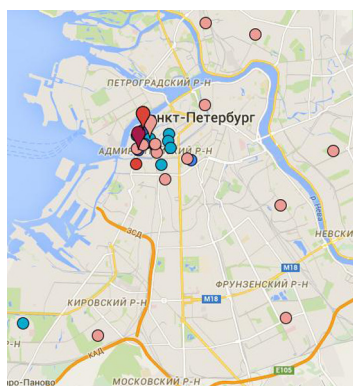

Рис. 2. Распределение структурированной активности мигрантов и не мигрантов центра (синим — активность мигрантов, красным — не мигрантов)

По результатам наблюдения, клубы предоставляют воспитанникам возможность быть включенными не только в организованные виды активности, то есть занятия в различных секциях, но и в неорганизованные, например, предоставляя места свободного общения, где воспитанники могут самостоятельно выбирать деятельность. Как правило, эта активность не находится под постоянным присмотром взрослых (*ж., 17 лет: «Вот, тоже играли, сейчас у нас в мафию все, вообще каждый день мафия. Вот, ну как бы прихожу*

сюда, просто пообщаться, вот в такие игры поиграть, в там, в карты на желания, что-нибудь поделать, что-нибудь повеселиться»). Кроме того, участников клубов можно разделить по тому, каким образом они рассматривают свою деятельность в клубе, такая классификация была предложена Ригсом и Гринбергом [Riggs, Greenberg, 2004]. Одни участники включаются в неструктурированную активность, то есть разную рекреационную и иную деятельность, находящуюся без присмотра взрослого и иницируемую самими воспитанниками, а также разного рода «свободное общение друг с другом». Несмотря на то, что такая активность, по словам исследователей, выступает в качестве безопасного и благоприятного досуга после школы, она не имеет четких направлений деятельности, то есть не способна формировать навыки и компетенции в какой-либо области:

«Обычно зимой, ну вот холодно, делать нечего, там на улице не погуляешь и приходишь сюда, как-то одной зимой я сюда пришла, ну и осталась, постоянно ходила ну зимой, весной и летом» (ж., 17 лет).

«Две девочки 9–10 лет бегали в коридоре, мы спросили у них, на какую секцию они тут ходят или чем занимаются, на что они затруднились ответить» (цитата из дневника наблюдений).

Другая группа воспитанников рассматривает активность в клубах в качестве возможности развития определенных навыков и компетенций, например, в танцевальных, спортивных и иных направлениях занятий, представленных в клубах (м., 22 года, мигрант из Узбекистана: «Мы хотели вместе сделать номер [танцевальный], именно в «Меридиане» есть возможность заниматься и делать номер»).

Результаты

Анализируя данные опроса о структурированной активности воспитанников центра ($n=74$), были выявлены некоторые различия в категориях структурированной активности мигрантов и не мигрантов. Классификация структурированной активности была взята из исследования П. Беннетт: спортивные секции — все занятия, имеющие отношение к спорту (футбол, теннис, единоборства и т. д.), культурные секции — рисование, танцы, музыка и театр [Bennett et al., 2012]. Так, на рис. 3¹ видно, что воспитанники цен-

¹ Для культурных секций различия достоверны на уровне $p < 0,05$. Для единоборств различия достоверны на $p < 0,03$.

тра активно включены в спортивные секции, значимые различия были выявлены в количестве посещений культурных секций мигрантами и не мигрантами, а именно: мигранты менее включены в культурные секции. Однако они выделяются большей включенностью в секции единоборств, в отличие от не мигрантов. Это может свидетельствовать о культурных особенностях, так как все мигранты, у которых брали интервью, также демонстрируют спортивные предпочтения, особенно в направлении боевых искусств, как правило, борьба, бокс, кикбоксинг, бои без правил, вольные бои и другие виды единоборств:

«И.: А на чем ты основывался, выбирая занятия? — Р.: Борьбой? Не знаю, я как глаза открыл, рядом со мной дети боролись, мой дядя тоже занимался борьбой, его друзья сейчас мастера спорта, они учат олимпийцев» (м., 18 лет, мигрант из Азербайджана).

По результатам анкетного опроса на рис. 3 можно увидеть различия и во включенности в культурные секции среди мигрантов и не мигрантов. Мигранты отличаются меньшей включенностью в секции, связанные с танцами, музыкой, рисованием и театральными направлениями. Об этом же свидетельствуют данные интервью, в которых мигранты проговаривают свою незаинтересованность в направлениях, связанных с культурной активностью:

«Не, зачем театр. Я когда маленький был там, ходили, с детского сада в театр. И. — И что не понравилось? Р. — Да не, ваще не нравится театр» (м., 18 лет, мигрант из Азербайджана).

Обсуждение

Таким образом, на данном этапе можно сделать несколько выводов. В первую очередь были выявлены некоторые различия в практиках досуга мигрантов и не мигрантов, а именно: мигранты включены в организованные виды досуга преимущественно внутри одного района. Что касается распределения мигрантов по клубам, то оно также неравномерное, мигранты включены лишь в некоторые клубы центра. Данные различия можно объяснить структурными ограничениями, в качестве которых выступают случаи дискриминации, с которыми сталкивались мигранты в некоторых клубах.

Активное включение мигрантов в спортивные секции подтверждается не только результатами опроса воспитанников центра, но и интервью с участниками клубов. Согласно исследованию Андер-

сона, участие в спортивных секциях является одной из форм проявления принадлежности к этническому меньшинству в городском пространстве [Andersson, 2002].

Сильные различия между мигрантами и не мигрантами наблюдаются в культурной структурированной активности. Процент включенности детей-мигрантов в культурные занятия очень мал. Основываясь на собранных интервью, можно объяснить это культурными особенностями, так как респонденты отмечают незаинтересованность в подобных занятиях.

Список литературы

1. *Andersson M.* Identity Work in Sports. Ethnic Minority Youth, Norwegian Macro-debates and the Role Model aspect // *Journal of International Migration and Integration*. 2002. Vol. 3. № 1. P. 83–106.
2. *Bennett P. R., Lutz A. C., Jayaram L.* Beyond the Schoolyard: The Contributions of Parenting Logics, Financial Resources, and Social Institutions to the Social Class Gap in Structured Activity Participation. *Sociology of Education*. 2012. 85 (1). P. 131–157.
3. *Eccles J., Templeton J.* Extracurricular and Other After-School Activities for Youth. *Review of Research in Education*. 2002. 26. P. 113–180.
4. *Lareau A.* Unequal Childhoods: Class, Race, and Family Life. Berkeley: University of California Press, 2003. P. 331.
5. *Lareau A.* Unequal Childhoods: Class, Race, and Family Life, 2nd Edition with an Update a Decade Later. Berkeley: University of California Press, 2011. P. 480.
6. *Riggs N. R., Greenberg M. T.* Moderators in the academic development of migrant Latino children attending after-school programs. *Journal of Applied Developmental Psychology*. 2004a. 25(3). P. 349–367.
7. *Wilson D., Gottfredson D., Cross A., Rorie M.* Youth Development in After-School Leisure Activities. *Journal of Early Adolescence*. 2009. 30(5). P. 668–690.
8. *Zeijl E., Bois-Reymond M., Poel Y.* Young Adolescents' Leisure Patterns. *Loisir et Socié t* // *Society and Leisure*. 2001. 24(2). P. 379–402.
9. *Zhou M., Bankston C.* Social Capital and the Adaptation of the Second Generation: The Case of Vietnamese Youth in New Orleans // *International Migration Review*. 1994. Vol. 28, № 4. P. 821–845.

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ИДЕНТИЧНОСТИ АРТ-ИНСТИТУЦИЙ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА: МЕЖДУ ХРАМОМ КУЛЬТУРЫ И ТОРГОВЫМ ЦЕНТРОМ

СОКОЛОВА Надежда

НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург, департамент социологии, 4 курс,
nadya.sokolova.1993@mail.ru

*Научный руководитель — Сафонова М. А., к. с. н.,
доцент департамента социологии
НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург*

Sokolova Nadezhda

Organizational identities of art institutions of St. Petersburg: between the sanctuary and shopping mall

The goal of this study is to consider the classification of art institutions by agents of the field and consequences of this process for the positions of these institutions. The materials for analysis were 44 semi-structured interviews with curators and managers of art institutions and the data of pile-sorting. As a result the following conclusions were drawn. In an organizational field of art institutions of St. Petersburg the most advantageous position is taken by the state organizations while the new non-state organizations have no legitimate status. According to the established system of classification the model of organization in new platforms does not allow to estimate their work as "true art".

Исследователи, изучающие рынок символической продукции, демонстрируют, что институции, распространяющие продукцию высокой культуры, ориентированы на публику с высоким уровнем культурного капитала. Тем самым эти институции выстраивают и поддерживают символические границы [Bourdieu, Darbel, Schnapper, 1997; DiMaggio, 1982]. Организационное поле художественного производства Санкт-Петербурга на данный момент сформировано арт-институциями, осуществляющими несколько видов деятельности. Их активности направлены и на следование эстетическим целям, и на образование и развлечение публики. Способы классификации этой деятельности агентами (на основе воспринимаемых характеристик, составляющих организационные идентичности) могут иметь следствия для позиции, занимаемой той или иной организацией в поле. Эти классификации и создаваемые ими следствия являются предметом рассмотрения данной работы.

Изучение контекста формирования и трансформации арт-институций позволит показать, каковы предпосылки возникновения существующих на данный момент конфликтов в поле художественного производства. Исследователи культурного производства выделяют несколько этапов развития институций, где трансформация отмечается сменой наиболее влиятельной группы и, как следствие, реорганизацией стратегии работы. Институциональные изменения, сопровождающие процесс развития арт-институции, можно рассмотреть на примере образования публичных музеев. Предшествующие арт-институциям организационные формы (частные коллекции и собрания реликвий при храмах) определили «закрытый» характер будущих институций: ориентацию в первую очередь на коллекционирование и изучение «сакральных» предметов [Zolberg 1984], что не предполагало какой-либо работы с публикой. Предпрофессиональный этап может характеризоваться господством группы основателей, которые осуществляют спонсирование и определяют политику. Затем, с увеличением размера организации и ее развитием, появляется потребность в дополнительных источниках финансирования. В этот момент руководство институций обращается к государственному финансированию, что налагает определенные ограничения на осуществляемую деятельность. Правительство видит в качестве основной миссии арт-институции просвещение публики, что вынуждает эти организации организовывать лекции и образовательные мероприятия. Также этот этап характеризуется профессионализацией и появлением новой группы агентов, оказывающих влияние на определение политики институции. Профессиональная группа кураторов, контролирующая отбор и классификацию работ для коллекции и экспозиции, в процессе обучения и работы получает необходимые компетенции для осуществления функций экспертов, что делает их суждения легитимными. В этот момент следование эстетическим целям, заключающимся в сохранении и изучении сакральных объектов искусства, провозглашается основной целью. Несмотря на официальный курс на просвещение широкой публики, образовательной функции уделяется также мало внимания, как и на предыдущем этапе [Zolberg, 1984].

Следующий период отмечается сокращением государственной поддержки и попытками перевести институцию на самофинансирование в результате проведения политики неолиберализма

[McPherson, 2006]. Наблюдается тенденция к коммерциализации, которую обычно рассматривают как свидетельство ухода от эстетических целей и переориентации с коллекции на публику. Основным источником дохода становится аудитория, что объясняет расширение развлекательного сектора (магазины и кафе), который должен привлекать больше публики. Развитие развлекательного сектора вынуждает их конкурировать также и с другими организациями, предлагающими возможности для досуга [Kotler, Kotler, 2000].

Разногласия, проявляющиеся в различном видении миссии арт-институции, организации ее работы и ориентации на определенную публику, можно рассмотреть при помощи двух идеальных моделей, использованных DiMaggio [1991] для описания работы музеев. Институции первой модели образовались в результате трансформации первых организационных форм, предшествующих музеям — собраний коллекционеров и священных предметов при храмах, что оказало влияние на их миссию. Коллекционирование, приобретение и хранение ценностей (сакральный характер представленных предметов) рассматривается как основной набор целей. В организации работы институций второй модели закреплены противоположные тенденции. Главной функцией является просвещение широкой публики, чему и посвящено большая часть деятельности (проводятся лекции, мастер-классы). Это неизбежно оказывает влияние на характер формирования экспозиции, объекты которой обретают ценность за счет выполнения их образовательной функции.

Таким образом, можно сказать, что руководство арт-институций, принимающее решения о целях и деятельности организации, вынуждено учитывать обе модели для обеспечения успешного функционирования институции. В случае рассмотрения художественных музеев элитистская модель означает направленность на коллекционирование, сохранение и изучение работ, что свойственно видению миссии профессиональной группой. В то время как популистская следует миссии образования и обеспечения досуга для широкой аудитории, что свойственно видению государства, обеспечивающего финансирование.

деятельности выбранных для анализа институций. Проведено разделение между деятельностью, свойственной элитистской и популистской модели. Институции ранжированы в порядке возрастания количества досуговых мероприятий и проектов. Нужно помнить, что элитистская и популистская модели, выделенные ДиМадджо [DiMaggio 1991] являются идеальными типами. Изучаемые институции в своей работе могут перенимать те или иные характеристики, свойственные каждой модели.

Слева в таблице расположены организации, в большинстве своем следующие элитистской модели. Можно увидеть, что их деятельность направлена на коллекционирование и репрезентацию арт-объектов. Эти государственные учреждения прошли путь развития, описанный выше в случае европейских музеев, что и предопределило следование элитистской модели. В том числе, так как эти организации находятся на государственном финансировании (которое требует демонстрации результатов работы, т. е. повышение посещаемости), среди организуемых ими мероприятий также появляются проекты, направленные на привлечение аудитории и работу с ней. Коммерциализация приводит к открытию на территории организации кафе и магазинов. Таким образом, элементы популистской модели, позволяющие привлекать больше посетителей (и, как следствие, финансирования), перенимаются руководством этих институций.

Справа расположена группа новых площадок, следующих популистской модели организации работы, предполагающей большое количество мероприятий по взаимодействию с аудиторией. Выбор этой модели также объясняется условиями, в которых происходило формирование институций. Эти организации не получают государственного финансирования, были открыты и поддерживаются за счет средств своих основателей (первоначальный капитал или кредит). Для осуществления своей культурной миссии по развитию искусства в выбранном направлении (что отмечается респондентами как основная цель), руководство таких недавно образованных центров увеличивает количество мероприятий и видов деятельности, направленных на привлечение аудитории. В результате развлекательный сектор может составлять половину и более от площади институции. Часть новых арт-институций была организована на средства владельцев-предпринимателей (обеспечивших первоначальное финансирование).

чальную коллекцию и финансирование), что позволило этим институтам избежать чрезмерной коммерциализации, как в случае площадок-инициатив.

Чтобы наглядно представить процесс классификации деятельности агентов, обратимся к картинке, полученной в результате визуализации данных, собранных в результате сортировки карточек. Институты, относимые респондентами в одну группу чаще всего, на картинке располагаются ближе друг к другу, и, соответственно, реже образующие одну группу — дальше.

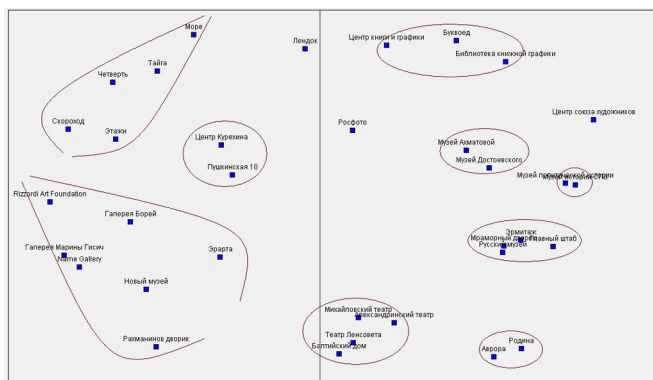

Рис. 2. Многомерное шкалирование

Можно видеть, что государственные учреждения в большинстве расположены справа (образуют четко разделяемые группы). Тогда как слева помещены новые площадки, которые еще плохо поддаются классификации (может быть следствием позиции в поле: еще не выработали четких стратегий работы, обеспечивающих стабильное функционирование). Нужно обратить внимание на то, как происходило образование групп. Можно увидеть, что в случае оценивания деятельности государственных учреждений респонденты смотрят на статус и ориентируются на систему классификации искусства по направлениям деятельности (относящую, например, все театральные учреждения в одну группу, все музеи — в другую). В то же время при классификации новых площадок вид деятельности не имеет большого значения (например образуют группу «Скороход», «Тайга», «Четверть», «Этажи», «Море», несмотря на то, что каждая из этих

институций специализируется в каком-то одном виде деятельности). Общим для этих институций является популистская модель и организация работы, предполагающая наличие большого количества магазинов и кафе на территории, а также проведение различных досуговых мероприятий, например вечеринок и барахолок. При этом процесс коммерциализации, коснувшийся и государственных учреждений, не становится основанием образования общих групп, включающих государственные организации и новые площадки.

Государственные учреждения имеют ряд преимуществ в поле. Например, официальный статус институции, сохраняющей предметы культурного наследия, не позволяет сомневаться в том, что представляемое ими искусство имеет «культурную ценность». В то же время деятельность работников из новых площадок классифицируется как «неискусство». Разрастание развлекательного сектора на их территории вредит, по мнению их коллег, осуществлению изначальной культурной миссии. Недостаток легитимности в случае новых арт-институций, которым отказывают в признании ценности их работы, приводит к различию в положении институций в поле и неравному доступу к ресурсам (финансирование и связи). Помимо государственного финансирования, получаемого государственными организациями, они имеют также большое количество спонсорской помощи. При этом, по словам работников новых площадок, их руководство постоянно находится в процессе поиска новых спонсоров, так как получить какую-либо поддержку очень сложно. Необходимо в каждом случае доказывать, почему их деятельность стоит финансировать, и какие это может принести выгоды компаниям-спонсорам. Это же касается и связей новых площадок и старых государственных учреждений: организация совместных мероприятий маловероятна в силу различного количества ресурсов и положений в поле.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что государственные организации занимают более выгодное положение в организационном поле за счет своего статуса. Процессы коммерциализации имеют место как в государственных учреждениях, так и на новых площадках. Однако в первом случае не оказывают влияния на то, как будет оценена их деятельность, тогда как во втором становятся основанием для критики. Новые площадки не имеют возможности

занять более выгодное положение в ситуации, когда классификации строятся на старой системе, и модель организации их работы, по мнению агентов поля, не может способствовать производству «настоящего искусства».

Список литературы

1. *Bourdieu P., Darbel A., Schnapper D.* The Love of Art: European Art Museums and Their Public. Cambridge: Polity Press, 1997.
2. *DiMaggio P.* Constructing an organizational field as a professional project: U.S. Art museums, 1920–1940, in: The New Institutionalism in Organizational Analysis // ed. by Powell W., DiMaggio P. Chicago: The University of Chicago Press, 1991. P. 267–293.
3. *Foster P., Borgatti S., Jones C.* Gatekeeper search and selection strategies: Relational and network governance in a cultural market // *Poetics*. 2011. 39(4). P. 247–265.
4. *Kotler N., Kotler Ph.* Can museums be all things to all people?: missions, goals and marketing's role // *Museum Management and Curatorship*. 2000. Vol. 18. № 3. P. 271–287.
5. *McPherson G.* Public memories and private tastes: The shifting definitions of museums and their visitors in the UK // *Museum Management and Curatorship*. 2006. Vol. 21. № 1. P. 44–57.
6. *Zolberg V.* American Art Museums: Sanctuary or Free-For-All? // *Social Forces*. 1984. Vol. 63. № 2. P. 377–392.

ОРГАНИЗАЦИЯ СООБЩЕСТВА ФИКРАЙТЕРОВ

ХАРЬКИНА Дарья

НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург, департамент социологии, 2 курс,
kharkina.daria@gmail.com

*Научный руководитель — Мусабиров И. Л.,
младший научный сотрудник НУЛ СОИ*

Kharkina Daria

Fan Fiction community organization

In this paper we are going to explore Fan Fiction community structure using data from the largest Russian Fan Fiction website ficbook.net. It will be proven that authors' rating (age restriction) preferences are very important as well as features of description of romantic relationship.

Введение

Хотя еще не так давно фанаты популярных культурных произведений были стигматизированной, осмеянной медиагруппой, к которой окружающие относились не самым лучшим образом, сейчас они представляют собой значительную силу, способную влиять на производителей оригинального художественного контента [Jenkins, 2006]. В последнее время в культурной среде происходит сдвиг в сторону размытия границ между производителями и потребителями [Jenkins, 2006]. Например, в отличие от пассивных потребителей прошлого, с развитием технологий молодые люди получают все больше возможностей моментально реагировать, к примеру, на произошедшее на телевизионном экране, отыскивая там смыслы, о которых создатели произведения и не подозревали, и сообщая об этом другим [Willis, 2003].

Среди популярных занятий фанатов находится написание рассказов по разнообразным культурным продуктам, где оригинальные персонажи помещаются в неоригинальные ситуации [Bronwen, 2011]. Вокруг производства таких историй — фанфиков (Fan Fiction, fanfic) — выстраивается сообщество фикрайтеров (ficwriter), об исследовании которого пойдет речь далее.

Материал для работы был собран на наибольшей русскоязычной площадке для такого сообщества, расположенной на сайте ficbook.net. В исследовании используются данные о 435,683 историях (жанры, размеры, возрастные ограничения), написанных 98,118 фикрайтерами в категориях «кино и сериалы», а также «известные люди» («real people fanfiction»).

В этом исследовании мы предпринимаем попытку изучить структуру сообщества фикрайтеров на сайте ficbook.net, остановившись на жанровой организации, размерах работ и системе возрастных ограничений.

Жанры

Система жанров в фанфикшне в целом представлена двумя блоками: непосредственно жанрами и предупреждениями. Так как граница между этими категориями размыта, для анализа они рассматриваются совместно. Хоть и часто эти маркеры легко классифицируют-

ся как жанр или предупреждение (например «фантастика» и «смерть главного персонажа»), иногда это сделать сложно («школа»).

Жанры и предупреждения близки к системе тэгов, выполняя типичные для тэгов функции, такие как привлечение внимания, выражение мнения, посыл сигналов аудитории [Gupta et al., 2010].

В общей сложности работы характеризуются 63 тэгами. Это число достаточно велико, поэтому для построения моделей они были сведены до пяти осей при помощи метода главных компонент. Ниже представлена их расшифровка (примечание: на каждой из осей расположены все жанры):

1. «Некрофилия — Романтика» — градация жанров, от воспринимаемых совсем небольшой частью аудитории к нацеленным на более широкую публику.
2. «Гет — слэш» — от гетеросексуальных отношений к гомосексуальным.
3. «Ангст — романтика» — на одном конце оси больше индикаторов беспокойства, на другом — более позитивные тэги.
4. «Взаимоотношения между героями — взаимоотношение героев с окружающим миром» — с одной стороны больше разнообразных любовных жанров, с другой — приключенческих.
5. «Не-канон — канон» — на одном конце оси расположены такие тэги, как ООС (Out of Character) — герой ведет себя не как в оригинальном произведении — и AU (Alternative Universe) — мир не похож на оригинальный — то есть маркеры рассказов, сильно отступающих от оригинала. На другом конце оси индикаторы относительной каноничности произведения.

Уже на таком предварительном этапе анализа можно обнаружить, что рассказы хорошо группируются по особенностям описания любовных взаимоотношений. Содержательно это может значить, что существуют наборы тэгов для авторов историй, посвященных взаимоотношениям между героями и особенностям этих отношений, а также группы тэгов для маркировки рассказов, где важная роль отводится окружающему миру, и эти категории довольно сильно различаются.

Для того чтобы превратить положение фанфика на непрерывных осях в категориальную величину, вышеописанные оси были разделены по медианному значению, разбивая рассказы на две группы.

Рейтинги

Одним из важнейших понятий, используемых в фанфикшне, является рейтинг — возрастные ограничения работы. Их классификация повторяет используемую Американской ассоциацией кинокомпаний, однако смысл, вкладываемый фанрайтерами в каждую категорию рейтинга, несколько отличается от общепринятого в кинематографе.

В то время как в фильме рейтинг формируется из критериев насилия, нецензурной лексики, употребления запрещенных веществ и сексуального контекста, причем наибольший вклад вносится первыми тремя критериями, в фанфике определяющая роль отводится тому, насколько подробно описаны любовные взаимоотношения героев. Рейтинги варьируются от G (General), что позволительно читать всем, до NC-21 (No Children), работ с высоким уровнем жестокости и насилия или подробным описанием сексуальных сцен. Всего используется пять вариаций рейтинга.

Если посмотреть на распределение рейтингов внутри одного фандома, то можно выявить два основных паттерна. Распределение может быть похоже на нормальное, где пик приходится на рейтинг PG-13 (некоторый материал может быть неподходящим для детей до 13 лет). Также оно может быть бимодальным, где два популярных рейтинга — это PG-13 и NC-17 (дети до 17 лет не допускаются к чтению). Мы предположили, что читатели и писатели внутри одного фандома могут делиться на два сообщества в зависимости от рейтинговых предпочтений, где в одном будет написано больше работ низких рейтингов, доступных широкой аудитории, а в другом — больше «взрослых» произведений. И в случае бимодальности это деление будет наиболее заметным.

Размеры

Существует четыре основных градации размеров в фанфикшне. Первая, драбл, является наиболее короткой формой — она включает чаще всего одну сцену, короткую зарисовку. Затем идет мини — произведение уже с полноценным сюжетом, обычно до 20 страниц

длиной. Следующее, миди, характеризуется размером от 20 до 80 страниц. И, наконец, макси — наиболее длинные рассказы.

Некоторые размеры непосредственно взаимосвязаны с жанрами. Жанры, в свою очередь, часто соотносятся с каким-то возрастным ограничением. Таким образом, «формальные» размеры сильно переплетены с содержательными характеристиками.

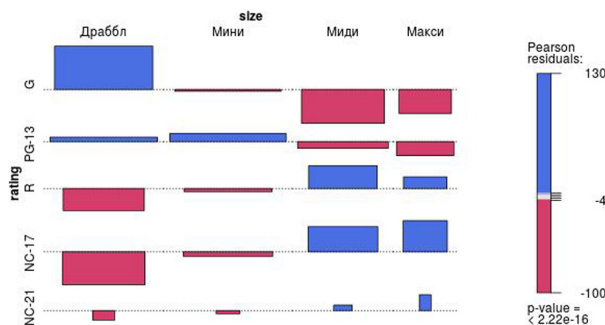

Рис. 1. Взаимосвязь размеров рассказов с возрастными ограничениями

На рис. 1 представлен график ассоциаций, где размеры сопоставляются с рейтингами, а цвет обозначает пирсоновские остатки. Синие области указывают на отклонение количества рассказов в эту категорию в большую сторону, чем ожидалось по независимой модели, красные — наоборот. Мы можем наблюдать, что в категориях драббл и мини больше работ в низких рейтингах (G, PG-13). Длинные же истории чаще сопровождаются высоким рейтингом.

Структура сообщества

Одно большое сообщество фикрайтеров распадается на множество отдельных — фандомов. Каждое маленькое сообщество объединяет поклонников одного культурного продукта, например книги или компьютерной игры. Однако в полной изоляции эти сообщества не живут. На рис. 2 представлена карта фандомов, где в качестве связи используются общие авторы. Если один человек написал историю по какой-нибудь книге и фильму, то на графе они связыва-

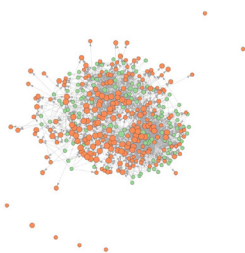

Рис. 3. Структура сообщества одного фандома.
Красным цветом выделены люди, написавшие хотя бы одну работу

После выделения сообществ авторов были проанализированы их рассказы по критериям жанров, размеров и рейтингов.

Статистически значимой связи между размерами и принадлежностью к комьюнити обнаружено не было. Это значит, что в сообществе фикрайтеров нет ярко выраженного тренда писать и читать работы в похожих размерах. Также рассказы, принадлежащие авторам разных сообществ, на значимом уровне не различались по жанровым характеристикам, хотя отклонения были.

Особенностью, различающей выделенные комьюнити, стал рейтинг (рис. 4). В одном из них оказалось больше ожидаемого работ с низкими возрастными ограничениями, в другом — с высокими.

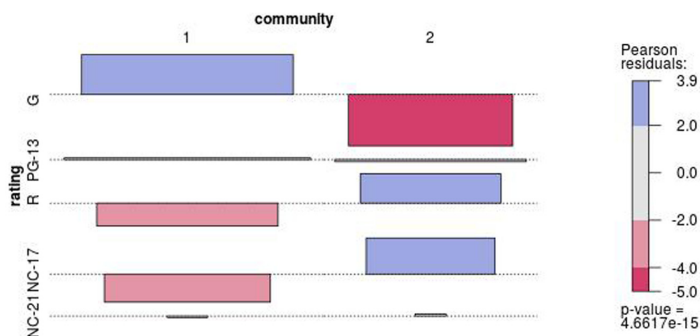

Рис. 4. Взаимосвязь возрастных ограничений работ и принадлежности их автором к одному из выделенных сообществ

Заключение

Несмотря на плотную взаимосвязь жанров и размеров с рейтингами, порог статистической значимости при выделении различий авторов из выделенных сообществ преодолели только последние. Таким образом, можно предположить, что ведущую роль в формировании структуры сообщества фикрайтеров играют рейтинговые предпочтения авторов.

Далее мы планируем провести исследование, которое покажет, сохраняется ли подобный паттерн для фандомов разных категорий, например семейных сериалов или компьютерных игр. К тому же хотелось бы более подробно рассмотреть категорию рейтинга, а именно: руководствуясь какими параметрами, авторы выбирают возрастное ограничение своей работе.

Список литературы

1. *Gupta M., Li R., Yin Zh., Han J.* Survey on social tagging techniques // ACM SIGKDD Explorations Newsletter. 2010. Vol. 12. № 1. P. 58–72.
2. *Jenkins H.* Convergence culture: Where old and new media collide. NYU press, 2006.
3. *Jenkins H.* Fans, bloggers, and gamers: Exploring participatory culture. NYU Press, 2006.
4. *Thomas B.* What Is Fanfiction and Why Are People Saying Such Nice Things about It? // Storyworlds: A Journal of Narrative Studies. 2011. Vol. 3. № 1. P. 1–24.
5. *Willis P.* Foot soldiers of modernity: The dialectics of cultural consumption and the 21st-century school // Harvard Educational Review. 2003. Vol. 73. № 3. P. 390–415.

Секция 2

СОЦИАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТЕЛА, ВОЗРАСТА И ЗДОРОВЬЯ

*руководитель — Нартова Н. А.,
секретари секции — Крупец Я. Н., Онегина Е. В.*

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ЖЕЛАЕМОМ И РЕАЛЬНОМ ЖЕНСКОМ И МУЖСКОМ ТЕЛЕ В СРЕДЕ ГОРОДСКОЙ МОЛОДЕЖИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

ОНЕГИНА Елена

НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург, департамент социологии, 4 курс,
лаборант Центра молодежных исследований
elena.onegina@gmail.com

*Научный руководитель — Омельченко Е. Л., д. с. н.,
профессор департамента социологии,
директор Центра молодежных исследований НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург*

Elena Onegina

Representations of the desired and actual female and male body among urban youth in St. Petersburg

The body is the base of the formation of the human self-image in the modern post-industrial society. As part of this report will be submitted to a theoretical overview of current research and the main scientific debates in the field of sociology of body. In the second part of the report it will be shown how the selected theoretical approaches of American and European researchers can be applied in empirical research in Russia. The empirical base of research includes 20 interviews with urban youth, which have been collected by the research team of the Centre for Youth Studies NRU HSE— St. Petersburg under the "Size Matters: Strategies for monitoring and control of the body among the urban youth". In the analysis will be described the scope of the "normal",

”ideal“, desired, real female and male bodies, which circulate among the youth of a large city.

Культурные представления о том, каким должно быть тело, меняются на протяжении истории. Изначально забота и уход за телом были связаны исключительно с поддержанием биологического функционирования и выживания [Тернер, 1994]. В то время как в условиях позднего капитализма тело все больше воспринимается как проект по созданию себя, собственной внешности и имиджа, и чаще представляется результатом различных стратегий — контроля и управления с помощью спортивных, косметических (косметологических), медицинских практик и способов организации питания, нежели набором биологических (трудноизменяемых или совсем неизменяемых) характеристик [Giddens, 1991]. То как производится тело, является персональной ответственностью человека, более того, образ тела может влиять на личную биографию. В тоже время образ тела должен соотноситься с принятыми стандартами телесной нормативности [Giddens, 1991].

В отношении мужских и женских тел выстраиваются многочисленные и разнообразные стратегии регламентации/нормализации. Медийный дискурс, транслируемый посредством периодических изданий, телевизионных передач и рекламы формирует образы «правильных» тел, которые встраиваются в существующий гендерный порядок и поддерживают его [Кривонос, 2013; Литвина, 2013]. Однако надо отметить, что репрезентации мужских и женских тел в публичном дискурсе становятся все более неоднозначными и противоречивыми. Женские журналы мод активно, а подчас и агрессивно демонстрируют худые, молодые тела моделей. В свою очередь, в мужских журналах преобладают спортивные, здоровые тела. Однако журналы, рассчитанные на прогрессивную, интеллектуальную публику, могут транслировать другие образцы «мужских» и «женских» тел.

В фокусе работы — рамки «нормативного», «идеального», желаемого и реального женского и мужского тела, которые циркулируют в молодежной среде крупного города. Эмпирическую базу доклада составили 20 полуструктурированных, лейтмотивных интервью с молодыми петербуржцами, собранными в рамках проекта «Размер имеет значение: стратегии контроля и управления телом в сре-

де городской молодежи» Центра молодежных исследований НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург¹.

Молодые люди и девушки предъявляют различные требования к собственным телам и телам других. Одной из сфер заботы среди молодых людей является производство и воспроизводство гетеросексуального образа. Мужчины не наденут женскую одежду, потому что это подвергает сомнению их гетеросексуальность, что нарушает ситуацию мужского доминирования и контроля. *«Какую одежду никогда не оденешь? Женскую, не знаю, как это объяснить. Какие-то вызывающие наряды, супермодные» (м., 19)*. Происходит отстранение от всего «женского», в данном случае от одежды, так как демонстрация повышенного интереса может выглядеть как приобщение к «женской практике» и символическое становление женщиной. Определение того, что значит быть мужчиной, происходит через противопоставление себя с «другими».

В то время как женский образ может регулироваться в соответствии с традиционным представлением о феминности, под которой понимаются характерные формы поведения, которые ожидаются от женщины в конкретном обществе. *«В принципе, меня мама так воспитывала, что самое главное, чтобы ты был здоров и могла как бы сама родить, прокормить, что называется грудью ребенка, некоторые страдают, что маленькая грудь, например, вот, ну, у меня по этому поводу никаких мыслей нет, потому что мама всегда говорила, главное, чтобы ты смогла просто выкормить ребенка, вот, и не важно, какого она у тебя размера, главное, чтобы ты смогла родить и широкий таз — это хорошо» (ж., 20)*. Способность родить ребенка и быть матерью как основные предписанные гендерные роли женщине воспринимаются девушками через заботу о телесной функциональности, то есть через физические возможности тела родить. [Кардапольцева, 2005:68].

Красота стала важной категорией в процессе описания девушками своих тел. Одной из причин озабоченности женщин внешним видом является тот факт, что при выборе партнерши мужчины обращают большое внимание на ее физическую привлекатель-

¹ Проект Центра молодежных исследований НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург «Размер имеет значение: стратегии контроля и управления телом в среде городской молодежи». Данное научное исследование (№ проекта 13-05-0038) выполнено при поддержке Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2013 году.

ность [Фролова, Скугаревский, 2004: 66]. Во многом поэтому тело становится своего рода капиталом, который женщина может инвестировать, к примеру, в успешное замужество. Тело, его красота становится «объектом инвестиции», который может принести не только успешное социальное положение, но и реальный доход (шоу-бизнес, модельный бизнес) [Бодрийяр 2006:170]. «И: Ну, у тебя есть какие-то представления о том, что такой-то мужчина красивый? Р: Кто красивый... Да нет, мужчинам не обязательно быть красивыми» (ж. 16). Представления о том, что женщины приобретают статус и ценность с помощью внешности характерно для патриархального гендерного порядка, тогда как мужчины могут приобретать статус посредством более широкого круга качеств, таких как интеллект, здоровье и сила [Tiggemann, 2004:31].

Концепция «телесного реализма», предложенная Шиллингом, позволяет включать в анализ влияние тела как физиологического/биологического факта и избегать понимания тела исключительно как результат социального производства и конструирования [Shilling, 2005:12; Гольман, 2014:161]. Материальная составляющая тела выступает и как возможность и как ограничение. Например, рост или определенные части тела, которые меняют восприятие у молодых людей и девушек своего тела. Информантки в своих интервью отмечали, что мужчина должен быть выше нее ростом, что для девушек может стать определяющим в выборе партнера. *«Образ мужчины-защитника, то есть он крупнее, выше, это лично такой вот мой взгляд... Вот, недавно со мной мальчик познакомился, вроде бы симпатичный, вроде бы интересный все, но рост очень! Я сама не знала, что меня может так оттолкнуть рост или голос, но вот последнее время замечаю, что не могу, не нравится, когда молодой человек со мной одного роста... Первое впечатление все-таки внешнее — не мое! Я замечаю, когда выше, крупнее, чувствуешь себя более женственной, что рядом с тобой защитник, чувствуешь себя слабее»* (ж. 20). Мужские тела, отклоняющиеся от нормативного мужского телесного образца, конструируются информантками как непривлекательные, так как приближаются к «женским» телам. С другой стороны, молодые люди выражают желание быть или одного роста с будущей партнершей или выше. *«Люблю низких девушек, потому что я сам не очень высокий, и у меня была девушка 1,89 и это неудобно... на носочках стоял»* (м. 20). На представленном материале видно, что образуется

взаимное желание молодых людей и девушек «подходить» друг другу по росту при формировании партнерских отношений.

Также информанты отмечали определенные части тела, которые их не удовлетворяют, что приводит к более фрагментированному восприятию собственного тела. Например, информантка рассказывала, что прячет косточку на ноге в метро, возникают трудности при поиске одежды. *«Обувь очень сложно подобрать. Вот, косточка торчит, вот она, сложно подобрать обувь, чтобы было удобно, ну, чтобы она мне внешне нравилась, чтобы было удобно, меньше было эту косточку видно. Все равно, выбираю-выбираю, везде косточку видно, нервничаю, в итоге, все равно беру что-то, где видно косточку»* (ж., 20). Отметим, что эта информантка стремится изменить часть тела, которая доставляет дискомфорт, сделав операцию по удалению косточки, чтобы телесный образ был более целостностным.

Молодые люди и девушки обеспокоены тем, как выглядит их тело, имея определенные представления о реальных и желаемых телах. В ходе анализа были выделены следующие идеи: красота, воплощенная в теле, является сугубо женским капиталом. Молодые люди в производстве телесности чаще нацелены на формирование физической, мускульной составляющей, чем внешней привлекательности тела. Несмотря на то, что информанты конструируют свое тело, имея определенные ресурсы, за счет разнообразных практик создают индивидуальный телесный проект, важно включать в анализ материальность тела, которая может очертить границы, быть препятствием или, наоборот, возможностью в процессе создания желаемого тела.

Список литературы

1. *Бодрийяр Ж.* Общество потребления. Его мифы и структуры. М.: Республика, Культурная революция, 2006.
2. *Гольман Е.* Телесный реализм как попытка преодоления проблемы структура/действие // Личность. Культура. Общество. 2014. Том 16. Вып. 2 (№№ 83–83).
3. *Здоровье и интимная жизнь: социологические подходы: сборник статей / под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной.* СПб: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2011.
4. *Кардапольцева В. Н.* Женственность как социокультурный конструкт. Вестник РУДН, серия Социология. 2005. № 1(8).

5. *Киммел М.* Маскулинность как гомофобия: страх, стыд и молчание в конструировании гендерной идентичности // Гендерные исследования. 2006а. № 14.
6. *Кривонос Д. С.* Телевизионное измерение возраста тела: взрослое/молодое vs молодое/взрослое // В кн.: PRO тело. Молодежный контекст / Под общ. ред.: Е. Л. Омельченко, Н. А. Нартова. СПб.: Алетейя, 2013.
7. *Крупец Я. Н., Нартова Н. А.* 2014. «Худой значит нормальный»: управление телом в среде городской молодежи // Журнал исследований социальной политики. Т. 12. № 4.
8. *Литвина Д. А.* Дискурсивное производство молодежных тел в текстах высокорейтинговой российской прессы: власть, гегемония, иерархия // В кн.: PRO тело. Молодежный контекст / Под общ. ред.: Е. Л. Омельченко, Н. А. Нартова. СПб.: Алетейя, 2013.
9. *Тернер Б.* Современные направления развития теории тела // THESIS. 1994. № 6.
10. *Фролова Ю. Г., Скугаревский О. А.* Социальные факторы формирования негативного образа тела // Социология. 2004. № 2.
11. *Giddens A.* Modernity and Self-identity: Self and Society in the Late Modern Age. Cambridge: Polity Press, 1991.
12. *Shilling C.* The Body in Culture, Technology and Society. — London: SAGE Publications Ltd, 2005.
13. *Tiggemann M.* Body image across the adult life span: stability and change // Body Image. 2004. Vol. 1, № 1.

ТЕЛО КАК ПРОЕКТ: ПРАКТИКИ ТЕЛЕСНЫХ МОДИФИКАЦИЙ СРЕДИ БОДМОДЕРОВ

САБЛИНА Анастасия

НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург, магистрантка 1 курса,
стажер-исследователь Центра молодежных исследований e-mail: aasablina@edu.hse.ru

*Научный руководитель — Омельченко Е. Л., д. с. н.,
профессор департамента социологии
директор Центра молодежных исследований НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург*

Body as a Project: the Practices of Body Modifications among Bodmoders

In the 21-st century, the development of modern technologies and the emergence of new varieties of body images formed a new space of body experimentation. The focus of this thesis is the body projects, namely, what meanings bodmoders invest in body modifications. The empirical base of the study is consisted of 24 in-depth interviews with bodmoders from 19 to 29 years, who are living in St. Petersburg.

The final body project (“master plot”) is usually represented as a complete body image, in which some adjustments are made. Body project is also presented as a commercial or artistic project, which is associated with investing economic or “artistic” values in the body. There have been defined five basic types of body projects — “experimental”, “painful”, “de-naturalized”, “mixed” and “self-expression” projects. In the process of modification the process of objectification of the body, its commodification occurs — the body becomes an object, experiment, and “tool”. But on the social level the process of subjection of the body take place — the individuals defines their bodies, boundaries, functioning, due to the feeling of pain and the medical aspects of body modifications.

На протяжении всей жизни индивиды так или иначе изменяют свои тела. Но в XXI в. развитие современных технологий и появление многообразия новых телесных образов сформировали новое пространство телесного экспериментирования. В эпоху постмодерна тело становится объектом потребления, которое может быть изменено, продано и отдано «в аренду». Бодмод — культура, сосредоточенная на изменении тела посредством пирсинга, татуирования, шрамирования, подвешивания и прочих форм телесных модификаций — как практика «работы с телом» является одним из наиболее интересных объектов исследования отношения к телу, телесного экспериментирования и создания индивидуальных «проектов тела».

Фокусом данной работы выступают телесные проекты бодмодеров, а именно: какие смыслы вкладываются бодмодерами в телесные модификации. Эмпирическую базу данного исследования составили 24 глубинных интервью с бодмодерами от 19 до 29 лет, проживающими в Санкт-Петербурге. Данные интервью были собраны в 2013 и 2014 гг., их длительность составляет от 50 минут до 3 часов. Интервью были транскрибированы и анализировались процедурами, согласно логике анализа методом обоснованной теории (grounded theory). Отбор информантов осуществлялся методом снежного кома, в процессе поиска информантов были задействованы несколько сетей, для того чтобы исключить исследование одной группы информантов.

Телесный проект в рамках данного исследования — это не совсем завершенный образ, который формируется как представление и затем воплощается в теле. Более того, обычно представление о том, как должен выглядеть завершенный проект тела, обычно не вербализируется и не имеет итоговой, завершенной формы. Итоговый проект тела обычно представляется в достаточно коротком

временном промежутке и склонен подвергаться изменениям, в зависимости от таких факторов как изменения в биографии бодмодера, «моды» на стили или виды модификаций, переопределения себя и/или своего тела. Одним из наиболее интересных терминов, которые связаны с телесными модификациями, стал термин *masterplot*, предложенный Конди в ее работе «Графика на теле: татуировки и крах коммунизма» [Конди, 1999]. *Masterplot* представляет собой полностью завершенный проект, «шедевр», созданный на теле с помощью модификаций. Таким образом, индивид, который начал практиковать такие телесные модификации, как татуировки, шрамирование, пирсинг и т. д., обычно добивается завершения своего «телесного проекта».

Теоретическими основаниями данного исследования стали работы, описывающие бодмод как феномен [Albin, 2006, 2011, Atkinson, 2003, DeMello, 2003], и работы, описывающие процессы коммодификации, объективации/субъективации, отчуждения (денатурализации) тела. Основная концепция тела как проекта, впервые использовалась социологом Энтони Гидденсом (1991), который отметил, как индивиды «используют» свои тела — например через моду и физические упражнения — чтобы помочь им продолжать определенные способы жизни или образы жизни. Здесь тело становится частью продолжающегося «проекта идентичности», что выражается через модификации [Gimlin, 2002], в отличие от понятия Ледера [Leder, 1990] об «отсутствующем» теле, которое сосредотачивается на тенденции тела оставаться в рамках «телесного контекста», до тех пор, пока конкретный физиологический или социальный опыт не заставляет его «исчезать» (*dys-appear*), т. е. отчуждения тела и телесности. Дебаты об отчуждении тела и телесности с отсылками на медицинский, биологический, религиозный и т. д. дискурсы наиболее явно проявляются в литературе, посвященной донорству, пересадке тканей/органов, суррогатному материнству в рамках процесса коммодификации тела человека [Williams-Jones, 1999; Nelkin, Lindee, 1995; Radin, 1996]. Также о коммодификации писал Бодрийяр в его работе «Общество потребления», останавливаясь на двух аспектах наиболее подробно — тело как капитал и тело как фетиш. Оба этих аспекта относят нас к пониманию тела как объекта или как проекта, который создается, используется и изменяется человеком, инвестируется в различные пространства, в том числе и экономические.

Процесс субъективации тела и индивида описаны в работах Фуко, который также ставит под сомнение «биологичность» и «анатомичность» тела, которые несут исключительно иллюзорную функцию — в реальности тело оказывается «политической анатомией», т. е. набором практик, техник, которые представляют собой разные формы знания» [Фуко, 1999: 39].

В данной работе предпринята попытка раскрыть и типизировать проекты тела через описанные в теории концепции объективации/субъективации, отчуждения тела и телесности. Говоря об отчуждении, можно высказать тезис о том, что оно происходит на разных уровнях телесности — то есть на биологическом уровне тело отчуждается и происходит процесс коммодификации и объективации, поскольку тело начинает восприниматься как объект, как инструмент. Его телесность и телесные «переживания» снижаются или игнорируются, например, болевые ощущения, которые появляются во время процесса модификации, самими информантами игнорируются, снижаются или упоминаются как необходимая часть процесса модификации. Но при выделяемой объективации тела бодмодеров, на социальном уровне, происходит процесс «присваивания» тела — то есть определение его границ, его функционирования, его структуры. Таким образом, одновременно с процессом объективации происходит и процесс субъективации — индивид «осознает» свое тело, «вживается» в него и обретает способы контроля над ним.

Пробуя типизировать полученную информацию о проектах тела, можно выделить пять основных типов телесных проектов — «экспериментальный», «болевой», «денатурализованный», «смешанный» проекты и проект «самовыражения».

«Экспериментальный» проект или стратегия экспериментирования со своим телом обычно представляет собой проект модификаций, в котором основным является не полученный результат модификации, а сам процесс модифицирования. В данном проекте основным процессом является процесс объективации, то есть превращения своего тела в изменяемый объект, части которого можно убрать или добавить что-то новое. Также для данного типа проекта тела можно применить определение «открытого» проекта, поскольку в данном случае бодмодер обычно не имеет представления об итоговом проекте тела и даже том результате, который он хочет получить. Для такого проекта тела характерны сложные и редко встречаемые мо-

дификации (хоть и обратимые), поскольку это выступает основной функцией данного проекта — экспериментирование и получение нового опыта и новых модификаций. Также этот проект тела характерен для случаев, когда бодмодер становится «моделью» для неопытного мастера — таким образом и мастер, и «модель» получают необходимый опыт. Влияние на выбор модификаций и целого образа оказывает «мода», транслируемая бодмодом и другими молодежными культурами.

Следующий выделенный тип — это «болевой» проект тела, или, в целом, стратегия «преодоления себя». В данном проекте основную роль играет процесс субъективации, то есть «определения» и «осознания» своего тела, его границ и функционирования, субъективные ощущения и т. д. Данный тип проекта также более сфокусирован не на результате модификации, а на самом процессе, но немного в другом контексте: через переживание боли тело переопределяется и становится субъектным, «воплощаясь» в своей «биологичности», определяя свои физические границы и то, как оно функционирует. Данный процесс субъективации становится возможным благодаря опять же болевым ощущениям, медицинским аспектам и системе ухода за модификацией (то есть благодаря средствам контроля над телом).

«Денатуризованный» проект предполагает, как это понятно из названия данного типа, «денатурализацию» тела, то есть уход от «естественного» состояния тела. Для данного типа телесного проекта характерны сложные, масштабные и часто необратимые модификации (такие как покрытие татуировками более 80 % тела, татуировка глазных яблок и т. д.). Для данного типа телесного проекта характерны попытки полностью отойти от привычных образов тела. Основным процессом выступает процесс отчуждения тела и телесности, то есть, дословно, «обесчеловечивания» (имеется в виду внешний вид бодмодера). Одна из форм отчуждения тела и телесности — это достаточно редкие практики автоканнибализма, которые выступают в качестве одной из форм познания и экспериментирования с телом.

Телесный проект «самовыражения» (стратегия достижения «идеального Я») обычно предполагает существование представления об итоговом проекте с минимальными изменениями или хотя бы определенной его части. Данный проект тесно связан с имплицит-

ным смыслом самовыражения телесных модификаций, поскольку тоже вербализируется как демонстрация уникальности и внутренних смыслов. Например, проект самовыражения предполагает инвестирование (кодов, знания, экономических средств): причем как инвестирование в тело, так и получение инвестиций от него — тело как PR-проект, и наличие модификаций как «проход» в модную индустрию. Таким образом можно заключить, что в данном случае коммодификация является основным процессом, меняющим отношение к телу, поскольку возникает экономическая составляющая. Также стоит отметить, что бодмодеры, наиболее склонные именно к этому типу телесного проекта, отмечают «эстетичность» и «красоту» модификаций (в том числе и медицинской составляющей) как основной элемент выбора той или иной модификации. Для такого типа проектов тела болевые ощущения либо игнорируются или снижаются, либо воспринимаются как неизбежный элемент «претерпевания» ради достижения определенного результата модификации, что и является целью данного типа проектов тела.

И последний тип телесных проектов — это «смешанный» тип (или стратегия подражания). В данном типе проектов происходит смешение культурных или стилевых практик, например, ролевик может сделать себе модификацию «эльфийские уши» для воссоздания определенной реальности. В данном типе проекта изначальные смыслы телесных модификаций подменяются другими, наиболее характерными для других сообществ. Не последнюю роль в подмене смыслов играет распространение практик бодмода вне бодмодсообщества, что делает смешанный проект наиболее характерным для небодмодеров, что связано с заимствованием практик бодмода массовой культурой.

Суммируя вышесказанное, стоит отметить, что данная типизация скорее служит для выделения «идеальных типов», так как каждый проект тела бодмодера индивидуален в своих способах — выборе определенной модификации, работе мастера, стилистике работ и т. д. Более того, достаточно сложно встретить телесный проект определенного типа, поскольку они, как и смыслы телесных модификаций, имеют свойство не вербализоваться и смешиваться друг с другом. Также, тип (смысл) телесного проекта может изменяться — в зависимости от внешних факторов и вкладываемых смыслов,

таких как биографические изменения индивида, степень вхождения в бодмод-сообщество, внутренняя мода.

Список литературы

1. *Бодрийяр Ж.* Тело — самый прекрасный объект потребления // Общество потребления. Его мифы и структуры. / Ж. Бодрийяр. М.: Культурная революция. Республика, 2006.
2. *Конди Н.* Графика на теле: татуировки и крах коммунизма // НЛО. 1999. № 39.
3. *Фуко М.* Возвращение морали // Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / М. Фуко. Ч. 3. М.: Праксис, 2006.
4. *Фуко М.* Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы. М.: AdMarginem, 1999.
5. *Albin D. D.* Making a body (w)hole: A semiotic exploration of body modifications // *Psychodynamic Practice*. 2011. Vol. 12.
6. *Albin D. D.* Making the body (w)hole: a qualitative study of body modifications and culture (thesis/dissertation). Austin: The University of Texas at Austin, 2011.
7. *Atkinson M.* Tattooed: the sociogenesis of a body art // Toronto: University of Toronto Press, 2003.
8. *DeMello M.* Bodies of inscription: a cultural history of the modern tattoo community Duke: Duke University Press, 2003.
9. *Gimlin D.* Body Work: Beauty and Self Image in American Culture. South Pasadena: Nighttown Books, University of California Press, 2002.
10. *Leder D.* Medicine and Paradigms of Embodiment // *Journal of Medicine and Philosophy*. 1984. Vol. 9(1).
11. *Nelkin D., Lindee M.S.* The DNA Mystique: The Gene as a Cultural Icon. NY: Freeman, 1995.
12. *Radin M.* Contested commodities. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1996.
13. *Williams-Jones B.* Concepts of Personhood and the Commodification of the Body // *Health Law Review*. 1999. Vol. 7(3).

ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ КОНЦЕПЦИИ «ЖИЗНЕННОГО КУРСА» ДЛЯ АНАЛИЗА ВОЗРАСТНЫХ ТРАНЗИЦИЙ

СОЙТУ Оксана,

магистрантка 2 курса, департамент социологии,
стажер-исследователь Центра молодежных исследований НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург
o.soytu@yandex.ru

*Научный руководитель — Крупнец Я. Н., к. с. н.,
доцент департамента социологии НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург*

Oksana Soitu

Possibilities of application of the concept of the “life course” for the analysis of the age transitions

The report about modern the prospects for the study of age and transitions, and also an analysis of how girls and young women construct their age and implement transitions. For this has been described the concept of “post-modern” and “scheduled” the life course, and also the concept of role and individualistic transitions. And to analyze interviews of girls (15–20 years) and young women (30–35 years).

В обществе позднего модерна размываются возрастные границы, смягчаются возрастные субординации, появляется свобода выбора жизненных курсов и множественной идентичности [Featherstone, Herpworth, 1991; Bauman, 2002]. Однако категория возраста остается ежедневно проблематизируемой и социально-конструируемой. Биологическому возрасту приписываются различные коннотации, требования и ожидания. Требование современности — быть «молодым» в повседневности, вести активный образ жизни, иметь соответствующие практики и быть готовым к переменам. В тоже время — быть «взрослым», иметь ответственное поведение и заботиться о будущем [Blatterer, 2010]. А также иметь молодое, здоровое и стройное тело [Biggs, 1993, 1999; Wolf, 1991]. Поэтому современные женщины, с одной стороны, имеют возможность выбора своей идентичности, с другой, находясь в изменчивых условиях социальной реальности, вынуждены постоянно корректировать свою идентичность. Создавая или изменяя возрастную идентичность, они оказываются в процессе перехода от одного этапа к другому. Возрастные транзисии в этом ключе не могут ограничиваться изменением статуса и социальных ролей человека [Arnett, 1997], они должны учитывать индивидуалистские маркеры возраста, которые могут выражаться

в стилевых, потребительских практиках, а также должны учитывать социокультурный и телесный опыт.

Концепция «жизненного курса» в современном обществе представляется актуальной с двух перспектив. Первая — «постмодернистский жизненный курс», где границы возрастных этапов становятся размытыми, социальный порядок и социальный контроль ослабевают. Возрастная иерархия становится менее явной, а возрастные предписания смягчаются. На смену приходит категория стиля жизни, предполагающая множественные идентичности. Всепроникающая рефлексивность распространилась и на тело человека, где тело является частью системы, а не просто пассивным объектом воздействий [Giddens, 1991]. Тело становится набором кодов, с помощью которых человек может воспроизводить свои идентичности и распознавать других. Появляется риск обрести «неверную» идентичность, из-за того что может возникать несоответствие между опытом человека, его самоощущением и отражением в зеркале [Featherstone, Hepworth, 1991]. Концепция жизненного пути в этой перспективе — это проект выборов и постоянно меняющейся идентичности человека, что в свою очередь затрудняет фиксацию как самих идентичностей, так и возрастных транзаций.

Вторую можно обозначить как «размеченный жизненный курс» [Kohli, 1985, 2007], в ее основе концепт о том, что несмотря на изменение социального порядка по-прежнему остаются возрастные субординации, и более того, усиливаются регламентации социальных ролей, зависимые от хронологического возраста. Обозримый горизонт (ориентир) становится мерой жизненного времени, которая обеспечивает безопасность и предсказуемость. Границы возрастных этапов и рамки возрастных идентичностей существуют, но они создаются институционально. Такое видение жизненного курса остается открытым для действий и интерпретаций, а также нормативных предписаний и биологизации жизни как проекта. В этой перспективе возраст остается основой для стратификации и основанием для получения возможностей, привилегий, а также проявления власти [Riley, Johnson, Foner, 1972].

Обращаясь к транзакциям, важно понимать, что концепция транзакции является частью более широкой концепции жизненного курса. Все транзакции, совершаемые индивидами на протяжении всей своей жизни, являются некими «поворотными моментами»

[Hareven, Masaoka, 1988] жизненного курса. Транзиция к взрослости уже долгое время оказывается в фокусе исследователей, это связано с идеализированным концептом о «независимой взрослости» [Hockey, James, 1993]. Именно обретение статуса взрослого человека считается «правильным» переходом от подросткового периода. Поэтому исследователи стремились выделить критерии, которые составляют статус взрослого человека. Несмотря на то что сам по себе переход к взрослости представляется социально конструируемым, и в соответствии с этим критерии взрослости будут изменяться в зависимости от временных и культурных особенностей общества.

Во второй половине XX в. транзиция к взрослости маркировалась социально-демографическими или ролевыми изменениями. Эта исследовательская перспектива обозначается как «транзиция событий» или «транзиция занятости», обращавшаяся к исследованию ролевых изменений или событий в биографии человека. Такими событиями выступают: окончание образования, начало работы, самостоятельное проживание (переезд от родителей), замужество и родительство (рождение первого ребенка) [Hogan, Astone, 1986].

К концу XX в. актуальной стала представляться концепция индивидуалистских транзиций. В этой перспективе транзиция к взрослости представляется процессом, в ходе которого происходят постепенные внутренние индивидуалистские изменения. В этом ключе основными маркерами являются независимость и равенство, которые касаются как поведенческих особенностей, так и материальных возможностей [Arnett, 1997]. В этой перспективе присутствует ключевое пересечение между ролевыми транзициями (финансовая независимость от родителей и отдельное проживание) и индивидуалистскими (самостоятельное принятие решений и отношения на равных с родителями), потому что они не только дополняют друг друга, но и делают концепт независимости и равенства многогранным для анализа.

Опираясь на концепцию «институционализированного/размеченного жизненного курса» и концепцию индивидуалистских транзиций, проиллюстрируем эмпирическими данными, какие транзиции осуществляют молодые девушки и женщины, а также какие

маркеры актуализируются при переходах. В данной работе анализируются 20 глубинных интервью¹ с девушками 15–20 лет и с молодыми женщинами 30–35 лет, которых условно можно отнести к среднему классу по образовательному и профессиональному статусу.

*Возрастные транзичии в нарративах молодых девушек
(15–20 лет)*

В девичьих нарративах текущий возрастной этап описывался в категориях «юность», «молодость», «молодая зрелость», «переходный период», а также через возрастные идентичности, например, «я более-менее зрелая» (инт. № 1, ж., 17 лет). Конструируемый возраст представлялся как более осознанный и серьезный относительно прошлого. Это является более желанным по сравнению с предыдущим возрастным этапом. Однако текущий период характеризуется лиминальностью, несформированностью, зависимостью и оценивается как недостаточно зрелый и желаемый относительно будущего, поэтому обретение зрелости и независимости становится для девушек целью [Blatterer, 2010] на этом отрезке их жизненного пути. Поэтому молодые девушки оказываются в транзичии от подростковой к зрелости, а текущий возрастной период можно определить как «молодая зрелость». Молодая зрелость — это лиминальный период между подростковой и зрелостью, это начало молодости, для которой характерно стремление к зрелости.

Данное обстоятельство проявляется в таких маркерах: становление «Я» как личности, поведение и тело. Маркер становления «Я» как личности — это процесс субъективации, становление субъектом, способным к действиям и воздействиям, а также формирование собственной индивидуальности. В молодой зрелости субъектность находится на стадии формирования и испытывает ограничения контроля родителей и учителей. Становление субъектом проявляется в формировании круга общения и работе над своим «Я». Имеет поведенческое и телесное выражение. Легитимным считается несдержанное и зависимое от родителей поведение (в принятии решений

¹ Данный доклад подготовлен в рамках научного исследования ««Возраст в работе»: конструирование возраста девушками и молодыми женщинами» (№ 14-05-0054) выполняемого при поддержке Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2014/2015 гг.».

и материальном плане), а также телесная свобода, проявляющаяся в экспериментах с внешностью.

«Я просто обожаю, когда одевают юбку и кеды. Мне кажется, это для моего возраста просто идеально» (инт. № 5, ж., 15 лет).

Таким образом, транзичия к взрослости происходит с прекращением экспериментов и переходу к компетентному уходу и сдержанному стилю. А также с освобождением от контроля и приобретением автономности.

Возрастные транзичии в нарративах молодых женщин (30–35 лет)

В женских нарративах текущий возрастной этап описывается в категориях «взрослость», «взрослая молодость», «заканчивающаяся молодость», «зрелость». А также описывался как «лучшая» половина пути и период высокой удовлетворенности, это связано с обретением автономности и статусности. В этот период «взрослость» представляется достигнутой, поэтому ценностью становится сохранение и продление молодости [Blatterer, 2010]. Поэтому его можно обозначить как «взрослая молодость», поскольку молодость начинает утрачиваться, а взрослость достигает пика. На этом этапе была отмечена транзичия к зрелости, которая связывалась с переосмыслением своего жизненного пути и появлением возрастных изменений.

Во взрослой молодости также актуализировались маркеры: тело, поведение и становление «Я» как личности. Субъектность во взрослой молодости достигает пика. Текущий возрастной этап становится проектом выборов, в котором главная роль принадлежит молодым женщинам. Женщины во взрослой молодости становятся субъектами, способными осуществлять контроль как над своим поведением и возрастными изменениями их тел, так и над другими — это дети, пожилые родители, подчиненные на работе и т. д. Что дает основания для проявления власти.

«Заметила, что пошли изменения, чувствуется, что уже возрастные изменения пошли, и в связи с этим изменила немного уход, чтобы не превратиться в бульдожку раньше времени» (инт. № 12, ж., 32 года).

Женское тело становится культурным капиталом, который позволяет устанавливать новые социальные связи и отношения, а также становится средством достижения желаемых позиций и сред-

ством манипуляции. Однако требует постоянных инвестиций для сохранения и поддержания телесной молодости и привлекательности.

Заключение

Таким образом, концепция «размеченного жизненного курса» позволяет конструировать текущий возрастной этап, ретроспективно описывать предыдущий и будущий, выделять маркеры, демонстрирующие возраст и возрастные транзисии.

Текущий возрастной этап молодых девушек можно определить как «молодая зрелость», для которой характерно стремление к зрелости, а женщин — «взрослая молодость», стремящаяся к сохранению телесной молодости. Происходит трансформация субъектности: транзисия к «молодой зрелости» связана с ее формированием и стремлением к освобождению от контроля, транзисия к «взрослой молодости» связана с автономностью и обладанием субъектностью.

Список литературы

1. *Блоссфельд Х. П., Хьюник И.* Исследование жизненных путей в социальных науках: темы, концепции, методы и проблемы // Журнал социологии и социальной антропологии. 2006 г. Том IX. № 1.
2. *Arnett J. J.* Young peoples conceptions of the transitions to adulthood // *Youth & society*. 1997 г. Vol. 29. № 1.
3. *Biggs S.* Age, gender, narratives, and masquerades // *Journal of Aging Studies* 18. 2004.
4. *Featherstone M., Hepworth M.* The Mask of Aging and the Postmodern Life Course. London: Sage, 1991.
5. *Blatterer H.* The changing semantics of youth and adulthood // *Cultural Sociology*. 2010.
6. *Giddens A.* Modernity and Self-identity: Self and Society in the Late Modern Age. Cambridge: Polity Press, 1991.
7. *Hareven T. Masaoka K.* Turning points and transitions: perceptions of the life course // *Journal of Family History*. 1988 г. V. 13. № 3.
8. *Hogan D. P. Astone N. M.* The transition to adulthood // *Annual Review of Sociology*. 1986 г. Vol. 12.
9. *Hockey J., James A.* Growing Up and Growing Older: ageing and dependency in the life course. London: Sage, 1993.

10. *Kohli M.* Die Institutionalisierung des Lebenslaufs: Historische Befunde und theoretische Argumente. [The institutionalization of the life course: Historical findings and theoretical arguments]. *Klner Zeitschrift f r Soziologie und Sozialpsychologie*, 37, 1985.

11. *Kohli M.* The Institutionalization of the Life Course: Looking Back to Look Ahead//*Research In Human Development*. 2007. Vol. 4. №№ 3–4.

12. *Sontag S.* The double standard of ageing. In V. Carver, & P. Liddiard (Eds.), *An ageing population*, 1978.

13. *Riley M. W., Johnson M., Foner A.* *Ageing and Society: A sociology of age stratification*. New York: Russel Sage, 1972. Vol. 3.

Секция 3

МОЛОДЕЖЬ В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ: ПОКОЛЕНИЯ, СОЛИДАРНОСТИ, КУЛЬТУРЫ

*руководитель — Омельченко Е. Л.;
секретари секции — Литвина Д. А., Зиновьев А. А.*

РЕФЛЕКСИЯ РИСКОВ МОДЕРНИЗАЦИИ, ИЛИ ПОЧЕМУ ЛЮДИ УЧАСТВУЮТ В ЭКО-ДВИЖЕНИИ?

БАРАНОВА Алена

НИУ ВШЭ — Москва, социология, 1 курс магистратуры,
baranova_alena92@mail.ru

*Научный руководитель — Ярская-Смирнова Е. Р., д. с. н.,
профессор кафедры общей социологии
факультета социальных наук НИУ ВШЭ*

Baranova Alena

Reflection of modernization risks or why people participate in eco-movement

This study concerns the analysis of process and consequences of revaluation of modernization risks in connection with the practices of garbage utilization and participation in eco-movement. Dataset includes interviews conducted with the participants of eco-movement “Musora.Bolshe.Net” (“No more garbage”) in Moscow. The theoretical framework of this study is based on U. Beck’s concept of “reflexive modernization”. Practices of ecologization and level of reflexivity depend on perception of garbage. We emphasize the importance of garbage perception for the development of reflexivity and utilization practices. Therefore we have developed two dichotomies of garbage perception.

Введение

Пытаясь понять образ жизни древних людей, археологи полагаются во многом на редкие находки в виде мусорных ям с посудой, металлами и другими остатками. Отходы наших предков практически растворились в природе, поскольку состояли из быстро разлагаемых веществ, таких как древесина, ткани, солома. Напротив, будущие археологи смогут легко узнать все о жизни, например, современных москвичей, ведь с развитием производства, массового потребления и искусственных материалов московские и подмосковные зоны легко предоставят для рассмотрения будущему археологу огромные горы медленно разлагаемых отходов.

В большинстве стран Европы для людей уже привычно сортировать мусор. Например, выброс стекла, бумаги и пластика в один мусорный бак является отклоняющимся поведением, которое влечет за собой неодобрительные взгляды или даже замечания. В Москве за последние годы в ряде парков и у некоторых кафе появились баки для раздельного сбора мусора, увеличилось количество формальных и неформальных организаций и экологических движений, стремящихся к улучшению окружающей среды. Одним из важнейших направлений деятельности таких организаций становится развитие и поддержание раздельного сбора мусора. С точки зрения активистов и теоретиков экологической социологии, возникновение таких движений объясняется осознанием необходимости борьбы с угрозами, являющимися следствием научно-технологического прогресса. В настоящее время центральными каналами распространения информации о них являются СМИ и Интернет. Однако даже среди членов экологических организаций, не говоря уже о большинстве жителей столицы, мало кто занимается раздельным сбором мусора [ФОМ, 2013]. Цель этой работы будет заключаться в том, чтобы проанализировать процесс и последствия рефлексии рисков модернизации в практиках обращения с мусором среди членов движения «Мусора.Больше.Нет» в Москве.

«Мусора.Больше.Нет» представляет собой сеть инициативных экологических групп, деятельность которых носит некоммерческий характер. Основными направлениями данного движения является сокращение объемов потребления, развитие повторного использования товаров и переработка отходов.

Теоретическая рамка

Теоретической рамкой исследования выступает концепция «рефлексивной модернизации» У. Бека [Бек, 2000] и его последователя О. Н. Яницкого [Яницкий, 2011; Яницкий, 2013], в соответствии с которой потребности людей в современном обществе меняются с ценностей «выживания» на ценности «самовыражения и избегания риска» [Бек, 2000], возникшего в процессе модернизации. Тогда риск сам вызывает инструмент уменьшения этого риска. Например, формируются экологические движения или меняются практики утилизации отходов. Мнения и практики участников и руководителей одного из таких общественных движений являются предметом анализа в данной работе.

Методология

Ранее рефлексия рисков модернизации не рассматривалась в качестве причины экологизации практик и вступления в экологические движения. Исключительно по данным с интернет-сайтов сложно полноценно раскрыть предмет исследования, и провести количественное исследование не представляется возможным. Поэтому качественные методы могут помочь в достижении цели исследования: проанализировать процесс и последствия рефлексии рисков модернизации на уровне участников экологического движения. Инструментом исследования стали полуструктурированные интервью с участниками и руководителями движения. Интервью длились в среднем 40 минут. В ходе сбора данных было опрошено 12 участников и 3 лидера движения.

Отбор респондентов происходил через сайт «vk.com» в группе «Мусора.Больше.Нет.Москва». Поиск респондентов производился по списку участвующих в группе. Выборка включает в себя активных участников движения. Критерием активности выступает комментирование сообщений и постов в группе и проставление знаков «Мне нравится» под сообщениями и постами. Отбор происходит именно среди активных участников, чтобы избежать попадания в выборку «фиктивных» участников движения, не принимающих никакого участия в его деятельности.

Было решено, что длительность участия в движении может влиять на получаемые данные, поэтому была сделана квота по продолжительности участия в группе, в соответствии с которой участники разделились на 2 группы: 1) состоящие в движении более двух лет, 2) состоящие в движении менее 2 лет. В итоге это деление не показало существенных различий в ответах.

Таблица 1

Выборка респондентов — участников движения

	Мужчины	Женщины
Состоящие в движении более 2 лет	3	3
Состоящие в движении менее 2 лет	3	3

Возраст участников фиксировался, но не являлся критерием отбора интервьюированных. Возраст информантов, проявляющих активность и попавших в выборку, находится в среднем в промежутке от 24 до 29 лет (с одним отличающимся значением: 18 лет). Такая выборка соответствует и возрастному распределению людей в группе в том смысле, что эта возрастная группа является самой многочисленной. Среди участников группы движения в социальных сетях не встречаются люди старше 60–65 лет, поскольку, предположительно, они мало пользуются Интернетом и сайтом «vk.com».

Результаты

Перейдем теперь к результатам исследования. Сначала участников движения и руководителей спрашивали о причинах вступления в движение. Это может быть важным для рассмотрения уровня и роли рефлексии рисков модернизации на момент вступления в движение.

Одной из важных причин вступления в движение была *потребность в идентичности и солидарности*. Люди хотят почувствовать общность и поддержать свой имидж, публично продемонстрировав свой интерес к окружающей среде. Важность идентичности была также показана через желание принять участие в исследовании: среди тех, к кому мы обращались с просьбой дать интервью, почти все отвечали положительно.

Референтные группы или значимые индивиды оказывали существенное влияние на решение индивида вступить в движение, а так-

же на развитие интереса к окружающей среде и изменение практик обращения с мусором. Другая важная причина вступления в движение и экологизации практик обращения с мусором заключается в *частном опыте встречи с риском модернизации*. Например, это проявляется через столкновение с большими свалками мусора недалеко от места жительства или беспокойством по поводу потенциальной опасности для здоровья своих детей. Подобные опыты стимулируют индивидов к действиям по улучшению ситуации и к изменению восприятия мусора и других рисков модернизации.

Опыт участия в мероприятиях движения — например, в уборке, на фестивале, на лекциях, — помогает увидеть неэкологичные практики с другой стороны, наладить связи с другими активистами, получить новые знания. Однажды приняв участие в подобных мероприятиях, человек скорее оказывается готов вновь участвовать. Таким образом, опыт участия также является существенным фактором вступления в движение, экологизации практик или рефлексии рисков.

И две последних причины включают в себя *ощущение нормы и результата*. То есть, когда человек социализировался в определенных условиях, он должен активизировать заложенные в него экологические установки, чтобы не чувствовать дискомфорт.

Итак, говоря обо всех причинах, можно заметить, что прямо с рефлексией рисков связана только одна причина вступления, однако рефлексия на хотя бы низком уровне подразумевается почти в каждой причине, а не только во вступлении через референтные группы.

Объяснительные модели

Как люди объясняли применение тех или иных практик утилизации отходов? В первую очередь, через наличие/отсутствие инфраструктуры для выброса раздельного мусора рядом с домом. На это особенно делали акцент те информанты, которые не сортируют мусор (2 человека). О важности наличия соответствующей инфраструктуры сообщали и остальные информанты.

Структура играет важную, но не решающую роль, поскольку большинство информантов сортирует и вывозит мусор. Мы предположили, что в таком случае решающим фактором в экологизации практик оказывается рефлексивное отношение к рискам. При этом

важна не просто рефлексия рисков модернизации, присущая многим городским жителям, а ее выраженность и глубина.

Специфика рефлексии рисков: восприятие мусора

На основе идей М. Дуглас [Дуглас, 2000] и Дж. Гонора Фэгана [Fagan, 2003] об относительности категорий чистоты и загрязнения, мы предположили, что экологизация практик и уровень рефлексии могут быть связаны с особенностями восприятия человеком мусора. Нами было выделено несколько дихотомий восприятия:

1. Мусор как глобальный или локальный феномен. В большом городе создается много мусора, и его переработкой занимаются государственные структуры, поэтому для человека он почти не существует — мусор исчезает в мусоропроводе и люди не наблюдают, что с ним происходит дальше. Это локальное восприятие мусора. Однако если человек представляет, что происходит с мусором после выброса в мусоропровод и каковы последствия дальнейшего неправильного обращения с ним, то это соответствует глобальному восприятию мусора. В этом случае люди представляют себе более полную картину процесса утилизации отходов, что будет способствовать развитию у них практики сортировки мусора. Стоит отметить, что если люди сталкиваются в частном опыте с последствиями рисков (например, наличие больших свалок рядом) — их рефлексия углубляется и воздействует на практики.

2. Мусор как нечто негативное/грязное — то, чего стоит избегать и не касаться. Или же позитивное, имеющее потенциал стать полезным в новой форме или новом применении. Последнее соответствует более глубокой рефлексии рисков и экологизации практик.

Таким образом, экологическим практикам соответствовало глобальное восприятие проблем мусора и видение мусора как потенциального полезного в дальнейшем.

Заключение

Итак, почему люди вступают в экологическое движение, и какую роль в этом играет рефлексия рисков? Распространение экологических организаций и рефлексия рисков, выражаемая в трансляции экспертного знания и введении экологических ограничений для разных структур и производств, происходят в эпоху постмодернизма. Это соответствует гипотезе У. Бека, О. Н. Яницкого и Р. Ин-

глхарта [Инглхарт, 2007] о свойствах современной эпохи, делающих возможным появление подобных экологических организаций в силу смещения потребностей выживания (еды и основных условий жизнедеятельности) в сторону ценностей самовыражения и обращения внимания на риски, которые индивиды произвели сами.

Кроме того, в современную эпоху в больших городах происходит индивидуализация индивидов, что ведет к проявлению потребности в солидарности и самоопределении, отнесении себя к какой-то группе. Потребность предотвращения рисков дает людям возможность объединиться под предлогом заботы об окружающей среде. В ходе исследования были определены следующие факторы, вовлекающие в активность группы и ведущие к углублению рефлексии рисков и экологизации практик утилизации: (1) важность идентичности и солидарности с другими увлеченными темой окружающей среды; (2) влияние референтных групп; (3) способность увидеть глобальные риски в частном; (4) опыт участия в уборке или акции.

Важным показателем рефлексии рисков и направления деятельности движения выступает восприятие мусора. Восприятие мусора как предмета, несущего определенную полезность, или хотя бы предмета, который вызывает позитивные или нейтральные эмоции, а также представляется значимым в глобальном масштабе, показывает более глубокий уровень рефлексии рисков. Человек, воспринимающий мусор таким образом, вероятнее всего экологизирует свои практики утилизации. Соответственно, рефлексия рисков и экологизация практик могут транслироваться в движении через создание соответствующего образа мусора: как глобального и обладающего ценностью феномена.

Список литературы

1. Бек У. Общество риска: На пути к другому модерну. М.: Прогресс, 2000. URL: <http://www.twirpx.com/file/624527/>
2. Дуглас М. Чистота и опасность. М.: КАНОН-пресс-Ц, 2000. URL: http://krotov.info/libr_min/05_d/dug/las.html
3. Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющееся общества // Полис, 1997. № 4. С. 18–28. URL: <http://www.twirpx.com/file/173821/>

4. Яницкий О. Н. Экомодернизация России: теория, практика и перспективы. М.: Институт социологии РАН, 2011. URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=2113>
5. Яницкий О. Н. Социальные движения: теория, практика, перспектива. М.: Новый хронограф, 2013. URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=2810>
6. Derksen L., Gartrell J. The social context of recycling// American Sociological Review. 1993. Vol. 58, № 3. P. 434–442.
7. Fagan G. H. Sociological Reflections on Governing Waste // Irish Journal of Sociology. 2003. Vol. 12.1. P. 67–84.
8. Экология: бытовые привычки: ФОМ. URL: <http://fom.ru/obshchestvo/10878> (дата обращения: 04.04.2013).

ПОВЕДЕНЧЕСКИЕ ТРАЕКТОРИИ ИГРОКОВ В ОНЛАЙН-ИГРАХ

БУЛЫГИН Денис

НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург, департамент социологии, 2 курс
bulygindi@gmail.com

ЛЫСОВ Григорий

НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург, департамент социологии, 2 курс
grigorii.lysov.413@gmail.com

*Научный руководитель — Окопный П. В.,
преподаватель департамента социологии НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург*

Bulygin Denis, Lysov Grigorii

Behavioral trajectories of players in online games

This paper provides analysis of in-chat behavior of players in browser-based MMORPG. With the help of Latent Dirichlet Allocation (LDA), some of behavioral patterns were identified. These patterns affect cooperative, socializing and helping practices of players. In addition, some of churn practices were identified.

Данная работа продолжает исследования взаимодействия игроков в онлайн-игре Castlot (<https://castlot.ru/>) на основе анализа внутриигровых коммуникаций (чатов) [Окопный, 2014]. Журналы внутриигровых чатов содержат в себе записи в течение 7 месяцев, чат имеет обособленные друг от друга каналы, например: общий, фракционный и канал лиги. Это позволяет разделить чаты на небольшие периоды и проследить, как отличается коммуникация игроков (в том числе и в зависимости от канала), каковы типичные темы общения и можно ли выделить устойчивые траектории смены тем.

Игры — удобная среда для изучения социальной активности людей. С одной стороны, акторы ограничены в наборе действий, с другой стороны, они могут поступать так, как они поступили бы в реальной жизни. Это делает игры хорошим объектом для изучения [Castronova, 2008].

В онлайн игре Castlot существует несколько основных видов активности: зарабатывание опыта и денег в походах на монстров, захваты замков и схватки на арене с персонажами других игроков, выполнение различных заданий, а также общение в чате. В игре существуют объединения игроков, которые имеют определенную иерархию и структуру. Такие объединения существуют в большинстве MMORPG. И также как в большинстве MMORPG, различные объединения в Castlot различаются по составу, участию в различных активностях игры, правилам, требованиям к вступлению и т. д. [Williams, 2006]. В Castlot такие объединения называются лигами. Основное социальное взаимодействие происходит именно в чате, так как это единственный инструмент для внутриигрового общения в Castlot.

Сообщения из внутриигровых чатов были разбиты на 100 тематик с помощью тематического моделирования (LDA, Latent Dirichlet Allocation). Так как сообщения во внутриигровом чате короткие и технически ограничены до 200 символов, была использована модификация алгоритма LDA — TLDA (Twitter LDA) [Zhao, 2011], изначально предназначенная для обработки сообщений из сети Twitter, имеющих ограничение в 140 символов. Алгоритм TLDA использует так называемый пулинг (pooling), в рамках которого множество сообщений на основе какого-либо признака (например в данной работе это общий автор) объединяются в один документ, множество полученных документов затем подаются на вход алгоритму LDA. Помимо получаемого тематического распределения для каждого документа, TLDA приписывает каждому сообщению тематику (topic), что позволяет нам в дальнейшем анализировать сообщения во внутриигровом чате, не привязывая их к авторам или документам.

Изначально чат был разделен на двухнедельные периоды. Затем данные по периодам были агрегированы на индивидуальном уровне. Таким образом, для каждого игрока было получено его тематическое распределение за данный период. Затем эти результаты были кла-

стерилизованы с помощью иерархической кластеризации на основе косинусного расстояния.

На рис. 1 приведены проценты игроков, попавших в тот или иной тематический кластер в зависимости от типа чата — общий чат (обозначен красным) и чат лиги (обозначен синим) соответственно.

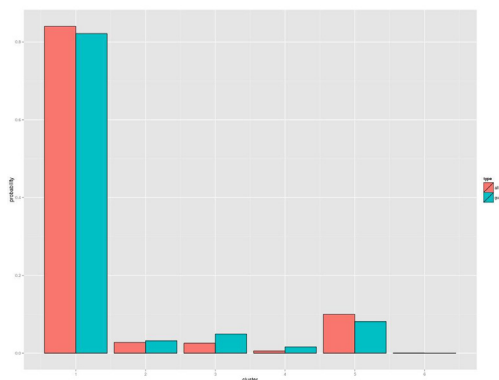

Рис. 1. Распределение игроков по кластерам в зависимости от типа чата

Рис. 2 представляет собой график ассоциаций. Он отображает количество сообщений в каждом кластере для чата лиги (guild) и для всех остальных чатов (all). Синие четырехугольники означают, что количество сообщений в чате значительно больше, чем если бы модель была независимой. С красными четырехугольниками — наоборот. Мы выделяем следующие кластеры:

- *Socializing* (1) — в этом кластере игроки не имеют особой predisposition делать что-то одно. Они обсуждают игру, общаются с официальными хэлперами, знакомятся и выполняют обычные задания и т. д.
- *Cooperation* (2) — в этом кластере происходит кооперация внутри игры. Игроки договариваются о совместных действиях, о звонках друг другу в Skype, дают указания и помогают советами друг другу. Как видно из рис. 2, такие практики более характерны для общения внутри чата лиги.
- *Game socializing* (3) — в этом кластере находятся игроки, которые общаются на темы, так или иначе связанные с игрой. Чаще всего обсуждают прошедшие или грядущие события игрового

мира и делятся недавними достижениями в «прокачке» (развитии навыков) персонажа игры и освоении контента. Также более характерно для чата лиги.

- *Greeting* (4) — кластер, состоящий из людей, основной активностью которых является приветствие игроков в чате. У нас возникло предположение о том, что существует ряд игроков, которые либо редко заходят, либо играют много, но не переписываются. Для того чтобы не потерять поддержку в лиге, они пишут в чате лиги «всем привет». Мы предполагаем, что в ответ они провоцируют еще больше приветствий, и, возможно, поэтому количество людей в кластере внушительное.
- *Achieving* (5) — кластер, состоящий из людей, увлеченных «прокачкой» персонажа. Они собирают походы, занимаются «прокачкой», обсуждают аспекты игры, советуются насчет различных стратегий. Данные обсуждения более характерны для общего чата.
- *Newbie asking* (6) — новички, которые задают вопросы. Также попадают какие-то вернувшиеся игроки, расспрашивающие людей о недавних изменениях в игре. Как видно из графика, новички общаются в основном чате.
- *None* — кластер, обозначающий, что игрок не писал в чате в данный период.

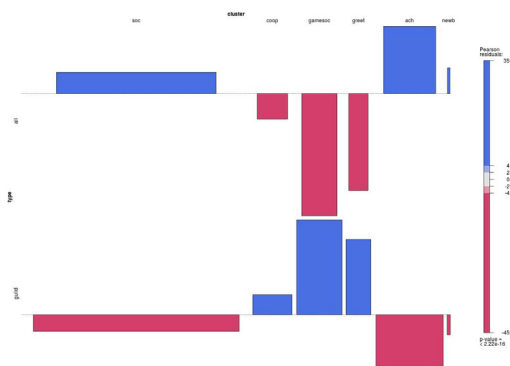

Рис. 2. График ассоциаций

На рис. 2 видно, что такие кластеры как *socializing*, *achieving* и *newbie asking* более характерны для общего чата, нежели для гиль-

Рис. 4 отображает вероятность перехода игрока из каждого отдельного кластера в кластер None. Кластер None означает, что игрок не общался в чате в этот период. Это позволяет нам выявить основные паттерны оттока игроков.

Общим трендом для всех является то, что максимальных процент оттока игроков почти во всех кластерах находится в первом периоде игры. В ходе предыдущих исследований выяснилось, что это обусловлено тем, что большая часть игроков покидает игру еще в первую неделю [Окопный, 2014]. Также с возрастом сервера процент уходящих игроков из кластера newbie asking (6) стабильно растет.

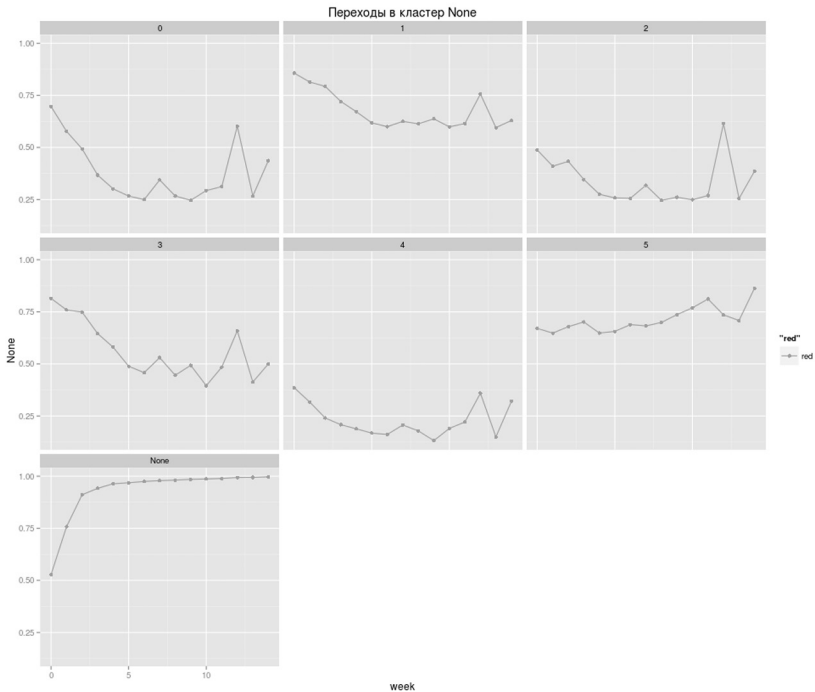

Рис. 4. Вероятность перехода игрока в кластер None

Заключение

В этой работе мы осуществили анализ поведения игроков в чатах. С помощью методов TLDA были построены траектории того, как меняется содержание сообщений игроков. Удалось выявить различия в гильдийном (*cooperation, game socializing и greeting*) и негильдийном (*socializing, achieving и newbie asking*) общении и выявить практики помощи одних игроков другим (*cooperation и newbie asking*).

Также нами были выявлены некоторые паттерны ухода из игры. Результаты предыдущих исследований подтвердились — большая часть людей уходит в первые две недели игры. Если игроки относятся к кластеру *newbie asking*, процент уходящих игроков из этого кластера стабильно растет с возрастом сервера.

В дальнейших исследованиях мы планируем с помощью дистанции Левенштейна определить разницу между игроками внутри и между кластерами. Это поможет более точно определить, что означает кластер *socializing*, а также узнать, какие кластеры будут ближе друг к другу по соотношению топиков.

Список литературы

1. Окопный П. В., Мусабилов И. Л. Социальная стагнация в онлайн-играх / В кн.: Социология в действии — 2014. Избранные материалы VI социологической межвузовской конференции студентов и аспирантов / Отв. ред.: М. Р. Демин. СПб: Отдел оперативной полиграфии НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург, 2014. С. 89–96.
2. Castronova E., Falk M. Virtual worlds as petri dishes for the social and behavioral sciences. 2008.
3. Levenshtein V. I. Binary codes capable of correcting deletions, insertions, and reversals // Soviet physics doklady. 1966. Vol. 10. № 8. P. 707–710.
4. Okopny P., Musabirov I., Alexandrov D. Informal in-game help practices in massive multiplayer online games // Social Informatics. Springer International Publishing. 2014. P. 218–222.
5. Williams D., Ducheneau N., Zhang Y., Yee N., Nickell E. From tree house to barracks the social life of guilds in world of Warcraft // Games and culture. 2006. Vol. 1. № 4. P. 338–361.
6. Zhao W. X., Jiang J., Weng J., He J., Lim E., Yan H., Li X. Comparing twitter and traditional media using topic models // Advances in Information Retrieval. Springer Berlin Heidelberg. 2011. P. 338–349.

НЕЛЕГАЛЬНЫЙ РЫНОК МАРИХУАНЫ И ЕЕ ПРОИЗВОДНЫХ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ: УЧАСТНИКИ И ИХ ПРАКТИКИ

ВОСКРЕСЕНСКИЙ Вадим

НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург, департамент социологии, 4 курс
vadimvoskresenskiy@gmail.com

ПРИЩАК Анна

НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург, департамент социологии, 4 курс
anya.prishchak@gmail.com

ИВАШИН Иван

НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург, департамент социологии, 4 курс
ivashin@gmail.com

ЛАВРУШКО Григорий

НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург, департамент социологии, 4 курс
grishalavrushko@gmail.com

*Научные руководители — Крупец Я. Н., к. с. н.,
доцент департамента социологии НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург,*

*Литвина Д. А., преподаватель департамента социологии
НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург*

Voskresenskii Vadim, Prishchak Anna, Ivashin Ivan, Lavrushko Grigoriy

The illegal marijuana market in St. Petersburg: participants and their practices

This study is concerned with interrelations between buyers and sellers formed on the illegal market of marijuana in Saint-Petersburg. Our research is based on the analysis of interviews with 11 marijuana users aged from 19 to 24. We found that people consuming drugs systematically are more included in economic transactions on the illegal market than non-regular users. Apart from that, our results show that the market has a difficult structure, which is based on social ties between its participants. But, at the same time, the existing structure allows buyers to act opportunistically and deceive their clients.

В данной работе представлены результаты изучения практик молодежи, связанных с употреблением, продажей и покупкой марихуаны и ее производных в Санкт-Петербурге. Основной акцент исследования сделан на проблеме формирования рыночной культуры в среде неформальных экономических практик на нелегальном рынке наркотиков. Данный рынок является в достаточной степени закрытым от людей, не интегрированных в него. В связи с этим основной задачей проекта является определение структуры данного сегмента

теневой экономики. Кроме этого, нас интересует характер взаимоотношений, формирующийся между его участниками, а также то, насколько употребление марихуаны влияет на включенность индивида в экономическое взаимодействие на рынке.

Нами было собрано 11 интервью с молодыми людьми в возрасте от 18 до 24 лет, проживающими в Санкт-Петербурге и имеющими опыт неоднократного употребления марихуаны и ее производных. В связи с закрытостью исследуемой группы, для поиска большинства респондентов была применена выборка доступных случаев. Практики продажи и покупки анализировались отдельно, а также проводилось разграничение между респондентами, которые являлись исключительно потребителями и теми, кто совмещал роли потребителя и продавца. Для этого блок гайда, посвященный экономическим практикам, был разделен на две части. Остальные блоки являлись общими для всех респондентов и были направлены на получение информации о первом опыте курения и на выявление основных ритуалов, связанных с употреблением наркотиков.

В работе мы опираемся на исследования, в которых рассматриваются как идентичности потребителей марихуаны, так и экономические практики агентов, включенных в транзакции на нелегальном рынке. При анализе того, как сами потребители марихуаны воспринимают свой опыт и практики, мы в первую очередь ориентировались на работу С. Даль и К. Хегген [Dahl, Heggen, 2014]. Исследователи выделяют три основные причины употребления марихуаны: 1) возможность расслабиться; 2) вера в то, что марихуана безвредна, а все сложности на рынке связаны с ее нелегальным статусом; 3) стремление расширить личные горизонты и развить в себе новые положительные качества.

Исследователи Боршерс-Темпел и Колт [Borchers-Tempel, Kolte, 2012] утверждают, что покупатели наркотических веществ обычно пользуются услугами своих друзей, которые знают распространителей наркотиков или друзей, которые сами продают товар. При анализе самого рынка мы опирались на исследования норвежского социолога С. Сандберга [Sandberg, 2012]. Сандберг выделил два типа рыночных культур, формируемых между участниками рынка. «Культура каннабиса» (cannabis culture) существует на частных рынках, где продавцы и покупатели соединены сильными социальными связями. В основе данного рынка лежит культурная идентичность его

участников, которые воспринимают подобного рода практики как протест против устоявшейся системы. С другой стороны, существует «уличная культура» (street culture), которая была сформирована на публичных рынках и предполагает участие агентов, более грамотных в экономике. В рамках данного типа рынка для агентов наибольший интерес представляет экономическая выгода, а не формирование дружеских связей с другими агентами.

Большинство наших респондентов, в терминах С. Даль и К. Хегген [Dahl, Hegggen, 2014], являются «безответственными потребителями», так как не воспринимают практику употребления марихуаны как вредную и критически относятся к нелегальному статусу этого товара на территории России. Мы считаем, что данная установка респондентов влияет на их интеграцию в рыночные отношения, связанные с продажей и покупкой марихуаны, а также на достаточно низкую обеспокоенность по отношению к возможным негативным последствиям от употребления марихуаны.

«В Штатах легализована марихуана. И у меня как бы никогда же не было отношение к Западу, что там живут там одни ненормальные люди, а в России самые лучшие люди в мире. Наоборот, у меня было отношение, что как бы, в принципе, адекватность больше на Западе. И раз там адекватные люди решают, что там, ну, там марихуана это не так уж и плохо. То, наверное, они в чем-то правы» (м., 23 года).

Первый опыт курения наркотических веществ является наиболее важным, так как связан с последующим употреблением. Особенностью первого употребления является то, что оно не происходит в одиночестве. В ходе исследования нами было обнаружено, что существует два типа обстоятельств, при которых происходит первый опыт курения. Мы дали им условные названия: «с компанией» и «за компанию». В понятие «с компанией» мы включаем те случаи, когда первое употребление индивида происходило в группе, чаще всего состоящей из друзей или хороших знакомых, для участников которой этот опыт также был первым. Другой сюжет — «за компанию», отличающийся тем, что индивида угощают знакомые, не обязательно являющиеся близкими друзьями, но уже имеющие опыт употребления:

«...в 15 лет, на веранде детского садика. С друзьями пробовали марихуану. Выпивали, пришел знакомый, сказал: “У меня есть

марихуана, давайте попробуем, покурим”. Все согласились. Покурили» (м., 24 года).

Можно выделить два фактора, оказывающих влияние на последующее употребление: доступность и социальные связи. Социальные связи, а именно компания, связаны как с опытом первого употребления, так и с последующими практиками. Если первый опыт был «за компанию», то у курильщика появляются знакомства, которые в будущем позволяют приобретать наркотические вещества. Респонденты, имеющие перерыв между первым и последующим употреблением, объясняют данную паузу тем, что они не имели доступа к получению наркотических веществ в результате ограниченной представленности данного товара на рынке в небольших городах, из которых они переехали в Санкт-Петербург. В данном случае респонденты не считали целесообразным прилагать дополнительные усилия для поиска.

Употребление в компании становится трамплином для употребления в одиночестве и чаще всего связано с увеличением частоты курения. Уже обзаведясь определенными социальными связями, контактами, имея опыт и знания по технике употребления, индивиды начинали включаться и в другие практики. Как показывают интервью, развитие навыков курения, а также активный опыт употребления в одиночестве в итоге приводят респондента непосредственно на сам рынок, на котором он уже становится активным участником нелегальных взаимоотношений.

Нелегальный рынок марихуаны разделен нами на две части: внешняя, в которую входят мелкие продавцы, посредники, включая в том числе и наших респондентов, и внутреннюю, в которой происходит продажа наркотиков бизнесменами и дельцами, являющаяся для них основным заработком. В данной работе мы концентрируемся исключительно на внешней части рынка. В первую очередь, это обусловлено тем, что вход во внутреннюю часть является достаточно затруднительным и рискованным для исследователя, не имеющего никаких связей с участниками данной группы.

Мы можем сделать вывод о том, что наиболее важной составляющей взаимодействий на данном рынке являются социальные связи, которые оказывают влияние не только на наличие первого опыта употребления, но и на последующие практики. Среди молодежи социальные связи являются основным каналом приобретения нарко-

тических средств. Регулярность употребления связана с тем, будет ли курильщик знаком с продавцом лично. В отличие от тех, для кого употребление является редкой практикой, те, у кого курение носит систематический характер, чаще знакомы непосредственно с продавцом. В первую очередь, это связано с желанием продавца снизить возможные риски, связанные с его деятельностью:

«Я их не знаю. У меня нет таких людей, которых я лично знаю. Там, как сделано, я не могу приехать один и сказать там: “Мне нужно”. Меня там минимум пошлют, максимум избьют. То есть, если я еду куда-то, я еду с человеком, который знает этого человека» (м., 19 лет).

Однако отсутствие знакомства с продавцом не говорит об отсутствии возможности приобретения наркотических средств. Здесь мы переходим к наиболее важному элементу инфраструктуры на нелегальном рынке — посредничеству. Посредничество является достаточно сложной структурой, так как между продавцом и покупателями может быть несколько посредников. В первую очередь, посредниками являются знакомые продавца, и, соответственно, они являются основным элементом инфраструктуры на данном рынке. Но в то же время обычные покупатели могут быть тоже посредниками. Таким образом, они сначала связываются с посредниками самого продавца, чтобы достать товар, а потом уже передают товар своим знакомым.

Чаще всего посредники называют данную практику «помощью». В первую очередь это связано с тем, что они не берут плату с людей, для которых приобретают товар. Данная практика очень важна для поддержания социальных связей между людьми, включенными в этот рынок. Те, кто помогают своим знакомым, рассчитывают на реципрокную помощь с их стороны, в случае отсутствия возможности приобрести товар самостоятельно. Таким образом, в связи с нестабильной ситуацией на нелегальном рынке, подобная взаимопомощь укрепляет позицию покупателей. Ведь часто бывает так, что курильщику сложно найти продавца, у которого на данный момент есть товар. Знание того, что покупатели могут рассчитывать на своих знакомых, позволяет им поддерживать уверенность в том, что в случае необходимости они смогут найти того, кто им поможет:

«У нас чисто дружеские отношения и, как следствие, человек может помочь мне достать, и он достает» (м., 19 лет).

Кроме «помощников», среди посредников можно выделить та-ких участников рынка, как «бегунки», отличительной чертой кото-рых является то, что они берут денежное вознаграждение за свои услуги. В данном случае между покупателем и посредником форми-руются именно экономические взаимоотношения, а не дружеские или приятельские. Можно сказать, что «бегунки» продают покупа-телю услугу, то есть все их действия направлены не на поддержание социальных связей или реципрокных взаимоотношений, а на эконо-мическую выгоду, которую они могут получить, выполнив заказ:

«Да, то есть у них есть выход. Им продают по 400 рублей, ну, грубо говоря, они продают по 500. Чисто за то, что они сбегали, взяли и принесли» (м., 19 лет).

Респонденты отмечают, что некоторые из продавцов склонны обманывать покупателей: они обвешивают, продают меньший объ-ем наркотических веществ. С одной стороны, это связано с тем, что теневой рынок, в результате своего нелегального и противозакон-ного статуса, является слабо институционализированной сферой эконо-мических отношений. Взаимодействие между продавцом и по-купателем не имеет каких-то формальных правил и законов, и, со-ответственно, не существует специальных органов, которые регу-лируют эти отношения. С другой стороны, многие нарушения свя-заны с частым дефицитом товара на рынке, в результате чего покупа-тель осведомлен о возможности «обвеса» со стороны некоторых продавцов:

«Я думаю, что просто, в целом, всегда, в данном случае, происходит обман покупателей, потому что на этом и строится бизнес. Потому что всегда продавец, ну, скажем так, обвешивает покупателя. На этом, собственно, деньги и делаются в этой индустрии» (м., 21 год).

Возвращаясь к работе С. Сандберга [Sandberg, 2012], мы можем говорить о том, что в данном случае имеет место быть пересече-ние «культуры каннабиса» и «уличной культуры». С одной сторо-ны, большинство транзакций на нелегальном рынке марихуаны обусловлено сформированными между участниками доверительными социальными связями. Но в то же время на данном рынке мы можем наблюдать проявления оппортунистического поведения со сто-роны продавцов и наличие таких участников, как «бегунки», кото-рые выполняют посредническую функцию исключительно как услу-гу, за которую они получают денежное вознаграждение.

Благодарность

В заключение нам хотелось бы поблагодарить за оказанную помощь в нашем исследовании преподавателя факультета социологии НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург — Литвину Дарью Александровну.

Список литературы

1. *Borchers-Temple S., Kolte B.* Cannabis Consumption in Amsterdam, Bremen, and San Francisco: A Three-City Comparison of Long-Term Cannabis Consumption // *Journal of Drug Issues*. 2002. 32 (2). P. 395–412.
2. *Dahl S. L., Heggen K.* Negotiating Identities Patterns of Self-presentations among Socially Integrated Cannabis Users // *Young*. 2014. 22 (4). P. 381–398.
3. *Sandberg S.* The importance of culture for cannabis markets, Towards an Economic Sociology of Illegal Drug Markets // *British Journal of Criminology*. 2012. 52 (6). P. 1133–1151.
4. *Sandberg S.* Cannabis culture: A stable subculture in a changing world // *Criminology and Criminal Justice*. 2012. P. 1–17.

ФОРМИРОВАНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ ФАНАТОВ АНИМЕ И МАНГИ НА ПРИМЕРЕ ФАНАТСКИХ СООБЩЕСТВ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА В КОНТЕКСТЕ МОЛОДЕЖНЫХ КУЛЬТУР

ГАЛКИН Константин

НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург, департамент социологии, 2 курс магистратуры
kgalkin1989@mail.ru

*Научный руководитель — Омельченко Е. Л., д. с. н.,
профессор департамента социологии НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург*

Galkin Konstantin

The formation of identity of St. Petersburg anime and manga fan community in the context of youth cultures

Identity forming of Russian anime and manga fandoms is a complex and multi-layered construct which consists of different social actions and interactions. The main purpose of this study is to analyze the structure of identity formation of anime and manga fans as the inhomogeneous construct inside and outside the context of interactions during the conventions. The theoretical framework of the study is the post-subcultural approach to the youth cultures and solidarities.

Формирование молодежной идентичности является важным компонентом социальных исследований, поскольку современное общество основывается на проявлениях новых культурных молодежных практик. Популярная культура сегодня состоит из множества направлений. Каждое из направлений современной популярной культуры определяет стиль поведения, стиль повседневности и жизненную стратегию своих фанатов. Развитие современных технологий и доступ к интернет-ресурсам позволяет говорить о популярной культуре в контексте постиндустриального общества.

Сьюзан Напьер в своих работах рассматривает косплей (костюмированное воплощение персонажей и разыгрывание действий из различных произведений) и фанатские сообщества как почву для появления новых коммуникативных практик и идентичностей [Napier, 2007: 161]. Фанатские сообщества аниме и манги появились в российской популярной культуре сравнительно недавно, однако сегодня они имеют большое число поклонников и фанатов, которые объединяются в национальные фанатские сообщества.

Изучение идентичности в фанатских сообществах — тема малоизученная в российском контексте. Однако в связи с ростом числа посетителей конвенций (фестивалей) и появлением такого феномена, как косплей, возникает необходимость в социологическом анализе концепта фанатской идентичности, косплея и комьюнити [Jenkins, 1992].

Иерархии внутри сообщества фанатов выстраиваются в соответствии со следующими критериями: вовлеченность и знание текстов, костюмы, игра в косплее, онлайн-активность, взаимодействие во внеконвенционное время. Социальные отношения между членами в фанатском сообществе выступают каркасом, структурирующим группу. Посредством костюма, демонстрации своего любимого героя и перформансов создается неповторимый стиль, который определяет личную идентичность фаната внутри сообщества [Jenkins, 2010].

В своем исследовании мы используем понятия конвенции и косплея в качестве структурных компонентов групповой идентичности и коммуникации. В большинстве теоретических работ фанатская идентичность также рассматривается исходя из концепта фанатского участия в конвенциях и косплее [Napier, 2007:125]. Участие в косплее для фанатов аниме и манги — это важный критерий идентичности фаната, но не единственный.

Несовершенство субкультурного подхода создало всевозможные дискурсы. Один из таких дискурсов — это теория об изменении молодежных сцен, предложенная Х. Пилкингтон. [Pilkington, 2003]. Основные вопросы данной теории — глобализация и ее влияние на изменения внутри локальных сообществ молодежи. В этом смысле сообщества аниме и манги — очень хороший пример, иллюстрирующий трансформации молодежных сцен. Манга и аниме появились как исключительно локальная японская культура, затем стали популярными повсеместно и при этом приобрели национальные черты (например, в сообществах создается специфическая для местного сообщества символика).

В качестве методологической базы исследования был выбран постсубкультурный подход. Использование постсубкультурного подхода позволяет описать трансформацию фанатских сообществ в социальном мире, где не существует четко сложившихся систем [Омельченко, 2004: 55]. Как показал опыт эмпирического исследования, фанатские сообщества не являются гомогенными. Благодаря постсубкультурному подходу можно проанализировать компоненты, играющие важную роль в формировании фанатской идентичности в аниме- и манга-сообществе.

В ходе эмпирического исследования удалось выявить следующие компоненты идентичности у фанатов аниме и манги. Формирование идентичности у фанатов аниме и манги — это сложный конструкт. Увлечение аниме и мангой можно определить как элемент социальной жизни, где индивидуальная и групповая идентичность выстраивается посредством социального взаимодействия. Через социальные взаимодействия на конвенциях и косплее, через конструирование телесности происходит социализация фанатов в рамках культуры увлечения аниме и мангой.

В фанатской среде конвенции и крупные фанатские мероприятия воспринимаются как праздники, где каждый может продемонстрировать свой оригинальный костюм или сыграть сцену из любимого сериала или комикса. Конвенции — это, в первую очередь, социальное взаимодействие фанатских сообществ и косплееров (участников косплея). Конвенции предлагают широкий набор средств и возможностей для постановки театральных представлений и общения в фанатской среде. Многие из фанатов аниме и манги предпочитают взаимодействовать на конвенциях, находясь непосредственно в образе

своего героя или проецируя отдельные его характеристики на собственный стиль поведения и общения. Взаимодействие на конвенциях строится, исходя из критериев включенности в среду фанатов.

Косплей в контексте фанатских сообществ аниме и манги стоит рассматривать как арену, где фанаты из различных сообществ социализируются. Для косплея характерны два вида практик перевоплощения. Один вид — игровая принадлежность, перевоплощение для определенного перформанса с целью демонстрации красоты своего костюма и исполнения роли. Другой тип — перевоплощение с целью полного слияния с героем, перенос личности героя на индивидуальную идентичность. Такое перевоплощение намного глубже, чем простая игровая смена ролей. Индивид может быть недоволен свой внешним видом, внешностью, манерой поведения, жестами. Переход в другой образ — это перенос себя «в новое тело» с достоинствами, которых не хватает индивидууму в повседневной жизни.

Многие из фанатов аниме и манги отметили, что черты характера выбранного персонажа не слишком важны для них, в то время как гораздо важнее иметь способность наделить героя своими личными качествами. Это утверждение подтверждает тезис о том, что косплей — это не только точное копирование сцен из сериалов, фильмов и комиксов, но еще и определенная доля индивидуальности. Костюм для фаната — это нечто большее, чем сиюминутное перевоплощение. Это часть образа героя, который постоянно живет в индивидууме. Фанаты отмечают, что в повседневной жизни они ведут диалог со своими любимыми персонажами, ощущая их присутствие как значимую часть своей идентичности. Косплей — это важный компонент конструирования иерархии и конкуренции внутри сообществ.

Конвенции и косплей — это важные, но не всегда основные элементы фанатского взаимодействия. Иногда взаимодействие в рамках сообществ происходит в контексте фанатских тусовок. Это может быть семейный праздник, день рождения одного из членов сообщества, дата выхода сериала или комикса или репетиция косплея. Принадлежность и активность в группе для фаната является элементом демонстрации приверженности манга- и аниме-культуре (*sense of belongings*). Индивидуальная идентичность в среде фанатов аниме и манги напрямую связана с групповой идентичностью фанатского комьюнити.

Культурный капитал служит статус-маркером индивидуума и может выражаться в различных формах [Jenkins, 2010]. Как правило, фанаты делятся своим индивидуальным культурным капиталом с группой. Наличие культурного капитала способствует более легкому входу в сообщество и продвижению по иерархической лестнице в сообществе. Статус-маркерами фанатов могут служить такие навыки и умения, как знание английского языка, знание японского языка, умение ставить косплей-перформанс или создавать костюмы и одежду для косплея. Иерархия в сообществе фанатов аниме и манги выстраивается под действием таких факторов, как продолжительность и активность участия и интеракции в фанатской группе, онлайн-активность, конвенционная активность во время перформанса.

В концепт культурного капитала включена сексуальность, которая является важным компонентом успешного косплея. Красота героя зачастую напрямую зависит от сексуальной и телесной красоты индивидуума, который представляет данного героя на косплее. Сексуальность фанатов аниме и манги строится по четко выверенным представлениям о красоте тела, которые пришли из комиксов и сериалов этого жанра. В своих костюмах фанаты создают похожие по стилистике сексуализированные образы из аниме и манги и воспроизводят соответствующее их героям телесное поведение. Это становится компонентом идентичности фаната и частью его/ее культурного капитала.

Групповая идентичность строится исходя из концепта «непохожести» на другие сообщества. «Непохожесть» определяется наличием индивидуальных черт и особенностей фанатского сообщества. Групповая уникальность фанатского сообщества заключается в особенной символике фанатской группы, наличии герба и другой отличительной атрибутики. Группы также присваивают себе уникальность, создавая собственные комиксы манга и аниме, а также занимаясь переводами редких и уникальных комиксов и сериалов.

Фанатские сообщества аниме и манги — это социальные структуры, важным элементом и признаком которых является доверие в сообществе и практики, направленные на рост и поддержание фанатской идентичности. Молодежная аудитория сериалов аниме и манги обосновывает использование методик из арсенала молодежных исследований для анализа данного типа социальности. При-

менение постсубкультурного подхода позволяет рассмотреть все многообразие сообществ аниме и манги. Важной отправной точкой для дальнейшего анализа может быть изучение способов конструирования сексуализированных образов фанатами аниме и манги во время косплея и конвенции. Также отдельной темой для будущих исследований является феномен японской популярной культуры в контексте национальной культуры фанатов аниме и манги. В дальнейших исследованиях необходимо изучить феномен встречи национальной культуры, и культуры аниме и манги, исходя из принципа «global meets local».

Список литературы

1. *Омельченко Е. Л.* Субкультуры и культурные стратегии на молодежной сцене конца XX века: кто кого? Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. 2004. № 4 (36). С. 53–61.
2. *Jenkins H.* Textual Poachers: Television Fans and Participatory Culture. New York: Routledge, 1992.
3. *Jenkins H.* 2010. “The Night of a Thousand Wizards” // Confessions of an Aca-Fan. 2010. July 21. URL: http://henryjenkins.org/2010/07/fear_and_loathing_in_hogwarts.html (дата обращения 12.05.2015).
4. *Napier S. J.* From impressionism to anime: Japan as fantasy and fan cult in the mind of the west. Houndmills: Palgrave Macmillan, 2007.
5. *Pilkington H.* Youth Relations of identity and power in global/local context // European Journal of Cultural Studies. 2003. Vol. 6. № 3. P. 259–285.

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ СТРУКТУРА НКО В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ

КАРАНДЕЕВА Ольга

НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург, департамент социологии, 4 курс,
oliakarandeeva@mail.ru

СОКОЛОВА Надежда

НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург, департамент социологии, 4 курс,
nadya.sokolova.1993@mail.ru

ПОНОМАРЕВА Виктория

НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург, факультет социологии, 4 курс,
p.v.nikolaevna@gmail.com

ЧЕРМЫШЕНЦЕВА Александра

НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург, факультет социологии, 4 курс,
alexandra.chemyshentseva@yandex.ru

*Научные руководители — Крупец Я. Н., к. с. н.,
доцент департамента социологии НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург,
Литвина Д. А., преподаватель департамента социологии
НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург*

*Karandeeva Olga, Sokolova Nadezhda, Ponomareva Victoria, Chernyshentseva
Alexandra*

Organizational structure of non-profit organizations in the sphere of culture

The purpose of this study is to consider structure and performance of non-profit organization on the case of one culture-oriented entity in Saint-Petersburg. The database consists of 12 semi-structured interviews, 3 observations and 8 figures of organizational structure drawn by respondents. As a result, several key ideas were allocated. The goals and values of employees determine the form of organization. The director as a charismatic leader influences the direction of the organization management. The work is based on personal relationships and trust. Social capital appears to be the main resource for performance. External agents with resources (sponsors) may affect the work.

Исследователи, занимающиеся изучением устройства и функционирования некоммерческих организаций [DiMaggio, Anheier, 1990; Мерсиянова, Якобсон, 2007; Шестак, 2004] отмечают специфический характер этой организационной формы. Некоммерческие организации (НКО) в своей деятельности не нацелены на получение прибыли и имеют функции, отличные от иных типов организаций. Это позволяет предполагать наличие значимых отличий в стратегиях работы и структуре организаций такого типа. В своей работе мы хотели бы обратить внимание на организационную структуру НКО.

Целью данного исследования является изучение структуры и деятельности некоммерческой организации в сфере культуры Санкт-Петербурга. Мы поставили перед собой следующие задачи: 1) посмотреть на распределение ролей внутри организации, описать позиции и взаимодействие агентов; 2) изучить формирование и функционирование НКО; 3) исследовать, как устроено взаимодействие с внешними агентами.

Основными материалами исследования выступают 12 полуструктурированных интервью с работниками организации, 3 наблюдения — на попечительском совете и на мероприятиях с участием изучаемой организации, а также 8 схематичных изображений структуры организации, нарисованных по просьбе исследователей работниками организации.

В исследованиях по НКО выделяется ряд ключевых характеристик, влияющих на успешное функционирование этих организаций. Во-первых, поскольку получение прибыли не является целью для данного типа организаций, для успешной работы разделяемые внутри коллектива ценности становятся важнее. Это также считается одним из преимуществ этой организационной формы, поскольку позволяет избегать конфликтов интересов разных групп агентов при определении политики организации [Мерсиянова и Якобсон, 2007]. Во-вторых, в НКО особо выделяется фигура лидера. Шестак Е. А. [2004] показывает, что в НКО самый ответственный и инициативный человек со временем получает признание со стороны работников и становится лидером, что позволяет ему в дальнейшем стать формальным руководителем. В-третьих, нужно учитывать условия, в которых находятся НКО. Как уже отмечалось, эти организации не получают прибыль в процессе осуществления деятельности, что вынуждает их для получения ресурсов обращаться к внешним источникам, различным спонсорам. Таким образом, за счет осуществления финансирования эта группа агентов получает возможность влиять на деятельность НКО [Hoffman, Digman, Crittenden, 1991; Jang, Feiock, 2007].

Изучаемая некоммерческая организация появилась недавно, и ее деятельность направлена на развитие и поддержание культуры среди молодежи. Данная организация является продолжением кинопоказов — предыдущего проекта той же команды людей. Целью организации является развитие культуры и продвижение молодежного

культурного продукта через оказание поддержки, предоставление площадок и помощь в реализации проектов творческой молодежи.

В литературе по организационному анализу исследователи уделяют значительное внимание процессу образования организационных форм. Вслед за ними мы решили для начала узнать о причинах выбора такой юридической формы для организации, как НКО. Поскольку работники организации — это молодежь, не обладающая финансовыми средствами и знаниями о том, как действовать в организационном поле, но имеющая ценность развития культуры, форма НКО кажется наиболее подходящей, поскольку предполагает использование спонсорских средств.

В организации насчитывается около 10 постоянных работников, среди которых нет четкой иерархии. Возможно, это связано с небольшим размером организации или с отсутствием оплаты работ. При этом все работники связаны с директором и имеют небольшое количество связей друг с другом. Директор выступает харизматическим лидером — согласно идее Шестака Е. А. [2004], это тот человек, кто стал из неофициального руководителя официальным. Отношения между работниками в такой организации становятся более личными и основываются на доверии. Для организации важны разделяемые ценности и общие цели, но директор как лицо, принимающее решения, имеет возможность влиять на направления деятельности. Например, директор изучаемого НКО учится на режиссера и снимает фильмы, что в свою очередь влияет на то, что основным направлением деятельности НКО являются кинопоказы.

Помимо основных работников для осуществления деятельности привлекаются люди, которые не относятся к организации, но активно с ней сотрудничают (в том числе юристы, копирайтер, фотографы и т. д.). Также на время проведения мероприятий организация набирает волонтеров. Одним из методов исследования стал анализ схематичных изображений структуры и связей внутри организации, нарисованных респондентами. На схемах они указывали сотрудников организации и обозначали линиями связи между ними. При визуализации структуры организации, как правило, респонденты изображали директора, соучредителя и себя. Остальные сотрудники были им незнакомы. Однако администраторы выделяли также арт-директора, что может быть связано с тем, что администраторы обязаны присутствовать на всех важных мероприятиях, включая со-

брания попечительского совета, куда входят директор, соучредитель и арт-директор.

Следующим важным моментом является рассмотрение взаимодействия организации с внешними агентами. Здесь наблюдается использование личных связей для привлечения новых работников, партнеров и спонсоров. Например, директор состоит в государственном органе, чья сфера деятельности связана с работой с молодежью, и на базе которой создана изучаемая организация. Достаточно важной является связь с коммерческими проектами, которые привлекаются к сотрудничеству по личным связям работников PR-отдела и соучредителя. Следовательно, для организации оказывается важным использование социального капитала для дальнейшей его конвертации в иные формы [Бурдые, 2002].

Немаловажными являются спонсоры, которые, предоставляя средства, могут влиять на направления деятельности организации. Например, недавно был проведен кинопоказ — экранизация литературных произведений, поскольку одним из основных спонсоров организации является сеть книжных магазинов.

Таким образом, выделенные нами принципы функционирования организации третьего сектора можно сравнить с данными в литературе характеристиками НКО. Доверие, основанное на разделяемых всеми сотрудниками целях и ценностях, представляется ключевым для успешного функционирования НКО. Также важную роль играет лидер как агент, задающий и поддерживающий общие цели [Шестак, 2004]. Наряду с этим отмечается, что наращивание социального капитала служит мотивацией для сотрудников НКО [Мерсиянова, Якобсон, 2007]. При объяснении структуры и политики организаций третьего сектора также необходимо учитывать условия среды, в которой они функционируют: НКО исключены из рыночных отношений, однако в то же время могут испытывать зависимость от группы агентов, предоставляющих ресурсы [DiMaggio, Anheier, 1990; Hoffman, Digman, Crittenden, 1991].

Список литературы

1. Бурдые П. Формы капитала // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 5. С. 60–74.

2. Мерсиянова И. В., Якобсон Л. И. Негосударственные некоммерческие организации: институциональная среда и эффективность деятельности. URL: : http://www.civisbook.ru/files/File/monitoring_2.pdf
3. Шестак Е. А. Человеческие ресурсы некоммерческих организаций // Человек. Сообщество. Управление. 2004. № 2. С. 104–111.
4. DiMaggio P. J., Anheier H. K. Sociology of non-profit organizations and sectors // Annual Review of Sociology 1990. Vol. 16. P. 17–159.
5. Jang H. S., Feiock R. C. Public versus Private Funding of Nonprofit Organizations: Implications for Collaboration // Public Performance & Management Review. 2007. Vol. 31, № 2. P. 174–190.
6. Hoffman J. J., Digman L. A., Crittenden W. F. The Strategic Management Process In Nonprofit Organizations With Dynamic Environments // Journal of Managerial Issues. 1991. Vol. 3. № 3. P. 357–371. URL: <http://www.jstor.org/discover/10.2307/40603731?sid=21105479562823&uid=2&uid=4&uid=3738936&uid=70&uid=2134>

ОРГАНИЗАЦИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МЕЖДУ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИМИ ПОСТРОК-ГРУППАМИ

ПОНОМАРЕВА Виктория

НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург, факультет социологии, 4 курс,
p.v.nikolaevna@gmail.com

КУЛИКОВ Илья

НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург, факультет социологии, 4 курс
ilya.kulikov.412@gmail.com

САВЧЕНКО Павел

НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург, факультет социологии, 4 курс
pavel.savchenko.hse@gmail.com

ЛОПАТНИКОВ Максим

НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург, факультет социологии, 3 курс
supermax2301@gmail.com

*Научный руководитель — Омельченко Е. Л., д. с. н.,
профессор департамента социологии НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург*

Ponomareva Victoria, Kulikov Ilya, Savchenko Pavel, Lopatnikov Maksim

The structure of the interaction between the St. Petersburg post-rock groups

This paper is based on the results of student's research conducted in the autumn of 2014. It aims to find a post-rock scene in Saint Petersburg and describe its main

features. Key findings are connected with the existence of a scene, a specific core within it, the key places and people. In addition, musicians try to avoid the “post-rock” tag because of the several reasons.

Данная работа основана на проекте, проведенном группой студентов 3-го и 4-го курсов факультета социологии в рамках дисциплины «Социология молодежи», проходившего в октябре-декабре 2014 г. под руководством Е. Л. Омельченко в НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург. Получив положительный отзыв от руководителя курса, было решено продолжить работу над проектом, и предложенный текст представляет результаты проведенного исследования в виде изложения ключевых тезисов.

Актуальность данной работы определяется двумя факторами, между которыми существует определенная взаимосвязь. Из теоретического обзора литературы известно, что вокруг самого термина (или лейбла) «построк» существует дискуссия, суть которой заключается в трудностях операционализации данного понятия, связанной с его эфемерностью [Hodkinson, 2004: 229–230]. Из этого следует вывод, что потенциально существует необходимость в рассмотрении специфики самого жанра при анализе молодежных общностей, основанных на музыкальных пристрастиях.

Цель исследования возможно представить как попытку найти построк-сцену в Санкт-Петербурге и выявить особенности ее организации. В соответствии с обозначенной целью были определены и нашли отражение в работе следующие задачи. Во-первых, нам предстояло выявить ключевые фигуры петербургской построк-сцены. Во-вторых, существовала необходимость составления карты контактов, существующих между данными построк-группами. В-третьих, мы планировали выделить основные практики взаимодействия, иными словами, способы коммуникации между изучаемыми группами. В-четвертых, следовало определить местоположение групп в рамках локальной сцены. Стоит оговориться, что никакой визуальной карты мы не составляли, в данном случае карта — это метафора. В целом, задачи исследования можно считать в значительной степени выполненными.

Основное понятие, используемое в работе — понятие сцены. Учитывая существующую критику субкультурного подхода [Кудряшов, 2012], который акцентирует понятие «девиантности», мы приняли решение отойти от понятия субкультуры и обратиться к поня-

тию сцены. Сцена — «это музыканты и/или их фанаты, сконцентрированные вокруг определенных фокальных точек, имеющих отношение к локальной идентичности или определенному музыкальному жанру» [Hodkinson, 2007: 10]. В этих рамках одинаково возможны как понимание сцены как локального сообщества, имеющего свои географические границы, так и транслокальный подход, когда основой выделения сцены является идейная общность ее участников [Peterson, Bennett, 2004: 6–12]. В своей работе мы отталкиваемся от второго подхода. Некоторые исследователи отказываются от географического компонента при классификации, скорее считая сцену не имеющей физического воплощения идейной общностью [Hesmondhalgh, 2007:42], но мы не склонны использовать такие подходы в нашем исследовании.

При сборе эмпирического материала использовался метод глубинного интервью. В ходе исследования нами было взято восемь интервью (каждое по продолжительности не менее 40 минут). В ходе беседы особое внимание уделялось нескольким основным блокам вопросов, напрямую связанным с задачами исследования, а именно: знакомству информантов с другими петербургскими и российскими построк-группами, совместным практикам (концерты, записи, туры и т. д.), восприятию своего места на построк-сцене Санкт-Петербурга, истории создания группы, видению участниками прошлого и перспектив развития движения. Значительная часть интервью проводилась на репетиционных точках групп. Некоторые интервью были групповыми.

Результаты исследования показали, что в Санкт-Петербурге действительно существует определенная построк-сцена, в которой можно выделить ядро из нескольких групп, взаимодействующих друг с другом в музыкальной сфере, но практически не поддерживающих каких-либо личных контактов. Необходимо отметить, что помимо самих музыкантов в «ядро» сцены входят также и другие люди. Например, менеджер одного из клубов, которого часто упоминали в интервью как значимого человека, осведомленного о состоянии дел в рамках сцены. Как и полагается музыкальной сцене, у построка есть своя аудитория. Несмотря на то что ее стилистические границы довольно размыты, мы можем говорить о каком-то более-менее устойчивом сообществе вокруг изучаемой сцены. При

этом аудитория является довольно важной для музыкантов, с чьей точки зрения «группы не существует, если ее никто не слышит».

Стоит отметить существующую разницу в восприятии аудитории представителями тех или иных групп и отсутствие какого-либо консенсуса в этом плане. Так, существуют мнения о том, что у построка в Санкт-Петербурге вообще нет собственной регулярной аудитории (а у исполнителей, соответственно, постоянных слушателей или «фанатов»), что концерты посещаются во многом «случайными» людьми, которые оказываются в числе слушателей просто потому, что регулярно посещают заведения, в которых проводятся живые выступления. С другой стороны, в рассмотренной нами среде бытует и мнение о том, что существует некоторое, очень ограниченное, количество тех самых «постоянных слушателей», своих для каждой группы. Отчасти это обуславливает большую посещаемость совместных концертов, делая такие выступления едва ли не единственно возможными в рамках изучаемой сцены.

Есть для построка-сцены и знаковые места — например, клуб Zoccolo 2.0, было несколько других клубов, в настоящий момент прекративших свое существование. Появление данной музыкальной точки и человека, отвечающего за проведение концертов, вселило в участников сцены ощущение некоторой стабильности, связанной с появлением возможности проводить собственные мероприятия не реже, чем один раз в 1–2 месяца. Это постепенно начало приводить к формированию своеобразной музыкальной тусовки, которая разделяет одну территорию и аудиторию.

Помимо клубов, выступающих в качестве концертных площадок, многие информанты указывали на одни и те же студии звукозаписи, которые, в целом, могут выступать в качестве объединяющего фактора (одна из них — студия Solid Rock). Наконец, было отмечено, что репетиционные точки редко используются одной командой. Здесь необходимо сделать оговорку — как правило, эти помещения арендуются, и в качестве арендаторов могут выступать группы, исполняющие музыку в других жанрах. Ситуаций, в которых наши информанты репетировали бы на одной и той же точке, не было.

Вторым важным моментом, требующим особого внимания, является обозначение музыкантами себя как построкеров. Данный вопрос, однако, вызывает у большинства из них определенные проблемы. Все группы, попавшие в фокус нашего исследования, скорее

склонны считать себя экспериментаторами, выходящими за рамки жанра, нежели представителями, если можно так выразиться, «классического» (соответствующего канонам) построка. Подобное экспериментаторство становится формулой успеха — и все успешные группы в той или иной степени придерживаются этой стратегии. На протяжении всех интервью респонденты явно сигнализировали о неприятии тега «построк» и чувстве внутреннего несогласия с ним. Многие респонденты говорят о кризисе данного жанра. При этом необходимо отметить, что группы, составляющие сцену, не едины в своих суждениях. Так, в рамках проведенных с музыкантами интервью встречались и более позитивные мнения о построке. Некоторые информанты четко ассоциировали себя с этим музыкальным жанром и отмечали, что черпают вдохновение в «классических» для этого стиля произведениях и группах.

Также важно отметить, что несколько изучаемых коллективов играют музыку, тем или иным образом относящуюся к построку, значительно более продолжительное время, нежели оставшееся большинство. Именно это старшее поколение является по своей музыке максимально приближенным к направлению построка. Помимо этого, данные коллективы не всегда знакомы с более молодыми представителями Санкт-петербургского построка, однако имеют устойчивые связи с коллегами за рубежом.

Таким образом, в результате проведения качественного эмпирического исследования были выполнены основные задачи исследования и выделены наиболее значимые характеристики петербургской построк-сцены. Коротко напомним их: некоторая разобщенность «ядра» сцены и неопределенность аудитории; наличие определенных ключевых людей и мест; существование социальных связей с музыкантами в Санкт-Петербурге и за его пределами.

Список литературы

1. *Кудряшов М.* От субкультур к музыке Центр Молодежных исследований НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург. 2012. URL: <http://youth.hse.spb.ru/node/530>
2. *Hesmondhalgh D.* Recent concepts in youth cultural studies: critical reflections from the sociology of music // *Youth cultures: scenes, subcultures and tribes* / ed. by P. Hodkinson, W. Deicke. New Yourk: Routledge, 2007. P. 37–50.

3. *Hodkinson J. A.* The fanzine discourse over post-rock // Music scenes: local, translocal, and virtual / ed. by A. Bennett and R. A. Peterson. Nashville: Vanderbilt University Press, 2004. P. 221–237.

4. *Hodkinson P.* Youth cultures: a critical outline of key debates // Youth cultures: scenes, subcultures and tribes / ed. by P. Hodkinson, W. Deicke. New York: Routledge, 2007. P. 1–21.

5. *Peterson R. A., Bennett A.* Introducing music scenes // Music scenes: local, translocal, and virtual / ed. by A. Bennett and R. A. Peterson. Nashville: Vanderbilt University Press, 2004. P. 1–15.

ФЕНОМЕН АЛЬТЕРОФОБИИ В СОВРЕМЕННЫХ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ УСЛОВИЯХ

ШОРЫГИН Евгений

ННГУ им. Н. И. Лобачевского, факультет социальных наук, 4 курс
jin402@mail.ru

*Научный руководитель — Кутявина Е. Е., к. с. н.,
доцент кафедры общей социологии и социальной работы*

Shorygin Evgeny

The phenomenon of alterphobia in the contemporary socio-cultural conditions

In this article the author presents the results of the study of the phenomenon of alterphobia — prejudice against alternative youth solidarities. The author applies the solidarity approach to the study of alterphobia and demonstrates the importance of the category of gender regime as an acting cornerstone of intolerance. The paper explores the most vulnerable subcultural groups in the context of school bullying, identifies the main areas of alterphobia and compiles a typology of the causes of hatred to alternative youth solidarity.

Расширение социального пространства, социальный плюрализм и мультикультурализм, одним из аспектов которого является толерантность, — фундаментальные атрибуты западного общества. Однако культурный плюрализм зачастую рассматривается современными исследователями с точки зрения этничности — изучаются особенности существования, процессов и явлений в разных этнических средах и социальных группах. В этом контексте генезис новых субкультур, специфика их репрезентации и взаимодействия с социумом также являются важнейшим объектом исследовательского фокуса.

В условиях расширения границ социальных пространств, в которых увеличивается многообразие, растет вероятность проявления антипатии и неприязни (а подчас и ненависти) к чужому и непривычному. Так, по данным информационно-аналитического центра СОВА [3], правоохранные органы Нижнего Новгорода все чаще сталкиваются с преступной деятельностью экстремистских группировок, состоящих, как правило, из молодых людей. Частота актов насилия особенно велика среди различных молодежных групп — данная категория населения располагается на втором месте по частоте совершаемых по отношению к ней актов насилия, количество которых увеличивается с каждым годом (рис. 1).

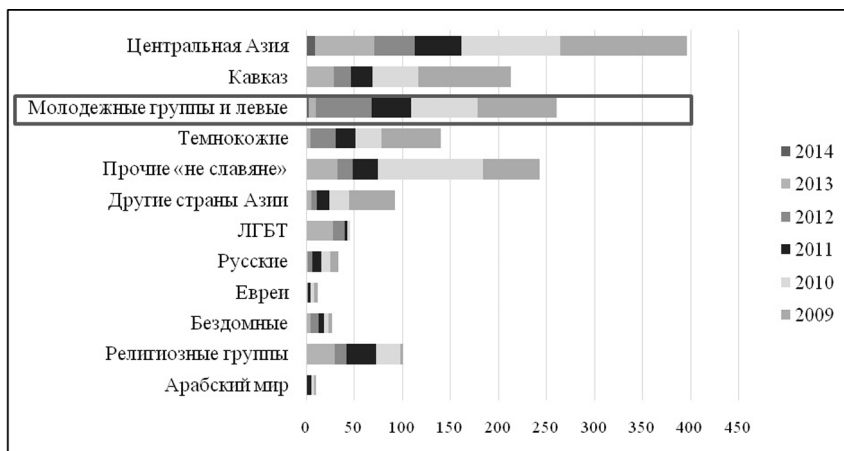

Рис. 1. Акты насилия по отношению к различным группам

Однако в рамках научного дискурса сами категории «субкультура», «неформалы», «альтернативщики» уходят в прошлое, ввиду их политизированности и специфики репрезентации в СМИ. В этом контексте мы видим релевантным изучение проблемы альтерофобии в рамках солидарного подхода, «находящего общие значимые векторы, вдоль которых с разной степенью интенсивности располагаются солидарные молодежные группы. Ряд ценностно-смысловых континуумов задает измерения молодежного пространства, что позволяет учитывать, как полярные (жесткие) варианты принятия или отторжения ценностных позиций, так и периферийные, пограничные, диффузные его формы» [Омельченко, 2013:60].

Как отмечает автор подхода Е. Л. Омельченко, «гопники ненавидят неформалов за «западничество», неформалы гопников — за жизнь «по понятиям», попса борется с андеграундом, анархисты и зоозащитники — с обывателями и мейнстримом, хипстеры отвоевывают свое право на особый потребительский стиль. И это только на поверхности, серьезные разборки происходят на глубинном уровне: классовом, этническом, гендерном. Например, кто на сегодняшних молодежных сценах носитель значений правильного, «настоящего» мужчины, «настоящей» женщины? Гендерное измерение субкультурных сцен становится все более значимым для отстаивания своей идентичности» [Омельченко, 2015].

Наше исследование заостряет внимание на гендерном аспекте, актуализируя и объективируя положение о том, что одним из доминантных и системообразующих векторов солидарности является гендерный режим членов субкультур (маскулинный, андрогинный и гендерно-нейтральный). Автором было установлено, что «конфликтность и наличие антагонизма между представителями гендерно-поляризованных субкультур является характерной чертой их взаимодействия» [Шорыгин, 2014].

При этом нельзя игнорировать и феминно-ориентированные субкультуры — «ванильки», «тпшки», «фрутсы», «гламурщики» и другие. Однако, ввиду их «мейнстримовой» ориентированности, данная группа не представляется релевантной в рамках исследования альтерофобии. Тем не менее мы предполагаем, что большинство приверженцев альтернативной сцены не испытывают к ним особой симпатии.

Исследование британского психолога Стивена Минтона, в ходе которого было опрошено 820 старшекласников, подтверждает факт уязвимости альтернативных субкультур в контексте школьного буллинга. Автор вводит в научный оборот термин альтерофобия, под которым понимается «предвзятое отношение к членам альтернативных субкультур, в том числе и к тем, кто воспринимается таковыми. Предубеждения основаны на отличном от мейнстрима внешнем виде, музыкальных и других интересах. Был сделан вывод о том, что альтерофобный буллинг является реальностью, и члены альтернативных субкультур (мошеры, рокеры, готы и эмо) находятся в группе риска» [Minton, 2012:86].

Российская специфика феномена альтерофобии не многим отличается от британской действительности. В результате нашего исследования, в ходе которого было проведено 24 глубинных интервью с первокурсниками о положении представителей субкультур в их школах, было выявлено, что члены андрогинных субкультур (готы, эмо, фрики, анимешники) более подвержены буллингу (рис. 2), а члены «неальтернативных» субкультур более склонны к агрессии в отношении других.

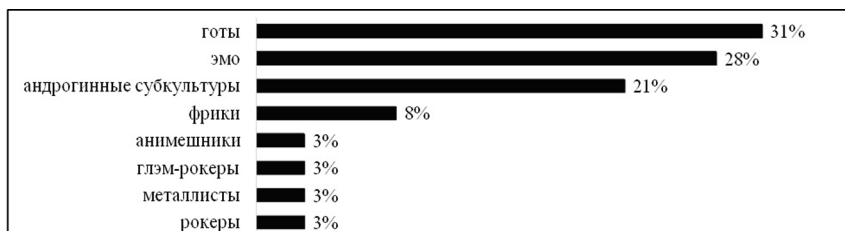

Рис. 2. Процентное соотношение жертв альтерофобного буллинга

Рис. 3. Сферы альтерофобии

Также нами был использован метод гарфинкелинга — респондентам были продемонстрированы фотографии профессиональных моделей-андрогинов (биологический пол моделей отличается от внешнего вида). Исследователем фиксировалась реакция и комментарии на фотографии до и после «кризиса» (осведомления о биологическом поле модели). Цель эксперимента — выявление представлений о нормативных гендерных режимах. Помимо фотографий

андрогинных моделей участникам были показаны фотографии членов наиболее популярных субкультур для верификации семантического компонента исследования.

На основе полученных данных нами были выявлены основные социальные группы, взаимодействие с которыми является потенциально конфликтным для неформала (рис. 3).

Специфика форм альтерофобии напрямую зависит от субъекта насилия. Наиболее жесткие и радикальные насильственные формы свойственны ровесникам, ученикам школы. Самой мягкой и наиболее распространенной формой неприязни является игнорирование, исходящее как со стороны учеников, так и со стороны учителей, заходящие несколько дальше — прибегают к публичным унижениям, «заваливанием» у доски, инициируют исключение из школы (рис. 4).

Рассматривая гендерный режим как основу формирования молодежных солидарностей, можно говорить о существовании гендерно-поляризованных групп молодежи, стремящихся к сохранению и утверждению своего гендера посредством различных форм социальности. В этом контексте гендер выступает в качестве некого ценностного базиса, вектора, вокруг которого надстраивается ценностно-символическая компонента, проявляющаяся, в нашем случае, в конкретных субкультурных формах.

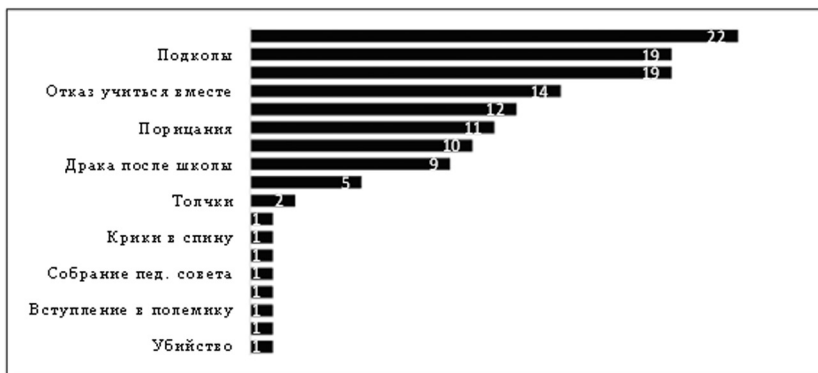

Рис. 4. Наиболее распространенные формы альтерофобии

Гипермаскулинность и патриархальный гендерный режим «мужественных» субкультур находится в оппозиции к «бесполости» и либеральному гендерному режиму андрогинных групп. Таким образом, успешное конструирование собственного гендерного дисплея

в современных социокультурных условиях является инструментом не только успешной коммуникации, но и интеграции в различные социальные структуры.

Первоочередным фактором нетерпимости юношей и девушек к андрогинным субкультурам является специфика гендерной идентичности, а именно, андрогинность, «под которой понимаются (как концептуально, так и методологически) следующие индивидуумы: (1) в их представлении о самих себе объединены культурные определения как маскулинности, так и фемининности; (2) их представление о самих себе вообще не связано с культурными определениями гендерного соответствия» [Бем, 2004: 172].

Самым распространенным микросюжетом оказалось положение о том, что юноши-«неформалы» — наиболее вероятные жертвы альтерофобии (рис. 5). Это можно интерпретировать в ракурсе феноменов «гендерных линз», гомофобии и гомосоциальности.

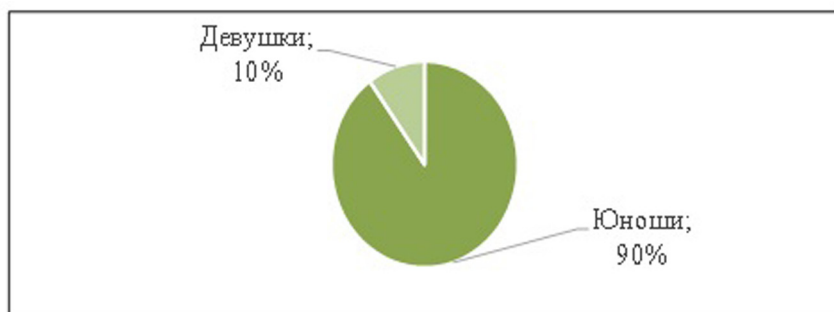

Рис. 5. Гендерное соотношение потенциальных жертв насилия по субкультурному признаку

Линза гендерной поляризации является для нас наиболее значимой, поскольку именно ей придает значение большая часть студентов, аргументируя причины нетерпимости по отношению к юношам тем, что *«девушка может как-то этим переболеть, а парню сразу скажут — иди умойся там! (смеется). Все-таки парень более твердый, чем девушка, девушку легче уговорить... все равно психика другая» (м., 18).*

Примерами линзы андроцентризма являются высказывания, в которых говорится о превосходстве маскулинных черт по отноше-

нию к феминным. Нередко молодые люди говорили о положительном восприятии проявления маскулинности девушками.

«Да-а-а-а... пацанок часто любят. С ними комфортно рядом находиться. Кому приятно будет находиться рядом с парнем-непарнем, если он даже постоять за себя не может? Ну, по крайней мере, выглядит слабее девчонки (ж., 17).

Индикатором линзы биологического эссенциализма является упоминания о биологической обусловленности различных форм проявления мужественности и женственности.

«Если женщине природой заложена нежность, женственность, то мужчина ни в коем случае не должен быть таким же. Его образ — прямо противоположный. И отклоняться нормальные мужчины от него не должны» (ж., 18).

Гомосоциальность маскулинных групп является одним из базисов гомофобии и проявляется в различных формах насилия по отношению к «другим» юношам для утверждения собственной гегемонии и получения неформальных позитивных санкций со стороны референтной группы. Сопrotивление индивидов альтерофобии и гомофобии может стать угрозой для сохранения групповой солидарности. Данная гипотеза отражена в высказывании студентки в следующей форме:

«И: То есть если в компании один из ребят станет неформалом, то другие перестанут с ним общаться?»

Р: Я думаю, что да... Потому что как бы не принято. Если они будут с ним общаться, то начнут наезжать и на них, на друзей тоже. То есть они и себя уже подвергают какому-то воздействию. То есть это идет уже самосохранение!» (ж., 17).

Отдельным направлением нашего исследования является контент-анализ публикаций центральных СМИ на предмет особенностей репрезентации молодежных субкультур.

Наиболее часто встречаемыми субкультурами в СМИ являются готы, эмо, хиппи, анимешники и панки, то есть группы альтернативной направленности (таблица 1).

Таблица 1

Частота встречаемости молодежных субкультур в СМИ

лексема	частота
готы	343
эмо	314
хиппи	102
анимешники	92
панки	81
рокеры	12
фрики	4

Общей тенденцией репрезентаций субкультур в СМИ является отрицательная тональность описания андрогинных субкультур, наиболее значимый вес из которых занимают готы и эмо, что связано со значимым количеством политически окрашенных сюжетов (высказывания политических деятелей). Более того, было выявлено весомое число материалов, искажающих представления о данных субкультурах, использующих различные методы манипуляции: преувеличение, стереотипизация, подмена понятий, различные формы «нагнетания».

Говоря о специфике отражения субкультурных маркеров в средствах массовой информации, можно отметить ее стереотипный и шаблонный характер, что проявляется в ассоциации субкультуры эмо с черно-розовыми цветами, а готической субкультуры исключительно с черными тонами. При этом положительную коннотацию имеют статьи, посвященные субкультурам анимешников, ролевиков и косплееров.

В заключение рассмотрим основные факторы альтерофобии. По результатам анализа массивов интервью нами была составлена классификация причин альтерофобии (рис. 6).

Рассматривая каждую из доминант по отдельности, необходимо отметить весомое значение каждой из них, однако анализ соотношения всех трех факторов показал, что ключевыми моментами альтерофобии являются андрогинность, нонконформный внешний вид и поведение «андрогинов», а также гомофобия и сексизм их антагонистов. Гендерный режим агрессора и его принадлежность к антагонистической субкультуре — базисные причины нетерпимости.

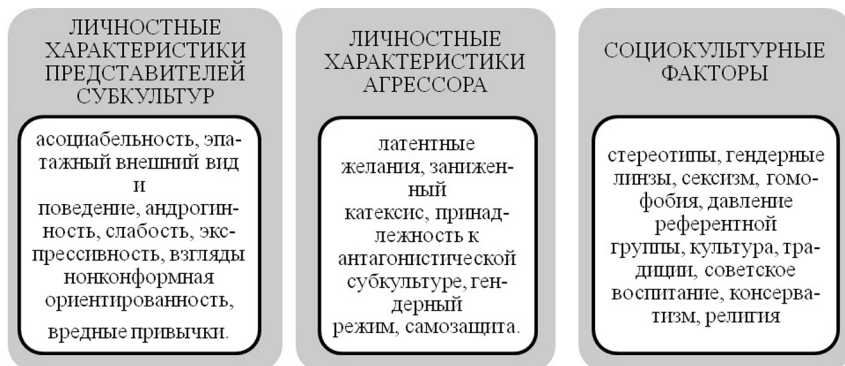

Рис. 6. Классификация причин альтерофобии

Многофакторный характер феномена альтерофобии предполагает изучение данного явления в неразрывной связи с остальными доминантами, а также указывает на сложность и междисциплинарность исследовательского предмета. В настоящее время нами осуществляется комплексный замер альтерофобии в нижегородских школах (анкетирование — 800 человек, интервью с сотрудниками и администрацией школы), и предварительные результаты заставляют бить тревогу.

Список литературы

1. Бем С. Линзы гендера: Трансформация взглядов на проблему неравенства полов. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004.
2. Омельченко Е. Л. Солидарности и культурные практики российской молодежи начала XXI века: теоретический контекст // Социологические исследования. 2013.10: 52–61.
3. Омельченко Е. Л. Феномен субкультур в постсоветском пространстве. 2015. URL: <http://last30.ru/issue/subcultures/research/>
4. Шорыгин Е. А. Специфика взаимодействия молодежных субкультур: гендерный подход // Девятое Ковалевские чтения: Материалы научно-практической конференции 14–15 ноября 2014 года. 2014. P.1455–1458.
5. Minton S. J. Alterophobic bullying and pro-conformist aggression in a survey of upper secondary school students in Ireland // Journal of Aggression, Conflict and Peace Research. 2012. Vol. 4. № 2. P. 86–95.

Секция 4

НАУКОВЕДЕНИЕ И СОЦИОЛОГИЯ НАУКИ

руководители — Куприянов А. В., Демин М. Р.

ПОЧЕМУ У НАС НЕТ «КИТАЙСКИХ ПОСТДОКОВ»: АНАЛИЗ СХЕМ АКАДЕМИЧЕСКОЙ МОБИЛЬНОСТИ В РОССИЙСКОЙ И КИТАЙСКОЙ НАУКЕ

ВОЛКОВА Анастасия

НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург, департамент социологии, 3 курс,
nastyavolkovasoc412@yandex.ru

*Научный руководитель — Куприянов А. В., к. б. н.,
доцент департамента социологии НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург*

Volkova Anastasia

Why don't we have "Chinese post-docs": an analysis of the patterns of academic mobility in Russian and Chinese science

According to the Open Economy Fund research, the emigration of Russian scientists is not only far from decreasing, but has increased significantly in recent years. Those who are leaving Russia today are primarily the young researchers, which is regarded as harmful to the recruitment and the reproduction of Russian science. One of the reasons for the "brain drain" could be the deficit of academic mobility opportunities for scientists in Russia, which also explains the outflow of researchers into the manufacturing and services sectors. The People's Republic of China faced a similar problem, and even on a bigger scale. However, due to considerable efforts undertaken by the public authorities, almost a half of Chinese students returns to China now (as compared to a fifth in the 1994). How did one of the world's leading research countries manage to turn "brain drain" into "brain circulation"? In order to understand the causes for such success, I'm trying to analyze the mobility schemes for young researchers and programs of public support for science with respect to these schemes.

Введение

Согласно данным, опубликованным Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЕСД), международная академическая мобильность значительно увеличилась за последние сорок лет [ОЕСД, 2011]. С одной стороны, из-за мобильности студентов и деятелей науки количество доступных карьерных возможностей увеличивается, благодаря чему они могут повысить свою квалификацию, поэтому государства стараются привлечь такой ресурс ради развития науки и получения прибыли от рынка образовательных услуг. С другой стороны, обмен кадрами между странами далеко не всегда симметричен, что ведет к неблагоприятным, с точки зрения государства, последствиям в виде эмиграции ученых. В результате сегодня для государств остро встает задача предотвращения утечки умов и создания условий, при соблюдении которых академическая мобильность будет приносить пользу национальным научным сообществам [Шаталова, 2009].

С этой проблемой пришлось столкнуться и Китайской Народной Республике, и Российской Федерации. В Китае большую роль в развитии этой проблемы сыграла политическая обстановка в стране — к примеру, после инцидента на площади Тяньаньмэнь¹ количество возвращающихся в КНР из-за границы сократилось в несколько раз [Zweig, Chung, Donglin, 2008. P. 6], что послужило стимулом для разработки китайским правительством мер по устранению утечки умов. И в настоящее время китайское правительство не прекращает делать все возможное, чтобы вернуть талантливых ученых, добившихся успехов на Западе (особенно в США), в КНР. Так, ежегодно проводятся различные конференции, где данная проблема всесторонне обсуждается, а министерства выпускают доклады с подробным описанием проделанной работы и ее последствий. На основе полученных данных в Китае почти каждый год выпускаются новые акты, а также проводится ряд мероприятий, направленных на привлечение студентов в родной край. В результате к 2001 г. треть от 380 000 китайских ученых, уехавших в последние двадцать лет, вернулись с Запада на должности в университетах и государственных НИИ [Zweig, Chung, Donglin, 2008: 3].

¹ Акция протеста 4 июня 1989 года в Пекине, закончившаяся расстрелом демонстрации.

В то же время в Российской Федерации, несмотря на проявляемую временами обеспокоенность данной проблемой, активных действий по изучению проблемы утечки мозгов предпринималось меньше. Кроме того, из-за противоречивости имеющихся данных весьма сложно достоверно оценить масштаб миграции талантов. Поэтому в этой работе мы стремимся к лучшему пониманию состояния российской науки с помощью анализа изменений мобильности в КНР и России и связанных с этим политик. Для анализа миграционных потоков мы используем данные UNESCO, а чтобы выяснить, куда уходят кадры, занимающиеся научно-исследовательской деятельностью, мы собираем данные из социальной сети LinkedIn. Сначала мы рассмотрим некоторые теории «мобильности талантов» и после перейдем к анализу самых распространенных методов борьбы с утечкой мозгов. Затем путем обработки статистических данных будут выявлены и проинтерпретированы главные тренды академической мобильности. Опираясь на эти данные, мы затем произведем анализ политик РФ и КНР в этой сфере.

Теория

Основные концепции мобильности талантливых кадров делают акцент на одном из трех возможных направлениях потока «умов» [Vertovec, 2008. P. 38]:

1. Привлечение иностранных кадров (brain gain).
2. Эмиграция «своих» талантов (brain drain).
3. «Циркуляция талантов» — баланс между привлечением иностранных и утечкой отечественных кадров (brain circulation).

Те страны, на которых фокусируется данная работа, испытывают утечку мозгов. В настоящее время предложено много решений данной проблемы [Gaillard, Galliard, 1997; Saxenian, 2002; Gaillard, Galliard, 2003; Saxenian, 2005; Daugeliene, Marcinkeviciene, 2009; Chimboza, 2012]. Их условно можно поделить на три типа:

1. Никого не выпускать — ужесточить политику так, чтобы поток миграции уменьшился. Однако стоит учесть, что жесткая миграционная политика может принести больше проблем, чем пользы.
2. Выпускать желающих, но потом возвращать их обратно, чтобы они тратили полученные знания на благо своей страны, а не чужой, тем самым замедлив процесс утечки талантов.

3. Установить связи со своими кадрами за рубежом и возвращать их только для кратковременных работ в лабораториях и на производстве в качестве руководителей проектов, а также для участия в конференциях и мероприятиях, направленных на передачу опыта, знаний и идей.

Таким образом, получается своеобразная циркуляция отечественных кадров, что при одновременном привлечении иностранных талантов образует самую желательную форму мобильности для развития и процветания страны. Ее стимулируют четыре фактора [Vertovec, 2008: 39]:

1. Глобализация (здесь под этим термином подразумевается растущая экономическая взаимозависимость стран, из-за чего они более взаимосвязаны, чем в прошлом).
2. Возможность строить карьеру вне государственных границ [Tung, 2008].
3. Возможность получить двойное гражданство.
4. Отсутствие препятствий для мобильности (к примеру, затруднений с переездом).

Материалы и методы

Проблема утечки талантов постоянно изучается и анализируется, существует целый блок исследований, посвященный утечке умов. На английском языке работы, направленные на изучение данного феномена в Китае, появляются в основном с начала XXI в., но на китайском языке обсуждение проблем мобильности в науке ведется еще с конца восьмидесятых гг. XX в.¹ Есть обзорные работы, с историческим анализом причин проблемы, методами ее решения в прошлом и проводимыми политиками в настоящем с планами на будущее, например [Wei, 2008; DeVoretz, Zweig, 2008]. Другие исследования направлены на изучение происхождения, транзита и пунктов назначения миграционных потоков, состоящих из ученых и студентов [Luo, 2013]. Но основное внимание уделяется «возвращенцам» (haigui), и в особенности проблемам, с которыми они сталкиваются по возвращении, их роли в передаче знаний и политике государства по отношению к ним [Cong, 2004; Zweig, Fung, Vanhanoeker, 2006;

¹ К сожалению, эти ресурсы пока охватить не удалось ввиду недостаточной языковой компетенции.

Cong, 2008]. Также есть блок работ, посвященный изучению китайской диаспоры и методам взаимодействия с ней [Nyiri, 2001; Zweig, Chung, Donglin, 2008; Chen Y.-Ch., 2008].

В России тема утечки талантов периодически всплывает в средствах массовой информации, а также в записях и комментариях в блогах, ЖЖ и Facebook научных работников России [Семенова, 2015], хотя некоторые исследования вообще утверждают, что слухи о масштабном побеге ученых из России сильно преувеличены [Adomanis, 2013]. В общей сложности по данной теме имеется очень мало аналитических статей и исследований, и эти немногие сосредоточены в основном на анализе причин утечки талантов, и в некоторых из них содержатся разные предложения того, как ее можно было бы исправить. Однако нет ни одного исследования предпринятых мер по решению этой проблемы, из-за чего складывается впечатление, что все говорят, но никто ничего не делает. Кроме того, в РФ отсутствует четкая система сбора миграционной статистики, поэтому, в отличие от КНР, данные, собранные разными учреждениями, часто на порядок отличаются друг от друга и, более того, в них не ведется учет скрытой мобильности, примером которой являются люди, уехавшие за границу в командировку и затем не вернувшиеся обратно. Везде называются разные цифры — по данным паспортно-визовой службы МВД России на протяжении 90-х гг. прошлого века страну покинуло 45 544 исследователей (в период 1992–2001 гг.) [Агамова, Аллахвердян, 2007:112], однако по другим источникам их количество колеблется от 100 до 800 тысяч уехавших специалистов с начала девяностых [Аксенова, 2003].

Для выявления основных трендов академической мобильности мы используем статистику UNESCO и World Bank. Также для этой работы нами была собрана база по выпускникам из 30 университетов Китая и России, хорошо представленным в социальной сети LinkedIn, при этом половина университетов из выборки входит в ТОП-25 высших учебных заведений страны. В ней учитывается статистика по текущей стране проживания и по сфере занятости. Также следует отметить, что база составлялась из всех имеющихся в базе людей без привязки их времени учебы в выбранных университетах к определенному временному периоду. В выборку попало больше

учетных записей из КНР, чем из России. Это отчасти можно объяснить большими размерами населения ¹.

Результаты

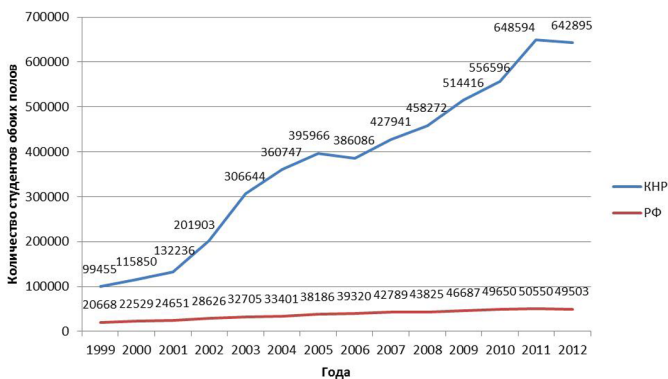

Рис. 1. Исходящая международная мобильность студентов КНР и РФ [UNESCO, 2014]

Из данных UNESCO следует, что в Китае абсолютное количество уезжающих студентов больше чем в десять раз превышает аналогичные показатели для России. Активный рост численности отъезжающих молодых людей с 2002 г. связан с ростом количества тех, кто получает высшее образование в китайских высших учебных заведениях. При этом процент вузовской выездной мобильности ² с годами почти не изменился — для КНР он находится в пределах 2 %, для РФ — 0,5 % за весь представленный на графике период [World Bank, 2014].

¹ На деле, учетных записей меньше, чем можно было бы ожидать, исходя из разницы в размерах населения двух стран. При населении КНР в 1 366 499 000, РФ — 146 267 288, и имеющихся данных в базе по обеим странам 752 379 и 283 599 соответственно, $\chi^2 = 371190$, $p\text{-value} < 2.2e-16$ — следовательно, расхождение в ожидаемом и реальном количестве людей в базе можно признать существенным.

² ВВМ — число студентов из данной страны, обучающиеся за рубежом, выраженное в виде процента от общего количества зарегистрированных в системе высшего образования в этой стране.

Далее были проанализированы данные LinkedIn, а именно информация о пользователях данной социальной сети, которые обучались или обучаются в 30 крупных вузах России и Китая и при этом занимаются научно-исследовательской деятельностью. Всего подходящих под данную категорию оказалось 58 127 человек в КНР и 15 707 в РФ, что составляет 8 % и 6 % от всех учащихся в базе соответственно.

Данные диаграммы наглядно иллюстрируют тот факт, что талантливые кадры не обязательно должны утекать в другую страну, хотя чаще всего под утечкой талантов подразумевается именно это. Если мы говорим об академической мобильности, то здесь талантливым исследователям приходится искать возможности за границей из-за затрудненной миграции научных кадров внутри страны и в других сферах деятельности из-за медленного карьерного роста. В случае с Россией немаловажную роль играет непрестижность и низкооплачиваемость научных профессий, что побуждает людей переходить в другие сферы занятости. С девяностых годов прошлого века средняя заработная плата профессуры оказывается ниже средней заработной платы по экономике в целом [Андрушак, Кузьминов, Юдкевич, 2013]. В 2005 г. среднемесячная зарплата в отрасли «Наука и научное обслуживание» была менее 10 тысяч рублей. [Глазьев, 2006]. Разумеется, эта проблема также касается и Китая, где молодые люди предпочитают получению докторской степени работу в высокооплачиваемых сферах бизнеса, банковского дела и других. Доходы китайских исследователей невелики как в сравнении с доходами исследователей в других странах, так и с доходами специалистов со сходным уровнем образования внутри страны. [Ма, Вен, 2013]. Однако в КНР с девяностых ведется работа по восстановлению статуса ученой профессии, одновременно с этим постепенно увеличивается уровень заработной платы, который вырос в 24 раза с 1998 г. Сейчас зарплата основного исследователя в китайских НИИ составляет около 20 тысяч долларов в год, причем в столичных институтах она может быть в три раза выше [Миронин, 2009].

Если кратко описать сам поток студенческой мобильности, то из Китайской Народной Республики уезжает большое количество студентов в достаточно ограниченное количество стран (основная масса китайских студентов оседает в США, почти в 10 раз меньше — в Канаде и Великобритании). По сравнению с этим из Рос-

сийской Федерации за границу уезжает меньшее количество людей, но пунктов назначения становится больше, так как многие из тех, кто занимается научно-исследовательской деятельностью, выбирают для работы Германию и Францию вдобавок к трем названным выше странам [UNESCO, 2014].

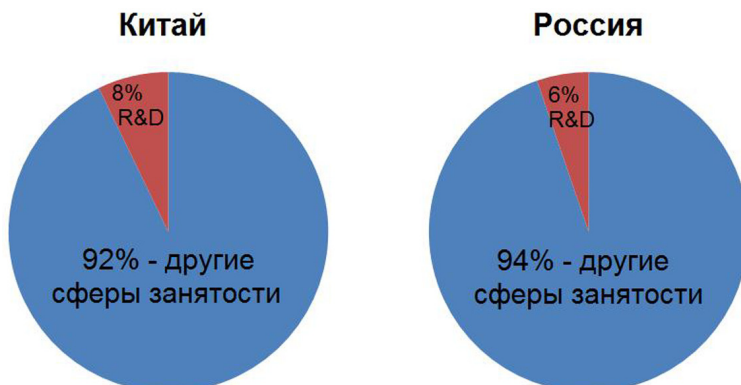

Рис. 2. Количество выпускников в секторе R&D и в других сферах занятости в базе LinkedIn в процентах

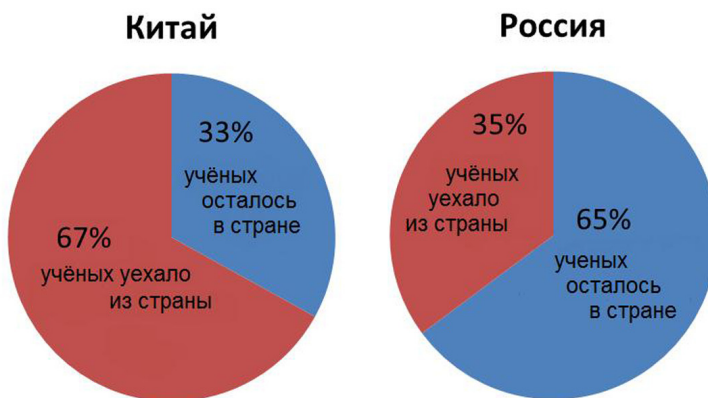

Рис. 3. Количество уехавших и оставшихся в стране исследователей в базе LinkedIn в процентах

Число студентов, выезжающих за рубеж, постепенно росло, и к 2000 г. этот показатель превысил 38 000. К 2002 г. количество выезжающих студентов выросло почти втрое, достигнув отметки в 125 000

человек. С другой стороны, можно отметить неравномерное распределение возвращающихся студентов в период с 1985 по 2000 г. С 2000 г. количество возвращающихся студентов постепенно росло, сужая разрыв между вернувшимися и оставшимися за рубежом студентами, и в 2013 г. оно составило 353 000 человек или 85 % от числа всех студентов, уехавших в этот год за границу.

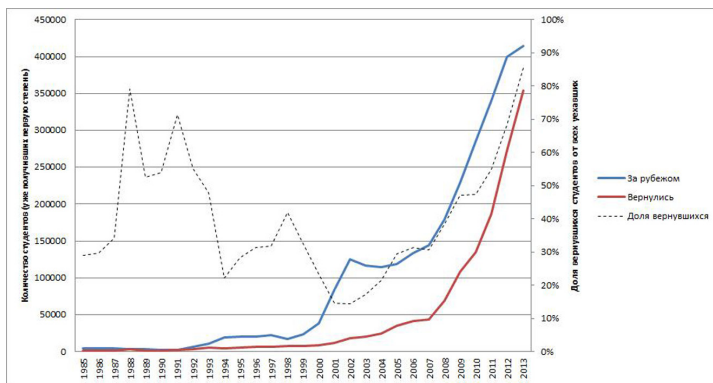

Рис. 4. Китайские студенты, обучающиеся за рубежом, и те из них, что вернулись в Китай, с 1985 по 2013 г. [China Statistics Year Book, 2014]

Обсуждение

Из полученных данных ясно следует, что масштабы утечки талантов из Китая в несколько раз превышают те, с какими сталкивается Россия. Поэтому неудивительно, что в Китае более активно решают данную проблему, создавая все новые и новые программы по сокращению утечки мозгов.

Отношение китайского правительства к гражданам, которые обучались за границей и не вернулись (*liu xue ren yuan*) заметно изменилось за последние годы. В 1988 г., когда партия впервые осознала масштаб проблемы, чиновники из Государственной Образовательной Комиссии постарались значительно ограничить поток уезжающих студентов. Однако после того как после инцидента на площади Тяньаньмэнь в июне 1989 г. количество возвращающихся на родину сильно сократилось, решение было признано неверным (во многом этому поспособствовала реакция США в виде облегченного получения второго гражданства для студентов и исследователей из КНР).

К ноябрю 1993 г. правительство сделало упор на возвращение назад человеческого капитала и предложило людям «свободу прийти и уйти!» (lai qu ziyou), после того, как они вернуться, что было первым шагом на пути к циркуляции талантов [Zweig, Chung, Donglin 2008: 6]. В общем, китайских ученых, остающихся за границей, просили позволить их организациям участвовать в различной деятельности, к примеру, «проведение конференций, поставка технологий или зарубежных фондов, помощь китайским фирмам в обнаружении рынка экспорта» [«A Number of Opinions», 2003]. Параллельно с этим Китай создавал благоприятные условия для работы на родине — так, к примеру, рост количества уезжающих в 2002 и 2007–2008 гг. связан с одновременным увеличением финансирования гражданской науки на 40 млрд руб. в те года и выделением средств на поддержку программ академической мобильности [Су, 2008: 106]. В результате к 2012 г. КНР удалось вернуть почти треть своих кадров [Лuo, 2013].

В России же, к сожалению, большинство обсуждений сводится к тому, что «есть проблема, которую надо как-то решать», и найти какие-нибудь реальные свидетельства принятых мер по устранению утечки талантов можно лишь смотря на то, что уже предпринял Китай, и пытаться отыскать это в России. К примеру, в РФ пытаются создать новые каналы для карьерной мобильности исследователей, вводя, к примеру, институт постдоков¹. В отличие от позиций стажера-исследователя, лаборанта или аспиранта, постдок — это своего рода гарантия опыта длительной работы в НИИ с другой организационной структурой, которую человек может использовать, занимая должность, требующую принятия решений [Горбатова, 2013]. Но большое количество перспективных молодых ученых уезжает подтверждать свою научную состоятельность в другие страны, часто из-за отсутствия возможностей для эффективной научной работы. Для того чтобы развивать академическую мобильность внутри страны, в 2014 г. появились первые постдоки в российских институтах помимо Санкт-Петербургского государственного университета, где они были учреждены в 2005 г. [РИА НАУКА, 2013]. Однако в Китае они появились еще в 1985 г., и к началу 2007 г.

¹ Постдоками (postdoc) в западных странах называют молодых исследователей, получивших степень доктора (Ph.D., эквивалентна российской степени кандидата наук) и получивших по конкурсу временную позицию в каком-либо институте.

в Китае было уже 45 000 постдокторских позиций [Wei, 2008: 1028]. Большая часть китайских постдоков находится в Пекине (3378 на 2010 г.), и как минимум 100 постдокторантов распределены по НИИ в 18 провинций из 31 [Stith, Liu, Xu, 2011].

Технопарки, также призванные стимулировать потоки знаний и технологий внутри страны, тоже появились сначала в Китае, и только через десять лет на территории бывшего СССР. Мегагранты для привлечения ведущих ученых в вузы России появились в 2010 г., в то время как Китай идет этим путем уже около 30 лет [Михальченко, 2014], но российское научное сообщество на сегодняшний день относится к ним без одобрения, равно как и к инновационному проекту «Сколково». К примеру, академики утверждают, что, несмотря на увеличение финансирования науки в России, основные денежные ресурсы уходили на проекты «Сколково» и «Роснано», а не в Российскую академию наук, где большинство денег (более 90 %) уходит на зарплаты и налоги, оставляя слишком мало средств на собственно научно-академическую деятельность [Зарубин, 2013].

Как видим, Россия, вместо того чтобы исправить и улучшить уже имеющуюся науку, создает краткосрочные программы, сродни уколу обезболивающего — и на какое-то время все становится благополучно. Однако коррупция, недостаток финансирования и отсутствие какой-либо работы над статусом и престижем профессии ученого с появлением таких программ никуда не деваются, и через какое-то время становится ясно, что выделенные ресурсы можно было бы использовать более рационально. Что еще хуже, недавняя реформа РАН только ухудшила работу научных институтов РФ, добавив еще больше бюрократии в рабочий процесс. Так, согласно одному из положений, академические институты РАН переданы в административную подчиненность Федеральному агентству научных организаций (ФАНО) [Бецкая, 2014]. И теперь из ФАНО в институты постоянно приходит множество бумаг, требующих немедленного ответа, из-за чего сотрудникам НИИ приходится все больше времени посвящать планам, отчетам и регламенту, отрываясь от научной работы [Иванчик, 2015: 2].

Выводы

На протяжении долгого времени обе страны, как казалось, переживали «старение» ученых и утечку мозгов среди молодых иссле-

дователей в другие сферы деятельности или за рубеж, что негативно сказывалось на науке. Однако за тридцать лет Китай совершил грандиозный прорыв в развитии науки и экономики, чего нельзя сказать о России. Это стало возможным благодаря поэтапному планированию реформ институтов науки, с помощью которых возвращение людского капитала и стимулирование научно-исследовательской деятельности стали возрастать естественным путем.

В отличие от России, в Китае научные реформы шли эволюционным путем. Вовремя обнаружив утечку, Китай стал искать корень проблемы и вплотную занялся подготовкой молодых поколений ученых, проделав тотальную реформу образования в начале нулевых. Более того, китайское правительство одновременно улучшало структуру научной работы внутри страны и налаживало контакт с уехавшими за рубеж студентами и учеными благодаря разнообразной системе стимулов. Это видно на рис. 3 — до того, как была проведена глобальная реформа, такие меры, как ограничение миграционного потока или сроков выезда не могли решить проблему малого количества возвращающихся студентов и ученых надолго. И только после реформ институтов с самого основания Китай сумел превратить утечку талантов в циркуляцию.

Если для Китая характерно сотрудничество политики и науки, то для России эти отношения носят скорее характер конфликта. Реформа Российской академии наук 2013–2014 гг., проведенная правительством РФ в сверхкраткие сроки, часто рассматривается как продолжение противостояния между учеными и политиками. Многие ученые считают, что, разрушив образование вводом ЕГЭ, министерство принялось за уничтожение науки, поскольку не удалось провести глубокий анализ проблемы [Волчкова, 2013]. Зачастую министерские чиновники не пытаются использовать уже имеющиеся институты, вместо этого пытаются вводить программы развития науки по западному образцу или на основе давних советских достижений [Андрушак, Кузьминов, Юдкевич, 2003]. При этом Россия не предоставляет возвращающимся ученым условия для работы и жизни, сопоставимые с западными, что сказывается на научных и экономических показателях страны. Поэтому если РФ действительно озабочена проблемой утечки талантов, следует сначала создать привлекательные условия для работы, с возможностью карьерной мобильности и развития, поскольку до тех пор, пока их

не будет, люди будут уходить жить и работать либо в другие страны, либо в другие сферы деятельности. Но для этого требуется реформа существующих институтов образования и науки, а глядя на результаты последних трех-пяти лет в этой области, с трудом верится в то, что ее проведут качественным образом, удаляя действительно ненужные элементы системы и создавая условия для эффективной работы оставшихся.

Список литературы

1. Агамова Н. С., Аллахвердян А. Г. Утечка умов из России: причины и масштабы // Российский химический журнал (Журнал Российского химического общества имени Д. И. Менделеева). 2007. LI (3). P. 108–115.

2. Аксенова В. С. США и Россия: Проблема «утечки умов»: автореферат диссертации кандидата политических наук. М.: Российская Академия Наук, 2003. URL: <http://www.dissercat.com/content/ssha-i-rossiya-problema-utechki-umov>.

3. Андрущак Г., Кузьминов Я., Юдкевич М. Меняющаяся реальность: российское высшее образование и академическая профессия. В сб.: Альтбаха Ф., Андрущак Г., Кузьминова Я., Юдкевич М., Лайсберг Л. (под ред.). Будущее высшего образования и академической профессии: страны БРИК и США. М.: Издательский дом Высшей Школы Экономики, 2013. P. 79–122.

4. Волчкова Н. Век марса не видать? Разрушение ран затормозит развитие науки. «Поиск». 2013. 27. URL: <http://www.poisknews.ru/theme/science-politic/6499/>

5. Глазьев С. Ю. Нужна ли российскому Правительству наука. 2006. URL: <http://www.rodina-nps.ru/article/show/?id=497>

6. Горбатова А. Дорога для постдока // Наука и технологии России. 2013. URL: http://www.strf.ru/material.aspx?CatalogId=221&d_no=52702

7. Зарубин П. Научный эксперимент: академики обсуждают реформу РАН // Вести. 2013. URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=1099996>.

8. Иванчик А. Реформа буксует, или Апофеоз бюрократии. Троицкий вариант. 2015.

9. Ма В., Вен Дж. Академическая профессия в Китае: новые реалии. В сб.: Альтбаха Ф., Андрущак Г., Кузьминова Я., Юдкевич М., Лайсберг Л. (под ред.). Будущее высшего образования и академической профессии: страны БРИК и США. М.: Издательский дом Высшей Школы Экономики, 2013.

10. Михальченко Н. Мегагранты способствуют возвращению в страну научных кадров, считают в Минобрнауки. 2014. URL: <http://tass.ru/наука/1447962>

11. *Миронин С.* Наука Китая и России. Куда ведут их дороги прогресса. Биометрика. 2009. URL: http://www.biometrica.tomsk.ru/naukoved/mironin_2.htm
12. *Попов С. Б.* Сказал. Жизнь на броне. 2014. URL: <http://sergepolar.livejournal.com/2958839.html>
13. Развиваем или разрушаем? Мнения о реформе российской науки диаметрально противоположны. Московские торги. URL: http://2000.moscowtorgi.ru/news/kruglyu_stol/760/
14. РИА НАУКА. Первые постдоки появятся в российских институтах в 2014 году. 2013. URL: <http://ria.ru/science/20130208/921847179.html>
15. *Семенова К.* Новая эмиграция: уезжают лучшие. Часть первая. 2015. URL: <http://imrussia.org/ru/аналитика/общество/2215-новая-эмиграция-уезжают-лучшие-часть-первая>.
16. *Су С.* Образование в Китае: реформы и новшества. Пекин: Китай. Факты и цифры. 2008.
17. *Шаталова А.* Поборемся с барьерами? Поиск. 43(1065): 14.
18. *Adomanis M.* (The Myth of Russia's Brain Drain. 2013. URL: <http://www.forbes.com/sites/markadomanis/2013/02/27/the-myth-of-russias-brain-drain/>
19. A Number of Opinions on Encouraging Overseas Students to Provide China with Many Different Forms of Service // Chinese Education and Society. 36(2). P. 6–11.
20. *Chen Y.-Ch.* The Limits of Brain Circulation: Chinese Returnees and Technological Development in Beijing // Pacific Affairs. 2008. 81(2). P. 195–215.
21. *Chimboza A.* From brain drain to brain gain: Addressing human capacity needs for post crisis Zimbabwe's capacity building. Master's theses, University of Philadelphia, Pennsylvania, USA, 2012.
22. *Cong C.* China's Efforts at Turning "brain Drain" Into "brain Gain". Singapore: National University of Singapore, 2004.
23. *Cong C.* China's brain drain at the high end: Why government policies have failed to attract first-rate academics to return // Asian Population Studies. 2008. 4(3). P. 331–345.
24. *Daugeliene R., Marcinkeviciene R.* Brain Circulation: Theoretical Considerations // Inzinerine Ekonomika-Engineering Economics. 2009. 3. P. 49–57.
25. *DeVoretz D., Zweig D.* An Overview of Twenty-first-century Chinese "Brain Circulation" // Pacific Affairs. 2008. 81(2). P. 172–174.
26. *Gaillard J., Gaillard A. M.* Introduction: The International Mobility of Brains: Exodus or Circulation? // Journal of Science Technology Society. 1997. 2. P. 195–228.

27. *Gaillard J., Gaillard A. M.* Can the Scientific Diaspora Save African Science? 2003. URL: <http://www.scidev.net/global/migration/opinion/can-the-scientific-diaspora-save-african-science.html>
28. *Luo D.* Seeking Modernity, Brain Gain, And Brain Drain: The Historical Evolution of Chinese Students' Overseas Education in the United States Since Modern China. Master's Theses. Paper 1854. 2013. URL: http://ecommons.luc.edu/luc_theses/1854.
29. *Nyiri P.* 2001. Expatriating is Patriotic? The Discourse on “New Migrants” in the People’s Republic of China and Identity Construction Among Recent Migrants from the PRC // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 27(4): 635–53.
30. OECD. Education at a Glance 2011. 2011. Paris: OECD. 320.
31. *Saxenian A.* 2002. Transnational Communities and the Evolution of Global Production Networks: The Cases of Taiwan, China and India // *Industry and Innovation*. 9(3). P. 183–202.
32. *Saxenian A.* From Brain Drain to Brain Circulation: Transnational Communities and Regional Upgrading in India and China // *Studies in Comparative International Development*. 2005. 40 (2). P. 35–61.
33. Statistics on Postgraduates and students studying abroad. In: J. Ma (ed.) // *China Statistical Yearbook 2014*. Beijing: China Statistics Press, National Bureau of Statistics of China. 2014. URL: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2014/indexeh.htm>.
34. *Stith A. L., Liu L., Xu Y.* The Shaping of China's Postdoctoral Community: The Challenges of Equity and Quality // *Chinese Education and Society*. 2011. 44(1). P. 58–92.
35. *Tung R. L.* Brain Circulation, Diaspora, and international competitiveness // *European Management Journal*. 2008. 26(5). P. 298–304.
36. UNESCO Institute for Statistics. 2014. Education Statistics — All Indicators. URL: <http://www.uis.unesco.org/Education/Pages/tertiary-education.aspx>.
37. *Vertovec S.* Circular Migration: the way forward in global policy? // *Canadian Diversity*. 2008. 6(3). P. 36–40.
38. *Wei Z.* China's challenge // *Nature*. 2008. 452. P. 1028–1029.
39. World Bank. Education Statistics. 2014. URL: <http://datatopics.worldbank.org/education/>.
40. *Zweig D., Chung S. F., Vanhanocker W.* Rewards of Technology: Explaining China’s Reverse Migration // *Journal of International Migration and Integration*. 2006. 7(4). P. 449–471.
41. *Zweig D., Chung S. F., Donglin H.* Redefining the Brain Drain: China's 'Diaspora Option' // *Science, Technology & Society*. 2008.13(1). P.1–33.

ПОПЫТКА ПОСТРОЕНИЯ КАУЗАЛЬНОЙ МОДЕЛИ КАДРОВОЙ ДИНАМИКИ ПРОФЕССОРСКО-ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКОГО СОСТАВА УНИВЕРСИТЕТОВ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

ИВАНОВА Евгения

НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург, департамент социологии, 3 курс,
ivanova-evginya@yandex.ru

*Научный руководитель — Куприянов А. В., к. б. н.,
доцент департамента социологии
НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург*

Ivanova Evgeniya

A causal model of the temporal dynamics of the faculty of the Universities of Imperial Russia

Despite the fact that the history of the universities of the Russian Empire received much of researchers' attention, some aspects remain poorly studied. The quantitative aspects of historical dynamics of university faculty present one of the most remarkable gaps in our knowledge. In the past few years, our research group has established that the growth of the faculty was rather irregular. While, until the age of the Great Reforms of the 1860s, all universities were small and nearly equal to each other in the number of professors and teachers, during the two decades since the new University Statute of 1863, they rapidly differentiated into large metropolitan, "medium" and small provincial universities. In this report, I shall present the first attempts of a more or less rigorous quantitative description of the faculty dynamics and outline the approaches to the causal explanation of the observed phenomena.

Введение

Несмотря на то что история университетов дореволюционной России вызывает постоянный интерес исследователей¹, многие ее аспекты остаются недостаточно изученными. В частности, возможно из-за отсутствия данных или инструментария для их обработки, недостаточное освещение получили вопросы динамики кадрового состава университетов. Это побудило нашу исследовательскую группу заняться построением базы данных по университетской профессуре. В результате предварительной обработки данных удалось

¹ В целях экономии места мы не стали приводить здесь подробный обзор источников, посвященных этой теме. Подробнее см. в монографии Ф. А. Петрова «Формирование системы университетского образования России» [Петров, 2002].

установить, что историческая динамика численности профессоров и преподавателей в XIX в. была крайне неравномерной. Если до эпохи Великих реформ 1860-х гг. все университеты были близки по численности профессоров и преподавателей, то за два десятилетия, прошедших с введения нового университетского Устава 1863 г., произошло их стремительное расслоение на крупные столичные, «средние» и мелкие провинциальные. В этой работе мы расскажем о попытках строго описать историческую динамику корпуса преподавателей двух высших учебных заведений — Московского и Казанского университетов (далее МУ и КУ соответственно), которыми решено было ограничиться на данном этапе работы, и наметить пути поиска причин возникшего расслоения.

Одна из гипотез состоит в том, что изменение динамики кадрового состава высших учебных заведений было связано с динамикой контингента студентов, от численности которых косвенно зависела численность профессоров. Также причиной расслоения университетов на крупные, «средние» и «мелкие» могли послужить различия в суммах, выделяемых МУ и КУ на содержание личного состава.

Для проверки гипотез нами был сформулирован ряд вопросов, ответы на которые, возможно, выведут нас на причину расслоения университетов. Во-первых, стоит разобраться в том, из каких источников поступали денежные средства и на какие нужды они расходовались. Во-вторых, следовало бы проверить факт наличия или же отсутствия взаимосвязи между численностью кадрового состава МУ и КУ и численностью учащихся там студентов. В-третьих, необходимо ответить на вопросы, касающиеся финансирования этих двух высших учебных заведений. Каков был размер сумм, ассигнованных на их содержание Министерством народного просвещения из Государственного казначейства, какая часть этих средств была предназначена для содержания личного состава МУ и КУ, как был связан размер выделяемой на содержание профессоров и преподавателей суммы с их численностью, и как это все менялось во времени.

В первом разделе этой статьи мы рассмотрим структуру финансирования высших учебных заведений, во втором — материалы и методы, использованные в работе, третий раздел будет посвящен основным результатам — сначала динамике профессорско-преподавательского состава и контингента студентов МУ и КУ, потом вопросам финансирования этих двух университетов. Ввиду

того, что значительную часть источников, использованных в работе, составляют однотипные ежегодно публиковавшиеся официальные документы, для экономии места в списке литературы все они вынесены в особое приложение «Список опубликованных первичных источников», расположенное перед традиционным списком литературы.

Структура финансирования системы высшего образования

Для получения более полной картины событий тех лет и понимания того, как была устроена система финансирования императорских университетов, необходимо прояснить ряд деталей. Во-первых, надо разобраться с тем, из каких источников поступали средства, и какое правительственное учреждение занималось вопросами финансирования системы высшего образования. Во-вторых, следует понять, каким образом уже полученные высшим учебным заведением бюджетные ассигнования и дополнительные денежные суммы распределялись внутри университета, и какие структурные подразделения следили за поступающими доходами и осуществляли надзор за исполнением расходных статей бюджета.

Источники финансирования, доходные и расходные статьи университетского бюджета

В XIX — начале XX вв. в Российской империи на разных уровнях было несколько основных источников, из которых поступали денежные средства:

- 1) суммы, перечисляемые из Государственного казначейства;
- 2) проценты с капиталов, переданных учебным заведениям;
- 3) разовые частные пожертвования;
- 4) суммы, выделяемые на строительные и ремонтные нужды (частично из казны, частично из сторонних доходов);
- 5) плата за обучение и экзамены;
- 6) доходы от продажи имущества учебных заведений.

Кроме того, университеты были освобождены от уплаты части налогов [Багалей, 1914; Беляков, 2006; Сапрыкин, 2009].

С точки зрения университетской отчетности все эти источники, из которых поступали материальные средства, подразделялись на:

- 1) бюджетные ассигнования;

- 2) специальные средства, включавшие в себя проценты, полученные от неприкосновенных и постоянно увеличивающихся за счет новых денежных поступлений капиталов, сами капиталы и уже указанная выше плата за обучение (в то же время эта группа средств носила неустойчивый характер из-за подчас резких колебаний в своих размерах);
- 3) стипендиальные суммы, перечисляемые разными ведомствами и частными лицами.

Какова была расходная часть бюджета университета? Прежде всего, отпущенные по смете суммы и часть специальных средств тратились на личный состав, стипендии студентам и содержание университетских зданий. Стипендиальные суммы были предназначены для выплаты стипендий определенному числу учащихся. Кроме того, каждый год часть учащихся освобождалась от платы за слушание лекций, и поэтому часть штатных сумм уходила на компенсацию расходов, требуемых на их обучение.

Благотворительность

С момента основания в России Министерства народного просвещения в дело поддержки народного образования включились благотворители [Чиненный, Стоян, 2001] — материальную помощь оказывали как учащимся, так и учреждениям образования.

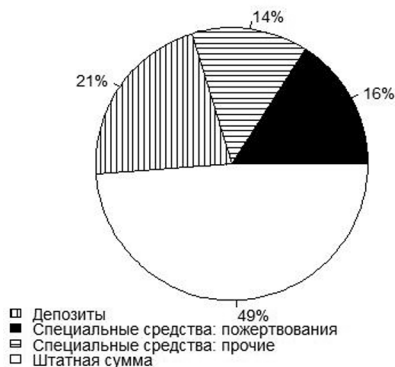

Рис. 1. Доли различных источников дохода в расходах университета, для расчетов взяты данные по Московскому университету за весь период (1865–1916 гг.)

Благотворительность в сфере образования, координируемая Министерством, была одним из основных источников дохода высших учебных заведений, однако в отличие от получаемых штатных сумм, предназначенных для текущих расходов, из пожертвованных средств создавались капиталы, а потому тратилась значительно меньшая часть этих поступлений, которая составляла шестую часть всех расходов (рис. 1).

Как свидетельствуют университетские отчеты, «Сборник постановлений» [Сборник постановлений по МНП... 1875–1894] и «Журнал Министерства народного просвещения» [Журнал МНП 1834–1917], подавляющая часть благотворительных капиталов была внесена уже после реформ 1860-х гг., однако начало этому делу было положено еще в конце XVIII столетия. Из документов следует, что в дар передавали не только различные денежные суммы, но и недвижимость, а также книги для библиотек и многочисленные экспонаты для «кабинетов» (музеев). Значительная часть доходов с вложенных разными меценатами капиталов шла на приращение стипендиального фонда, так как студенчество, будучи на протяжении всего существования университетов одним из самых незащищенных в материальном отношении социальных слоев общества, всегда нуждалось в поддержке [Фидченко, 2014]. Согласно университетским отчетам и документам [Сборник постановлений по МНП... 1875–1894, Журнал МНП 1834–1917] денежные ассигнования, выделяемые на учащихся, подразделялись на три группы:

- 1) ассигнования для компенсации расходов на обучение студентов, освобожденных от платы за слушание лекций, поступавшие из государственного казначейства и сторонних источников;
- 2) студенческие стипендии — казенные и поступавшие из разных ведомств, учреждений и из пожертвованных капиталов, на проценты с которых содержались преимущественно беднейшие студенты;
- 3) стипендии для подготовки к профессорскому званию.

В российском обществе благотворительность в области народного образования имела не только глубокие корни, но и огромный размах [Чиненный, 2001] — благодаря ей даже при отсутствии достаточной государственной поддержки оказалось возможным найти

финансовые и человеческие резервы [Ульянова, 2004] и, тем самым, развить и улучшить систему отечественного высшего образования.

Министерство народного просвещения и распоряжение деньгами на местах

Процесс развития Императорских университетов требовал определенных расходов — в самом начале становления российской системы высшего образования университеты находились в тяжелом материальном положении — не хватало ни помещений под сами университеты и их вспомогательные учреждения, ни денег на содержание уже существующих зданий и выплату жалований профессорско-преподавательскому составу и подсобным служащим [Багалей, 1914]. Со временем их положение, несомненно, стало улучшаться, однако даже в такой ситуации университетам все же иногда требовались дополнительные средства на покрытие тех или иных расходов. Все запросы, просьбы и ходатайства университетов об удовлетворении различных дополнительных нужд и потребностей отправлялись в Министерство народного просвещения, которое осуществляло государственную политику в сфере образования и науки. Туда же высшие учебные заведения направляли и свои отчеты вместе со сметами специальных средств. Министерство решало, какие просьбы должны быть удовлетворены в полном объеме, какие — лишь частично, а с решением каких вообще можно повременить [Багалей, 1914]. Распределение финансовых ресурсов по университетам осуществлялось на основе сметы доходов и расходов, составлявшейся на каждый финансовый год. В основу сметы были положены так называемые штаты, которые утверждались правительством и отображали все основные виды расходов по содержанию высших учебных заведений, подведомственных им учреждений и органов управления ими за счет государственных средств [Беляков, 2006].

Распределением получаемых средств и составлением ежегодных смет занимались Совет и Правление университета [Сравнительная таблица уставов... 1901]. Так, согласно Уставам 1804, 1835, 1863 и 1884 гг. сумма, выделяемая на содержание высших учебных заведений, находилась в ведомстве Правления. Оно не только «распоряжалось оною», но и «принимало деньги, вносимые за слушание лекций, и другие доходы университета» [Университетский устав... 1804:

321–323; Университетский устав... 1835: 975–976; Университетский устав... 1863: 1049–1056; Университетский устав... 1884: 996–999]. Также Правление обязано было ежемесячно сообщать Совету и попечителю краткую ведомость о состоянии наличных средств университета, а по Уставу 1863 г. представлять на утверждение Совета смету ежегодных доходов и расходов специальных средств университета [Университетский устав... 1863: 1049–1056].

Таким образом, Правление заведовало основной суммой, поступавшей в распоряжение высшего учебного заведения. Однако оно не могло решать все финансовые вопросы — если требовалось покрыть расходы, превышающие 399 рублей из специальных средств университета и 5000 — из штатной суммы, решение принимал попечитель учебного округа, в чьи полномочия, тем не менее, также не входило решение некоторых задач. В тех случаях, когда требовалось разрешение расходов на сумму более 1000 рублей из специальных средств и 7000 — из штатных, попечитель предоставлял эти вопросы на рассмотрение министра народного просвещения [Университетский устав... 1804: 321–323; Университетский устав... 1835: 975–976; Университетский устав... 1863: 1049–1056; Университетский устав... 1884: 996–999].

Материалы и методы

Сначала мы хотели бы остановиться на кратком описании того, с какой проблемой пришлось столкнуться при сборе данных, каким образом он производился, и на что прежде всего обращалось внимание, затем перейти к изложению трудностей, возникших при изучении университетских отчетов, и завершить все несколькими словами о таком источнике информации, как «Смета доходов и расходов Министерства народного просвещения» [Смета доходов и расходов МНП 1862–1916], который был найден в процессе работы, и том, почему в случае необходимости он может помочь в исследовании.

Особая проблема при сборе данных заключалась не столько в отсутствии информации в университетских отчетах, с которыми пришлось иметь дело, что бесспорно внесло отрицательный вклад в работу и всячески ее тормозило, сколько отсутствие самих опубли-

кованных документов¹. В итоге по покрытию временного периода имеются следующие промежутки:

- МУ — с 1865 по 1916 гг. включительно;
- КУ — в целом с 1840 по 1915 гг., однако с некоторыми пробелами в 1840, 1845–46, 1849, 1861–63, 1866–67 гг. ввиду отсутствия документов.

В первую очередь нас интересовали данные, касающиеся численности профессорско-преподавательского состава и студентов. При фиксации количества служащих мы опирались на общую численность всех категорий профессоров и преподавателей. Однако уже на этом этапе работы возникла серьезная проблема, которая сильно мешала быстрому сбору данных — структура всех отчетов была разнородной, и при этом она различалась не только между разными университетами, но и в пределах каждого из них. Местами несколько лет подряд подробно расписывались все должности, которые занимали служащие высшего учебного заведения, с указанием количества людей на той или иной позиции. Затем в какой-то момент все резко изменялось, и вот уже перечисляются лишь основные звания — ординарные и экстраординарные профессора, доценты, адъюнкты и пр., но через какое-то время все возвращалось на свои места, и вновь можно видеть «пропавших» лаборантов, прозекторов с помощниками, астрономов и ординаторов. Однако было и так, что с краткого описания основных должностей авторы отчетов, наоборот, внезапно переходили на подробное перечисление всех позиций, имевшихся в университете. Это, в свою очередь, влекло за собой паузы в работе, потому что приходилось постоянно то добавлять новые колонки в таблицу, то переделывать формулы для подсчета общей численности кадрового состава. Помимо этих трудностей, были, например, и такие, когда встречались отчеты, в которых численность служащих была записана не одним конкретным числом, а приводилась в виде тщательно расписанного нумерованного списка имен, которые перед тем как записать нужное значение в таблицу, приходилось пересчитывать вручную. Стоит отметить, что это лишь малая часть тех проблем, которые присутствовали в учетной политике и МУ (в меньшей степени), и — особенно — КУ, в котором на тех или иных

¹ Возможно, проблему нехватки данных может решить поиск неизданных документов в архивах, однако на данном этапе работы было решено ограничиться лишь опубликованными материалами.

должностях люди постоянно то пропадали, то вновь появлялись. В связи с этим пришлось удалить часть данных в 1854–55, 1857–59, 1865–66, 1869–81 гг., чтобы избавиться от «скачков» в динамике кадрового состава, обусловленных не естественным уменьшением или увеличением численности служащих при университете, а отсутствием данных за несколько лет по некоторым из их категорий.

С численностью учащихся дела обстояли сложнее. Если в отчетах МУ было записано число студентов, имеющееся на начало календарного года (январь), то в КУ эта же информация указывалась в трех вариантах — где-то давалась численность на начало календарного года (январь), где-то — на начало (октябрь) или даже конец (май) учебного года, а местами указывалось несколько вариантов сразу. В таких ситуациях для обработки информации там, где было возможно, использовалась численность на начало календарного года, а в остальных случаях — на конец учебного, так как данных по численности студентов на начало учебного года было достаточно мало.

Третий и, пожалуй, самый важный пункт, на который обращалось внимание при сборе данных, — это деньги, а точнее доходные и расходные статьи бюджета университетов. Эту часть данных было сложнее всего фиксировать по нескольким причинам. Во-первых, отсутствовала четкая схема распределения денежных средств. В идеальной ситуации должен был существовать некий шаблон, включающий в себя определенные пункты. Отчасти это так и было, какие-то статьи доходов, но чаще расходов, например на личный состав, на учебные, хозяйственные и другие расходы, на стипендии и пособия студентам, фигурировали практически в каждом отчете. Однако значительная часть этой схемы менялась из года в год — одни статьи появлялись, другие исчезали, затем вновь появлялись, а порядок их перечисления постоянно менялся. Во-вторых, хуже всего было, когда в отчетах присутствовали малозначимые суммы и отсутствовали существенные или же финансовой составляющей документов не было вовсе, что приводило к пробелам в наборах данных и провалам во временной динамике.

Особый интерес представляют отчеты по МУ, поскольку они превосходят отчеты других университетов по полноте и детализации. В конце каждого отчета на протяжении 52 лет (с 1865 по 1916 гг. включительно) приводились как подробные таблицы всех главных статей бюджета, так и итоговая суммирующая их сводная таблица.

Так, среди этих таблиц, некоторые из которых появились ближе к середине-концу «покрытого» периода, имеются следующие:

- штатные суммы;
- сбор за слушание лекций;
- суммы, вырученные от продажи растений из Ботанического сада;
- сбор с экзаменуемых фармацевтов;
- пожертвованные капиталы;
- сбор за лечение в Екатерининской больнице;
- сбор за лечение в клиниках и нервном приюте;
- типографские суммы;
- переходящие суммы, или депозиты.

В каждой из них указывался остаток от прошлого года, приход, расход и остаток к следующему году, причем числовое значение остатка к следующему году, который должен был бы переноситься в графу «остаток от прошлого года», иногда с этой графой не совпадало. Примечательно также, что за весь полувековой период данные только за три года (1894, 1905, 1912 гг.) оказались неполными — отсутствовали некоторые из перечисленных сумм. Был, конечно, и свой минус — расходные статьи были расписаны слишком подробно, из-за чего происходила путаница, было неясно, что из чего следует, и, в конце концов, от фиксации некоторых данных пришлось отказаться — было решено указывать лишь три основные суммы — на личный состав, стипендии и пособия студентам и учебные, хозяйственные и другие расходы.

В процессе работы также был обнаружен такой немаловажный источник, как «Смета доходов и расходов Министерства народного просвещения» [Смета доходов и расходов МНП 1862–1916], содержащий подробно расписанные расходные статьи Министерства для всех университетов Империи, который официально начал издаваться лишь с 1862 г., что связано с проведенной в 1862 г. финансовой реформой. В этом году были введены «Правила о составлении, рассмотрении и исполнении государственной росписи и финансовых смет министерств и главных управлений», согласно которым необходимо было в специально установленном однообразном формате составлять и публиковать сметы доходов и расходов [Высочайше утвержденные Правила... 1865], чего не требовалось ранее. В этом проекте мы не стали использовать «Сметы» [Смета доходов и рас-

ходов МНП 1862–1916] в качестве источника информации, так как нас интересовали не планируемые, а реально понесенные расходы.

Результаты

Между численностью профессорско-преподавательского состава и контингентом студентов и между количеством служащих и размером выделяемых Министерством народного просвещения штатных сумм могла существовать некая связь. Ввиду этого необходимо посмотреть на то, какова была временная динамика численности учащихся и учащихся, как менялось количество предназначенных на содержание высших учебных заведений денежных средств, и понять, могли ли происходящие изменения послужить причиной расслоения университетов на крупные, «средние» и мелкие.

Численность служащих и учащихся МУ и КУ

В МУ на протяжении всего изучаемого периода (1865–1916 гг.) происходил рост численности и профессорско-преподавательского, и студенческого составов, в результате чего число штатных и сверхштатных служащих увеличилось почти в восемь раз, а учащихся — в одиннадцать — примерно с 1000 до 11 000 человек, однако с резким уменьшением в 1915 г. почти до 6500. Совсем иначе в течение этого же промежутка времени обстояла ситуация в КУ. Здесь количество профессоров и преподавателей выросло лишь в три раза, а число студентов с 60-х гг. XIX в. до начала XX в. колебалось в пределах 500–1000 человек, но, начиная с 1900 г., резко подскочило до 3000 и, как и в МУ, так же резко в 1914 г. упало до 2000 человек (рис. 2).

Примечательно, что в обоих университетах в начале 1870-х гг. произошел значительный спад в соотношении профессорско-преподавательского состава и контингента студентов (далее — SFR, от student-to-faculty ratio ¹), с середины 1870-х гг. начался его рост, и сразу после введения Устава 1884 г. произошло падение (рис. 2).

Мы обратили внимание, что на диаграммах рассеяния в осях студенты / профессорско-преподавательский состав (рис. 3) точки, соответствующие годам, распадаются на несколько облаков, и выяс-

¹ Данный показатель сейчас активно используется в работах по образовательной политике (см., например, [OECD Indicators: Indicator D2... 2014]).

нили, что эти облака соответствуют периодам, которые можно выделить, опираясь на переломные моменты в динамике SFR (рис. 2).

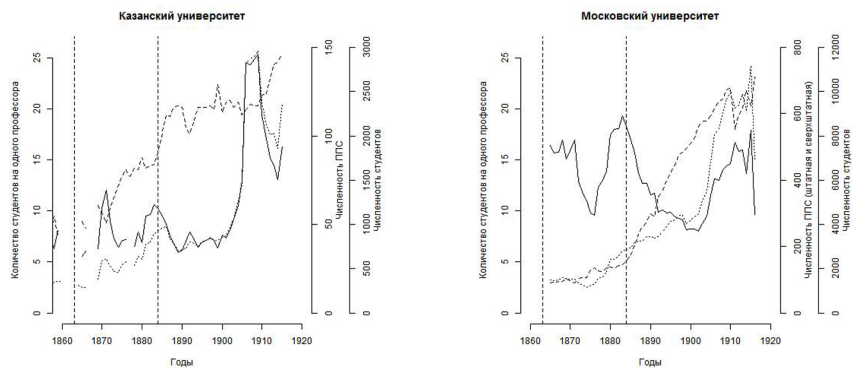

Рис. 2. Численность профессорско-преподавательского состава и студентов МУ и КУ (сплошной линией показано соотношение профессорско-преподавательского состава и контингента студентов (SFR), штриховой — численность профессорско-преподавательского состава, пунктирной — численность студентов, вертикальной штриховой — Уставы 1863 и 1884 гг.)

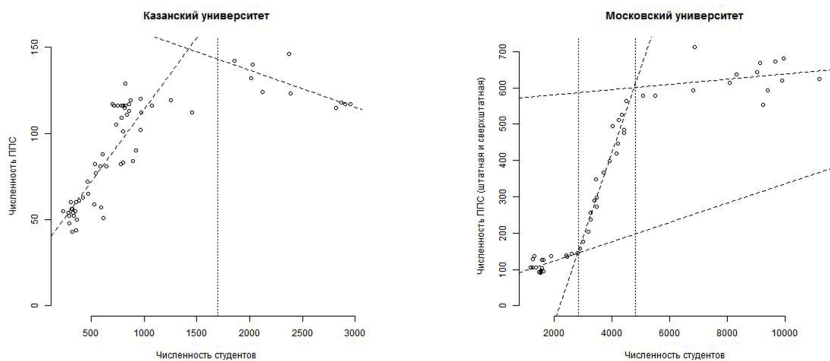

Рис. 3. Соотношение численности профессорско-преподавательского состава и студентов МУ и КУ (вертикальной пунктирной линией показаны границы между облаками точек, которые соответствуют качественно отличающимся друг от друга периодам (1865–1883, 1884–1902, 1903–1916 гг. — в МУ и 1840–1905, 1906–1915 гг. — в КУ), выделенным в соответствии с изменениями значения показателя SFR; штриховой линией показаны линии регрессии для различных периодов в МУ (I период (1865–1883 гг.): $R_2: 0.421$, $p\text{-value}: 0.00265$; II период (1884–1902 гг.): $R_2: 0.9414$, $p\text{-value}: 6.577e-12$; III период (1903–1916 гг.): $R_2: 0.07879$, $p\text{-value}: 0.331$) и в КУ (I период (1840–1905 гг.): $R_2: 0.7092$, $p\text{-value}: 9.672e-15$; II период (1906–1915 гг.): $R_2: 0.6035$, $p\text{-value}: 0.008204$)

Так, в истории МУ можно выделить три примерно равных временных интервала — 1865–1883, 1884–1902 и 1903–1916 гг. В течение первого периода происходили постоянные изменения в численности преподавателей и контингента студентов университета (рис. 3), что обуславливает столь резкие скачки в значении показателя SFR (рис. 2). На протяжении второго периода происходит резкое увеличение численности профессорско-преподавательского состава университета, в то время как число студентов растет не так быстро (рис. 3), за счет чего наблюдается уменьшение SFR (рис. 2). Качественное изменение соотношения происходит в третьем периоде, когда при значительном росте численности студентов численность преподавателей практически не меняется (рис. 3), что приводит к увеличению показателя SFR (рис. 2).

В КУ можно выделить только два качественно отличных этапа — с 1840 по 1905 и с 1906 по 1915 гг. На протяжении первого периода малое значение показателя SFR (рис. 2) обуславливается тем, что при постоянном росте числа преподавателей численность студентов оставалась неизменной и низкой (рис. 3). Во втором периоде при медленном увеличении численности преподавателей университета произошел резкий рост количества учащихся (рис. 3), что привело к столь же резкому увеличению SFR (рис. 2).

И в МУ, и в КУ можно наблюдать нелинейную зависимость для всего периода в целом, а потому для него линейная аппроксимация работает плохо. В то же время, если рассматривать отдельные этапы, то можно увидеть, что во втором временном промежутке в МУ и в первом — в КУ наблюдается сильная связь между численностью профессорско-преподавательского состава и количеством студентов (рис. 3).

В МУ размер штатной суммы за полвека более-менее плавно вырос с полумиллиона до полутора миллионов рублей в год, а затем, в 1910-х гг., произошел резкий скачок, и сумма за пару лет увеличилась еще вдвое. При этом, несмотря на непрерывный рост количества денежных средств, предназначенных на личный состав, доля, которую они составляли в общей сумме, уменьшалась, а само количество денег, выделяемых на эту расходную статью, на протяжении всего исследуемого периода держалось на уровне полумиллиона рублей (исключение составляет лишь 1916 г., когда на эти цели было выделено больше семисот тысяч) (рис. 4).

Финансирование МУ и КУ

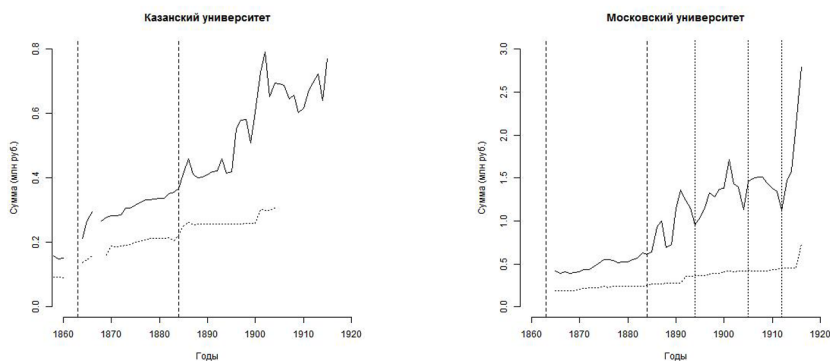

Рис. 4. Размер штатной суммы МУ и КУ (сплошной линией показана штатная сумма, пунктирной — сумма, предназначенная на личный состав (входит в состав штатной суммы), вертикальной пунктирной — годы, за которые отсутствует часть данных по финансированию (1894, 1905, 1912 гг.), вертикальной штриховой — Уставы 1863 и 1884 гг.)

В КУ штатная сумма, несмотря на случившийся в начале XX в. скачок, в результате которого произошло ее увеличение, имела довольно малые размеры (меньше миллиона рублей в год на протяжении всех 76 лет). Количество денег, выделяемых на личный состав, также увеличивалось (со ста до трехсот тысяч рублей), но, как и в МУ, доля этих средств в общей штатной сумме с течением времени уменьшилась (рис. 4).

Регрессионный анализ показал сильную связь между численностью профессорско-преподавательского состава и размером денежных средств, выделяемых на содержание личного состава обоих университетов. При этом в истории КУ можно выделить три качественно отличных друг от друга периода — до введения Устава 1863 г., с 1863 по 1900 гг. и с 1901 по 1904 гг., и только во втором наблюдается сильная связь между финансированием и численностью профессоров и преподавателей. В МУ имеющиеся данные не позволяют выделить обособленные периоды, однако это может быть отчасти связано с тем, что у нас отсутствуют данные по периоду до 1863 г. (рис. 5).

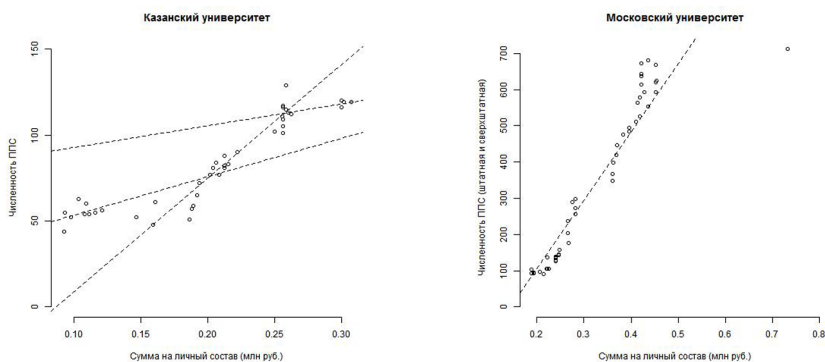

Рис. 5. Связь между размером сумм на личный состав и численностью профессорско-преподавательского состава МУ и КУ (штриховой линией показана линия регрессии для всего периода в МУ ($R^2: 0.8765$, $p\text{-value}: < 2.2e-16$) и для трех различных периодов в КУ (I период (1840–1862 гг.): $R^2: 0.1751$, $p\text{-value}: 0.2624$; II период (1863–1900 гг.): $R^2: 0.9239$, $p\text{-value}: < 2.2e-16$; III период (1901–1904 гг.): $R^2: 0.06892$, $p\text{-value}: 0.7375$))

Обсуждение

Несмотря на ряд труднообъяснимых феноменов, происходивших в Императорских университетах, у некоторых случаев объяснение все же есть. Так, например, часть скачков в значении показателя SFR может быть обусловлена как внутриуниверситетскими преобразованиями, так и внешним давлением. Некие изменения 70-х гг. XIX в. привели к тому, что в 1874 г. на историко-филологическом и юридическом факультетах обоих университетов произошло уменьшение численности студентов, в то время как количество профессоров продолжало расти, в результате чего SFR значительно уменьшился, однако вскоре стал увеличиваться. После введения нового Устава 1884 г. произошел пересмотр штатов, что, возможно, внесло свой вклад в быстрый рост количества преподавателей, при котором скорость роста количества студентов практически не изменилась, что привело к повторному снижению SFR.

Во время революции 1905–07 гг. в результате деятельности революционных общесеминарских организаций, общим лозунгом которых было требование свободного доступа семинаристов в уни-

верситеты [Адамов, 2010], 14 декабря 1905 г. министр народного просвещения И. И. Толстой дал разрешение на свободное поступление в высшие учебные заведения семинаристов, а 18 марта 1906 г. — выпускников реальных и коммерческих училищ, сдавших дополнительные экзамены за курс гимназии [Иванов, 1991]. Несмотря на то, что разрешение действовало всего несколько лет, за это время численность студентов значительно увеличилась, в результате чего повысилось значение показателя SFR.

Связь штатного финансирования и численности профессоров и преподавателей более жесткая. Характер связи между этими показателями менялся со временем, и часть этих изменений удалось объяснить. Так, и в МУ, для которого отсутствуют данные до 1863 г., и в КУ по Уставу 1863 г. произошел пересмотр штатов, в результате чего были увеличены суммы, предназначенные на содержание кадрового состава университетов [Университетский устав... 1863], а в 1902 г. служащие университета получили прибавку к жалованию [Шипилов, 2003]. Причины приходящегося на 1891–92 гг. скачка в суммах, выделявшихся на личный состав МУ, и, соответственно, увеличения численности служащих при университете (в этом году — практически исключительно за счет лаборантов, ординаторов клиник и ассистентов), нам пока неясны и заслуживают дальнейшего изучения.

Выводы

Полученные результаты позволяют сделать несколько выводов.

1. В истории МУ и КУ на основании колебаний SFR и показателей финансирования можно выделить по несколько качественно отличных друг от друга периодов. Отличия между этими периодами таковы, что они не могут быть описаны единой простой моделью. Можно предположить, что более или менее резкие изменения в динамике показателей связаны либо с серьезными институциональными изменениями самих в университетах, либо с реакцией на резкие изменения внешних по отношению к университету условий.
2. SFR и показатели финансирования дают разные периоды в разных университетах. В целом, период с 1884 по 1902 гг. в МУ характеризуется наличием сильной линейной связи между численностью профессорско-преподавательского состава и количеством студентов, а период с 1863 по 1900 гг.

в КУ — между числом преподавателей и размером суммы, предназначенной на их содержание.

3. При относительной ясности картины на феноменологическом уровне, причины замеченных изменений не всегда понятны. Однако в некоторых случаях нам удалось найти относительно удовлетворительные объяснения — например, приток в университеты большого числа бывших семинаристов и выпускников реальных училищ во время революции 1905–07 гг. или повышение размеров жалования профессоров и преподавателей при пересмотре штатов по Уставу 1863 г. и в начале XX столетия.

В целом же причины расслоения университетов на крупные, «средние» и мелкие так выяснить до конца и не удалось, однако жесткая связь между численностью профессорско-преподавательского состава и штатными суммами позволяет предположить, что они, возможно, были связаны, в первую очередь, с разницей в штатных суммах, выдаваемых Министерством народного просвещения из Государственного казначейства.

Список опубликованных первичных источников

Акты, отчеты и сметы

Годичный акт в Императорском Казанском университете. Казань, 1865–1866, 1869–1870, 1872–1876, 1878–1906, 1909–1910.

Отчет о состоянии и действиях Московского университета. М., 1866–1917.

Отчет о состоянии Императорского Казанского университета. Казань, 1840–1844, 1847–1848, 1850–1860, 1864–1865, 1868–1916.

Смета доходов и расходов Министерства народного просвещения. СПб., 1862–1916.

Университетские Уставы

Сравнительная таблица уставов университетов 1884, 1863, 1835 и 1804 гг. СПб.: Типо-литография С.-Петербургской тюрьмы, 1901. С. 139.

Уставы Императорских Московского, Харьковского и Казанского университетов. 1804 год // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1: Царствование императо-

ра Александра I. 1802–1825 г. Изд. 2-е. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1875. Стб. 295–331.

Общий устав Императорских российских университетов. 1835 год // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 2: Царствование императора Николая I. 1825–1855 г.: Отделение 1-е: 1825–1839 г. Изд. 2-е. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1875. Стб. 969–995.

Общий устав Императорских российских университетов. 1863 год // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 3: Царствование императора Александра II. 1855–1864 г. Изд. 2-е. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1876. Стб. 1040–1106.

Устав Императорских российских университетов. 1884 год // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 9: Царствование императора Александра III. 1884 г. СПб.: Типография Высочайше утвержденного товарищества «Общественная польза», 1893. Стб. 980–1048.

Прочие документы

Высочайше утвержденные Правила о составлении, рассмотрении, утверждении и исполнении государственной росписи и финансовых смет Министерства и Главных Управлений (№ 38309) // Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Второе собрание (1825–1881). Т. 37. 1862. СПб.: Типография II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1865. С. 468–477.

Журнал Министерства народного просвещения. В 381 т. СПб.: Тип. Императорской Академии Наук, 1834–1917.

Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. В 17 т. Изд. 2-е. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1875–1894.

Список литературы

1. *Адамов М. А.* Становление и развитие духовных семинарий русской православной церкви XVIII — начала XX веков // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2010. Т. 14, № 7 (78). С. 103–110.

2. *Багaley Д. И.* Экономическое положение русских университетов. СПб.: Типография товарищества «Общественная польза», 1914. С. 36.

3. *Беляков С. А.* Финансирование системы образования в России. М.: МАКС Пресс, 2006. (Серия «Управление. Финансы. Образование»).
4. *Иванов А. Е.* Высшая школа России в конце XIX — начале XX века. М.: Академия наук СССР, Институт истории СССР, 1991.
5. *Петров Ф. А.* Формирование системы университетского образования России. В 4 т. М.: Изд-во МГУ, 2002.
6. *Сапрыкин Д. Л.* Образовательный потенциал Российской Империи. М.: ИИЕТ РАН, 2009.
7. *Ульянова Г. Н.* Благотворительные пожертвования Московскому университету (XIX-начало XX в.) // Экономическая история: Ежегодник. М.: РОССПЭН, 2004.
8. *Фидченко О. В.* Формы благотворительности в пользу улучшения материального положения студентов Императорского Московского университета в конце XIX века // Теория и практика общественного развития. 2014. № 3. С. 213–215.
9. *Чиненный А., Стоян Т.* Сейте разумное, доброе, вечное... Благотворительность — просвещению // Высшее образование в России. 2001. № 5. С. 115–124.
10. *Шипилов А. В.* Зарплата российского профессора в ее настоящем, прошлом и будущем // ALMA MATER. Вестник высшей школы. 2003. № 4. С. 33–42.
11. Indicator D2: What is the student-teacher ratio and how big are classes? // Education at a Glance 2014: OECD Indicators. Paris: OECD Publishing, 2014. P. 442–452.

Секция 5

СОЦИАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

руководители — Савельева С. С., Александров Д. А.

ИЗУЧЕНИЕ ФЕНОМЕНА ПОПУЛЯРНОСТИ ШКОЛЬНИКОВ ВНУТРИ УЧЕБНЫХ ГРУПП

КРАСНОВ Илья

НИУ ВШЭ, департамент социологии, 3 курс
kopasovsky@gmail.com

*Научный руководитель — Оберемко О. А., к. с. н.,
доцент кафедры методов сбора и анализа социологической информации НИУ ВШЭ.
Консультант — Линд Бенжамин Эллиотт, старший научный сотрудник
международной лаборатории прикладного сетевого анализа НИУ ВШЭ*

Krasnov Ilya

Research of popularity in a middle school context

This study is devoted to the students' sociometric and perceived popularity in the age context. Both types of popularity are characterized by the following features: aggression, sociability, quality of schoolwork, friendliness and success spirit. All of them have a direct influence on the level of school group's popularity in different ways synchronically. Whereas previous research shows that this process comes only with 13–15 years, this paper demonstrates that it happens earlier.

Введение

Вопросы межличностного общения в школьных группах напрямую связаны с так называемым феноменом популярности ученика. Тут мы имеем дело с характеристикой, которая имеет целый ряд проявлений в поведении и установках учеников, которые влияют

на дальнейшее выстраивание межличностных отношений в классе. Очень важным здесь является понимание лидерства, которое складывается из оценок одноклассников, окружающих ученика ¹.

Каждый одноклассник в школе способен назвать самых популярных учеников в группе, которые будут представлять собой особое местоположение в группе. Оно не всегда будет обозначать то, что эти ученики будут обязательно нравиться самому однокласснику. Если его спросить о том, с кем бы он хотел проводить время, то очень часто он отмечает кого-то другого. Таким образом, при опросе всех учеников в группе по этим критериям, получается две группы популярных ребят: тех, кого считают (воспринимают) популярными, и тех, с кем хотят проводить время другие одноклассники.

Тех, чья популярность рождается поверхностными, внешними впечатлениями от поведения, основанными на стереотипных представлениях о «крутости», называют перцептивными, кажущимися лидерами; а тех, чья популярность основывается на опыте реального общения и взаимодействия или даже только на желании общаться и взаимодействовать, называют социометрическими, или истинными лидерами [Lansu, Cillessen, 2012; Cillessen, Rose, 2005].

У школьников младших классов практически отсутствует понимание социометрического лидерства, так как они хотят проводить время лишь с теми, кто считается «популярным». Происходит это за счет низкого уровня накопленного опыта коммуникации. У школьников фактически нет полноценного инструмента для социометрического соизмерения друг с другом [Meisinger, 2006]. А как только они становятся более взрослыми, желание общаться лишь с перцептивно популярными учениками у многих из них ослабевает.

Существует множество свидетельств того, что это происходит лишь после полового созревания (13–16 лет). Однако очевидна тенденция все более раннего начала переходного возраста [Simmons, Blyth, Van Cleave, Bush, 1979]. Судя по всему, школьники осуществляют более раннюю переориентацию с перцептивной на социометрическую форму оценивания, и цель данного исследования заключалась в подтверждении того факта, что данное изменение возникает раньше (10–13 лет).

¹ В рамках данной работы «ученики» — некоторый теоретический объект, о котором идет речь; а «одноклассники» — некоторый эмпирический объект, формирующий оценки об «учениках».

Структура исследования

Изначально важно понимать, что существуют так называемые методы и параметры (некоторое «как» и «что» исследования), по которым может происходить оценка популярности ученика со стороны его одноклассников. Первые разбиваются на две большие группы: поведенческие и приписываемые. В первом случае мы имеем дело с формой поведения учеников по различным характеристикам, на которые ученик имеет возможность повлиять. Во втором речь идет о тех параметрах, на которые школьник фактически не может повлиять в своем возрасте (пол, социальный статус, внешность и т. д.), и они не попадают под внимание исследования, так как требуют совершенно иных подходов по изучению чувств толерантности и солидарности среди школьников.

Параметры же, в свою очередь, представляют собой некоторый набор характеристик ученика, которые также оказываются основой для оценки со стороны одноклассников ученика. В различных работах указываются различные наборы для измерений, которые составлялись методологами из области социологии и социальной психологии. Однако основным является подход, выявленный в рамках большого качественного исследования [Parkhurst, Normeyer, 1998] и включает в себя следующие паттерны поведения: общительность, агрессия, дружелюбие, успеваемость, мировосприятие.

Рис. 1. Модель формирования оценки популярности учеников в учебной группе

На данный момент в России имеются лишь единичные примеры подобных исследований. Автор данного исследования ориентировался на работу научного коллектива НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург, которая была направлена на изучение влияния успеваемости в классах с высокой и низкой академической культурой [Titkova, Ivaniushina, Alexandrov, 2013]. Данное же исследование было призвано для фиксации зарождающихся различий внутри единой системы представлений школьников о своих сверстниках, в наиболее широком понимании.

Основные гипотезы

Как уже было сказано, 5 основных поведенческих характеристик стали основой для ряда теоретических предположений о системе представлений школьников о своих одноклассниках в возрасте 10–13 лет, на основе которых были разработаны следующие гипотезы.

Гипотеза 1. Социометрические лидеры обладают высоким уровнем успеваемости.

Гипотеза 2. Социометрические лидеры обладают высоким уровнем дружелюбия.

Гипотеза 3. Социометрические и перцептивные лидеры обладают высоким уровнем общительности.

Гипотеза 4. Социометрические и перцептивные лидеры обладают позитивным настроем и заинтересованы в успехах в различных областях.

Гипотеза 5. Перцептивные лидеры обладают высоким уровнем агрессивности.

Аналитический подход и формат анкеты

В результате проведенного обзора литературы и выстраивания методологической логики исследования, стал необходим инструмент, позволяющий:

- 1) определять перцептивных и социометрических лидеров;
- 2) диагностировать появление в школьном коллективе учеников, способных к выделению социометрических лидеров, или, иными словами, диагностировать интеллектуальное и социальное созревание;
- 3) тестировать вклад различных факторов поведения в роль «популярности» в классе.

С данной целью была разработана анкета с достаточно редким форматом параллельного оценивания одноклассников информантов: одноклассников просили выбрать троих своих самых близких друзей и троих самых ярких и заметных учеников. В случае совпадения одноклассников просили обвести в круг одного из друзей и оставить пустой одну из колонок с «явными лидерами». Таким образом, каждый из учеников отвечал на ряд вопросов о 3–6 отмеченных учениках.

В силу особенностей возраста очень важной являлась разработка дизайна, который должен был стать комфортным, удобным, быстрым и понятным для заполнения. Важным моментом стали и формулировки вопросов, которые были предложены ученикам 5-х и 6-х классов. Они имели достаточно свободную, дружественную форму, понятную для учеников данного возраста. Также в нее был включен ряд вопросов, касавшихся непосредственно самих анкетирруемых. Это было сделано по причине отсутствия прямого интереса респондента к данной анкете: в ней он не видел себя. Еще на этапе пилотажа было принято решение включить вопросы для самооценивания. Однако ответы на них в сам анализ включены не были.

Полученные данные и переменные

В самом исследовании участвовали 116 учеников московской школы № 1058. Все они на момент опроса, вторую половину мая 2014 г., проходили свое обучение в 5-й и 6-й параллелях. Среди них 53 % были девочками, а 47 % мальчиками. В конце анкеты респондентам задавался вопрос о трудности заполнения анкеты и, несмотря на все опасения, 84 % учеников сказали, что существенных проблем у них не возникало.

Особым этапом стало внесение данных в общую базу SPSS. Перед исследователем стояла задача сравнить образу перцептивно и социометрически популярного ученика. Анкета была разработана таким образом, что отвечая на вопросы для каждого из одноклассников, ученик давал по три ответа для каждого из типов популярности. Таким образом, собиралась суммарная шкала из 12 делений, а затем приводилась метрическому виду по формуле . В итоге был представлен ряд переменных, по две на каждый вопрос; с интервалами от 0 до 3, где «0» являлся выражением отсутствия признака, а «3» — полным его наличием.

Полученные результаты

Общительность

Теперь взглянем на полученные доверительные интервалы для каждой пары переменных. Их совпадение будет являться отсутствием различий в глазах учеников между двумя типами, в отличие от несовпадения, которое укажет на его наличие.

Таблица 1

Доверительные интервалы для средних об общительности учеников

Number	Behavior	Sociometric	Peer-perceived
Q1	Способность устанавливать контакт с незнакомцами	$1,4 \pm 0,110$	$1,5 \pm 0,114$
Q2	Большое число коммуникаций за перемену	$2,2 \pm 0,090$	$2,3 \pm 0,097$
Q4	Открытость в разговоре о личной жизни	$1,5 \pm 0,095$	$1,3 \pm 0,106$
Q5	Способность сплетничать	$1,4 \pm 0,100$	$1,5 \pm 0,108$

Все интервалы совпали, что указывает на то, что различия между двумя типами популярности для учеников в вопросах общения нет. Также в данном разделе был вопрос о способности учеников придумывать свои собственные темы для разговоров с одноклассниками. Вопрос был дихотомический (шкала от 0 до 1) и он показал, что в среднем социометрически популярные ученики имеют оценку в 0,566, а перцептивные 0,586. Разница между двумя переменными практически отсутствует. Таким образом, мы видим то, что общительность очень важна обоим типам лидерства по всем вопросам.

Агрессивность

Таблица 2

Доверительные интервалы для средних об агрессивности учеников

Number	Behavior	Sociometric	Peer-perceived
Q6	Интенсивность реакции в ответ на обиду со стороны одноклассника	$0,9 \pm 0,115$	$1,3 \pm 0,128$
Q7	Интенсивность реакции в ответ на критическое замечание со стороны преподавателя	$1,0 \pm 0,083$	$1,3 \pm 0,108$

Два интервала и два несовпадения указывают на реальное понимание, в глазах учеников, позитивного влияния агрессивности на перцептивную популярность.

Позитивный настрой и заинтересованность в успехе

Таблица 3

Доверительные интервалы для средних о позитивном настрое учеников

Number	Behavior	Sociometric	Peer-perceived
Q8	Позитивное настроение	$2,4 \pm 0,072$	$2,5 \pm 0,070$
Q9	Заинтересованность в школьных успехах	$2,1 \pm 0,093$	$1,8 \pm 0,113$
Q10	Заинтересованность в спортивных успехах	$1,8 \pm 0,112$	$1,9 \pm 0,119$
Q11	Заинтересованность в успехах в искусстве	$1,2 \pm 0,112$	$1,2 \pm 0,118$

Хорошее настроение важно для обоих типов, что было продемонстрировано. Заинтересованность в высокой успеваемости важна лишь для социометрического типа. А успехи в спорте могут быть интересны обоим типам, в отличие от успехов в искусстве — они оказываются вне интересов учеников в данном возрасте.

Дружелюбие

Таблица 4

Доверительные интервалы для средних о дружелюбности учеников

Number	Behavior	Sociometric	Peer-perceived
Q12	Способность иметь «настоящих» друзей	$2,0 \pm 0,111$	$2,0 \pm 0,122$
Q13	Искренность	$2,0 \pm 0,088$	$1,5 \pm 0,106$
Q14	Способность продемонстрировать поддержку однокласснику в трудном вопросе	$2,3 \pm 0,092$	$1,8 \pm 0,123$

Мы получили совпавшее значение в вопросе о наличии «настоящих» друзей у учеников. Судя по всему, данное понятие не совсем хорошо понятно одноклассникам, несмотря на разъяснение в самом вопросе. В отношении же искренности и доверительности социометрические лидеры демонстрируют свое превосходство.

Успеваемость

Таблица 5

Доверительные интервалы для средних об успеваемости учеников

Number	Behavior	Sociometric	Peer-perceived
Q15	Прилежность	$2,3 \pm 0,105$	$2 \pm 0,126$
Q16	Привлекательность учебы	$1,5 \pm 0,101$	$1,3 \pm 0,112$
Q17	Школьные оценки (от 2 до 5)	$3,9 \pm 0,092$	$3,5 \pm 0,123$

Совпал интервал, связанный с оценкой привлекательности учебы для учеников. Судя по всему, одноклассники не так хорошо различают заинтересованность в учебе учеников. По остальным вопросам совпадений нет, и мы видим, что успеваемость действительно является важным атрибутом социометрической популярности.

Выводы

Решение основной задачи исследование приводит к выводу о том, что главная гипотеза исследования о наличии различий практически полностью подтверждена. Несмотря на некоторые моменты, мы имеем достаточно позитивную картину, касающуюся различий в представлениях одноклассников об обоих типах популярности. Они присутствуют уже в возрасте 10–13 лет.

Данные, полученные в рамках проведенного исследования, могут быть использованы не только в рамках сравнения доверительного интервала. В ближайшее время будет проведен дополнительный блок аналитической работы для установления других закономерностей, связанных с перцептивной и социометрической популярностью школьников.

Список литературы

1. *Cillessen, Antonius; Amanda J. Rose.* Understanding popularity in the peer system // *Current Directions In Psychological Science* (American Psychological Society). 2005. 14 (2). P. 102–105.
2. *Lansu, T. M., Cillessen, A. N.* Peer status in emerging adulthood: Associations of popularity and preference with social roles and behavior // *Journal Of Adolescent Research*. 2012. 27(1). P. 132–150.

3. *Meisinger E.B., Blake J.J., Lease A.M., Paladry G.J., Olejnik S.F.* Variant and invariant predictors of perceived popularity across majority-Black and majority-White classrooms // *Journal of School Psychology*. 2007. Vol. 45. P. 21–44.

4. *Parkhurst J., Hopmeyer A.* Sociometric Popularity and Peer-Perceived Popularity: Two Distinct Dimensions of Peer Status // *The Journal of Early Adolescence*. 2008. May vol. 18. P. 125–144.

5. *Roberta G. Simmons, Dale A. Blyth, Edward F. Van Cleave and Diane Mitsch Bush.* Entry into Early Adolescence: The Impact of School Structure, Puberty, and Early Dating on Self-Esteem // *American Sociological Review*. 1979. Vol. 44. P. 948–967.

6. *Titkova V., Ivaniushina V., Alexandrov D.* 2013. Sociometric Popularity in a School Context // *Education WP BRP 10/EDU/2013*

РЕПЕТИТОРСТВО В МЛАДШЕЙ ШКОЛЕ: МОТИВЫ И ЦЕЛИ СОВРЕМЕННЫХ РОДИТЕЛЕЙ

ЩЕЛОКОВА Светлана

СПбГУ, факультет свободных искусств и наук, 2 курс магистратуры
svetlana.shchelokova@gmail.com

Научный руководитель — Илюшин Л. С., д. п. н., профессор СПбГУ

Svetlana Shchelokova

Private tutoring in primary school: parents' attitudes and goals

This paper presents the results of analysis parents' attitudes, private tutoring practice and connection between them. Private tutoring in primary school today is as widespread as in high school. The author reviews attitudes, motives and goals of primary school pupils' parents, who decide to organize private lessons for their children.

Институт индивидуального обучения, то есть репетиторства, в России существует давно. В определенный период истории домашнее образование являлось одним из традиционных способов получения образования в высших слоях общества. По примерам из художественных произведений мы знаем, что состоятельные семьи нанимали учителей, знатоков точных наук и иностранных языков, чтобы они занимались с детьми дома. В некоторых образовательных учреждениях существовала официальная должность репетитора: этот человек контролировал процесс выполнения учащимися домашних заданий и помогал им в этом. В советский период истории

работа репетиторов практически прекратилась, но в конце XX в. традиция частных домашних занятий возобновилась [Гитис, 2004: 24].

Как известно, к услугам репетиторов сегодня, как и, отчасти, в прошлом столетии, прибегают в следующих случаях: когда необходима помощь по школьной программе, когда ученик вынужден сдавать экзамен государственного образца (ЕГЭ, ГИА) и когда он намерен продолжать образование (поступление в вуз). Но сегодня репетиторство подразумевает не только помощь школьникам в усвоении предметов школьной программы, но и дополнительные индивидуальные занятия по различным дисциплинам. Рост востребованности услуг дополнительного индивидуального обучения удобно отслеживать в сети Интернет: растет количество сайтов, представляющих собой базы данных репетиторов города и страны. В Санкт-Петербурге наиболее известны: <http://spb.repetitors.info/>, <http://www.spbrepetitor.ru/>, <http://www.spb.repetit.ru/>.

В услугах репетиторов сегодня нуждаются не только ученики средней и старшей школы, но и младшие школьники. Так, исследование одного из крупнейших интернет-порталов, посвященных репетиторству, «Ассоциации репетиторов», показывает, что 13 % учеников — школьники младших классов [Блог Ассоциации репетиторов, 2014]. Необходимость встреч с репетитором ученика старших классов, по нашему мнению, объясняется гораздо проще, нежели дополнительные индивидуальные занятия с учениками 1–4 классов. Кроме того, в контексте репетиторства в младшей школе важно учитывать влияние установок родителей на образовательный процесс школьника.

Причинами развития репетиторства принято считать [Балакина, 2011: 6]:

- снижение общего уровня образования в школах;
- общий итоговый контроль знаний (ЕГЭ);
- рейтинговая система оценивания в школах и вузах;
- открытая возможность дополнительного заработка для преподавателей учебных заведений.

В настоящем докладе представлены результаты исследования взаимосвязи установок современных родителей и практики репетиторства с младшими школьниками. В исследовании были применены методы анкетирования, интервью и контент-анализа. В анкетировании приняли участие 55 родителей, чьи дети учатся в начальной

школе и занимаются с репетиторами по предметам школьной программы. В формате интервью информация была получена у 10 респондентов. В качестве необходимого для исследования контента были отобраны записи, сделанные родителями на форуме Littleone.

Исследование контента специализированных сайтов («Ваш репетитор» и др.) и социальных сетей, анкетирование и интервью среди родителей позволяют расширить список причин развития репетиторства в младшей школе, которые также показывают, чем руководствуются родители, организуя для детей дополнительные частные занятия по предметам школьной программы. На основе анализа эмпирических данных были выделены следующие причины:

- *Недоверие родителей к школьному образовательному процессу.* Родители младших школьников полагают, что некомпетентность учителя является одной из главных причин проблем с успеваемостью по предмету, и называют недоверие к школьным урокам и низкий уровень получаемых знаний как основополагающие причины обращения к репетитору.
- *Проблематичность внедрения ФГОС в школьную практику.* В начальном среднем образовании существует проблема преемственности по отношению к дошкольному и среднему школьному образованию. Так, не совпадают методы работы по ФГТ дошкольного и ФГОС начального образования, из-за чего появляются проблемы с успеваемостью и необходимость в оказании индивидуальной помощи. Кроме того, затруднен процесс организации индивидуальных маршрутов и подходов в обучении, необходимый в условиях реализации ФГОС нового поколения, что также приводит к росту необходимости в дополнительных занятиях.
- *Делегирование родительской ответственности.* В случаях, когда младшему школьнику необходима помощь по школьной программе, родители часто не могут оказать ее самостоятельно по причинам отсутствия специальных знаний, невозможности организации работы по современным методикам обучения в начальной школе и отсутствия необходимого времени. При организации занятий с репетитором происходит перепоручение ребенка учителю и частичное снятие с себя родительской ответственности, в том числе за формирование мотивации к обучению — основополагающего элемента в образовании.

В формировании мотивации родители участвуют напрямую, гораздо активнее, чем они предполагают. Желание ребенка учиться в начальной школе зависит не только от того, насколько он любознателен, но и от того, какую информацию о школе и в какой форме он получил от родителей [Петрова, 2007: 35].

- *Ориентация родителей на смену образовательного учреждения и выпускные экзамены.* Родители младших школьников нередко озабочены сменой образовательного учреждения, где к учащимся предъявляют более высокие требования, а также вопросом выпускных экзаменов, к которым, по их мнению, необходимо начинать готовиться заранее.
- *Занятость школьников.* Интервьюирование родителей показывает, что в большинстве случаев младшие школьники, которые занимаются с репетиторами, плотно заняты в программах основного и дополнительного образования. Единственной возможностью укреплять знания и восполнять пробелы является репетиторство, так как родители могут выбрать время занятий в соответствии с расписанием ребенка. Часто занятия проходят в выходные дни.

Кроме того, в системе ценностей современных родителей относительно учебного процесса их детей были выявлены следующие тенденции:

- *Родители гораздо больше нацелены на повышение и удержание заинтересованности у ребенка, чем на результативность, выражающуюся в школьных оценках.* Родители часто отмечают, что между уровнем интереса, который сильно падает в условиях школьного обучения, и успеваемостью существует прямая связь.
- *Родители озабочены формированием психологически комфортной образовательной ситуации для ребенка.* Решение о дополнительных занятиях чаще всего принимается в случаях, когда ребенок учится на «отлично» и «хорошо», но, по мнению родителей, не вполне уверен в себе и своих знаниях по конкретному предмету.
- *Процесс работы ребенка с репетитором тесно связан с процессом обучения в школе, но часто выходит за его рамки; репетитор выполняет функции, отличающиеся от функций школьного учителя.* Это связано и с тем, что родители предъявляют к репетиторам разные требования, и с тем, какие личные цели и задачи ставят

перед собой репетиторы в процессе работы. Так, репетитор часто несет ответственность за повышение уровня мотивации, за выполнение домашних заданий, за расширение кругозора ученика.

- *Родители не стараются включиться в процесс работы репетитора и ребенка.* Родители, нанимающие репетиторов, полагают, что для решения проблем в учебном процессе их ребенка необходимы уникальные знания и навыки, которыми они, в отличие от репетиторов, не обладают.
- *Репетиторство воспринимается как традиционное явление, ассоциативно связанное со школьным обучением, поэтому поиск и подбор учителей чаще всего происходит путем сарафанного радио и обращения в школу.* Поиск репетиторов посредством специализированных сайтов и социальных сетей распространен, но гораздо менее популярен. Возможно, это объясняется существованием стереотипа о нелегальности и постыдности репетиторства и невозможностью оценить самостоятельно компетентность репетитора.
- *Основные требования, предъявляемые к репетитору, — возможность проводить занятия дома, опыт работы в школе и наличие рекомендаций.* Данные требования не всегда предъявляются одновременно. Часто процесс организации дополнительных индивидуальных занятий сводится к сделке между родителем и репетитором, напоминая процесс приема на работу. При этом отсутствует процесс отбора: в случае поиска репетитора посредством социальных сетей или специализированных сайтов родители подбирают репетитора по необходимым параметрам, в ситуации сарафанного радио репетитором назначается человек, проводящий занятия у знакомых людей.

Таким образом, высокий спрос на репетиторство в младшей школе обусловлен двумя важными причинами. С одной стороны, большую роль играет недоверие родителей к школьному образовательному процессу и невысокая оценка знаний, получаемых детьми. В этой ситуации родители проявляют доверие к репетиторам, делегируя ответственность за мотивацию ребенка, комфортное сопровождение обучения и успеваемость. Но, как показывает исследование, не меньшую роль в принятии решения играет стремление укрепить успехи ученика, его мотивацию и, в целом, кругозор ребенка. Эти

причины напрямую не связаны с качеством образования, получаемого в школе, и отсылают нас к концепции П. Бурдьё, в рамках которой институт репетиторства можно назвать механизмом передачи/приобретения культурного капитала.

Список литературы

1. *Балакина Т. П.* Экономика репетиторства: мотивы, стимулы, модели // *Финансы и бизнес.* 2011. № 2. С. 4–15.
2. *Гитис Л. Х.* Репетиторство как элемент качественного образования // *Горный информационно-аналитический бюллетень.* 2004. № 12. С. 24–28.
3. *Петрова Л. И.* Детская психология. Адаптация ребенка в современном мире. Ростов: Феникс, 2007. С. 33–38.
4. Блог Ассоциации репетиторов. Репетиторство в Москве и Санкт-Петербурге в 2013/2014 году. URL: <http://blog.repetit.ru/> (дата обращения 12.03.2015).

Секция 6

ОБЩЕСТВО В СЕТЯХ ЭЛЕКТРОННЫХ КОММУНИКАЦИЙ: ИНТЕРНЕТ, МОБИЛЬНАЯ СВЯЗЬ И НОВЫЕ МЕДИА В ЖИЗНИ СОЦИУМА

руководители — Кольцова О. Ю., Селиванова Г. И., Куркиж Э. А.

ВИРТУАЛЬНЫЕ СООБЩЕСТВА ЖИТЕЛЕЙ МНОГОКВАРТИРНЫХ ДОМОВ В СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ VK.COM

ВОСКРЕСЕНСКИЙ Вадим

НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург, департамент социологии, 4 курс
vadimvoskresenskiy@gmail.com

*Научный руководитель — Александров Д. А., к. б. н.,
профессор департамента социологии НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург*

Voskresenskii Vadim

Virtual Communities of Apartment Buildings' Residents on Social Networking Site “vk.com”

In this paper we explore the main patterns of communication of apartment buildings' residents in St. Petersburg on social networking site “vk.com”. Using Latent Dirichlet Allocation (LDA), we discovered discussion topics in online groups created by residents for their houses. We find that online communication in these groups has instrumental character and is aimed at solving common problems of residents. Apart from that, co-membership analysis showed that participants of groups created for fighting with in-fill constructions are more involved in various citywide activities than participants of groups created for solving internal problems of house (e.g. unsatisfactory work of the management company or leaking ceilings).

Интернет является эффективным инструментом, с помощью которого люди могут решать конфликты, происходящие в реальной

жизни. Обсуждение городского пространства является одной из наиболее популярных и важных тем для интернет-пользователей. В виртуальном пространстве существует большое количество различных форумов и сайтов социальных сетей, в которых люди могут совместно разрабатывать стратегии по улучшению той среды, в которой они живут, а также координировать коллективные действия для решения общих проблем. Данные интернет-сообщества способны не только упрощать кооперацию, которую порой весьма сложно организовать в реальной жизни, но и формировать гражданское сознание среди участников, включенных в коммуникацию.

Китайский исследователь соседских отношений в Интернете, Лимей Ли [Li, 2013], считает, что существует два типа коммуникации, которые способны мобилизовать людей, живущих в одном соседстве, осуществлять коллективные действия в реальной жизни. В первом случае соседи кооперируются на основе их хобби и интересов или в силу их общего желания улучшить территорию, на которой они живут. Во втором случае кооперация соседей обусловлена внешними факторами и заставляет людей организовывать совместную деятельность, чтобы бороться с общей угрозой. По мнению Надер Афзалан и Брайана Мюллера [Afzalan, Muller, 2014], онлайн-сообщества являются наиболее эффективным инструментом, с помощью которого люди могут решать совместные проблемы. Исследователи приходят к выводу, что форумы помогают людям быстрее прийти к консенсусу, а также способствуют включению в коммуникацию тех людей, которые в реальной жизни обычно скептически относятся к участию в коллективных действиях соседей. Кроме этого, Афзалан и Мюллер утверждают, что форумы могут быть важными элементами инфраструктуры между рядовыми жителями и местной властью.

В данном проекте мы изучали коммуникацию участников онлайн-групп, созданных жителями многоквартирных домов (МКД) Санкт-Петербурга в социальной сети vk.com. Сбор id онлайн-групп домов для всех улиц Санкт-Петербурга дал нам изначальный список, состоящий из 2232 групп. Полученная база была отчищена от групп, заполненных спамом, а также от групп, содержащих нерелевантную для исследования информацию (например группы магазинов, работающих внутри домов). Из оставшихся 420 групп проанализированы были только 188, так как остальные группы не имели откры-

того доступа, что технически не позволило собрать нужную информацию. Из групп с открытым доступом, при помощи VK Application Programming Interface (API), были собраны все сообщения участников, которые они писали на «стене» группы, а также в обсуждениях. В итоге была получена база, состоящая из 22 654 постов со «стены» и 43 962 постов из обсуждений. Перед началом анализа из базы был удален весь спам, а текстовая информация была лемматизирована при помощи MyStem [Segalovich, 2003].

Для тематического анализа постов был использован алгоритм тематического моделирования Latent Dirichlet Allocation (LDA) [Blei, Ng, Jordan, 2003]. Мы объединили тексты всех постов со «стен» и из обсуждений для каждой группы в отдельные документы. Алгоритм был настроен для нахождения 50 тематик. После тематического анализа, произведенного с помощью LDA, мы проанализировали похожих участников из некоторых онлайн-групп, в которых нас интересовали обсуждаемые тематики, и групп, относящихся к общегородским движениям.

Тематики, сгенерированные LDA, были проанализированы и для дальнейшей работы были отобраны только те тематики, которые имели смысловую нагрузку, с нашей точки зрения (таблица 1). Кластеризация групп на основе общих тематик дала возможность изучить некоторые паттерны коммуникации и кооперации среди жителей многоквартирных домов.

Таблица 1

Кластеры групп и тематики

Кластер групп	Тематика	Ключевые слова
ТСЖ	Услуги	услуги компания обслуживание организация ТСЖ эксперт технический
	Реклама	установка система оборудование наблюдение решение цена доступ помощь ремонт
Административная тематика	Внутреннее состояние дома	вода горячий труба подъезд работа холодный район проблема замена качество
	коллективные действия	информация документ проблема решение случай решать начинать уважать
Протестная тематика	Уплотнительная застройка (1)	детская площадка наука застройщик строение ребенок санкт-петербург губернатор проспект строение
	Уплотнительная застройка (2)	дом конструкция земельный дети район земля слушание двор сквер

Основываясь на результатах тематического анализа, можно сказать, что коммуникация в большинстве групп имеет инструментальный характер и направлена на решение общих проблем в доме или на

его прилегающей территории. Мы обнаружили, что существуют группы, организованные правлением Товариществ собственников жилья (ТСЖ), и группы, созданные самими жителями МКД вне зависимости от каких-либо формальных структур. Первые группы малоактивны, и основная активность в них исходит со стороны правления. Тематика в данных группах чаще всего связана с обсуждением услуг, предоставляемых ТСЖ, а также в них содержится большое количество рекламных сообщений. В группах, созданных самими жильцами, участники проявляют более высокую активность, и чаще всего они обсуждают неудовлетворительную работу управляющей компании или ТСЖ, а также плохое внутреннее состояние дома, в котором они живут. Кроме того, существует третий тип групп, объединенных протестной тематикой. В данных группах жители МКД стараются организовать совместную деятельность против уплотнительной застройки важных для них объектов на прилегающей к их дому территории. Важно отметить, что помимо обычных жителей в этих группах состоят также профессиональные городские активисты, которые помогают жителям координировать коллективную деятельность.

Чтобы понять, насколько участники групп МКД включены в другие гражданские инициативы, мы произвели анализ схожести участников протестных и обычных инструментальных групп с участниками групп, относящихся к общегородским активистским движениям. Как видно из рис. 1, осязаемая доля участников протестных групп МКД присутствует в городских активистских движениях и обеспокоена различными политическими проблемами (в данном случае, коррупции и нечестными выборами).

Рис. 1. Корреляция между протестными и городскими группами

Для обычных инструментальных групп, включенность их участников в общегородские движения менее заметна (рис. 2). Таким образом, мы предполагаем, что в данных группах состоят жители, которые в первую очередь обеспокоены только проблемами своего дома и не хотят участвовать в более широких инициативах. Отметим, что несмотря на общую незаинтересованность, между самими группами, возможно, есть некоторая координация, так как большинство инструментальных групп связаны с общегородской группой, посвященной наблюдению за работой домовых и коммунальных сервисов («Наблюдаем за ЖКХ»).

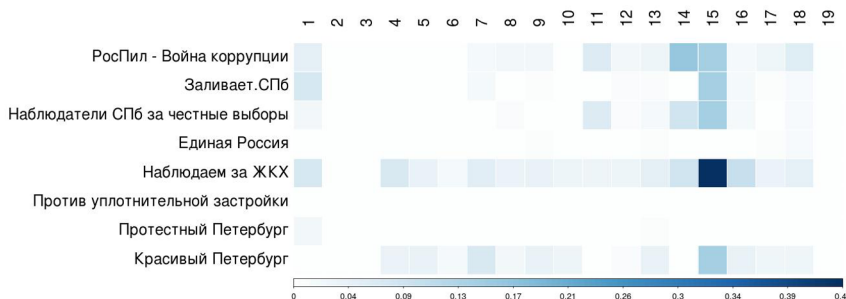

Рис. 2. Корреляция между инструментальными и городскими группами

В своем проекте по изучению городских протестных движений Борис Гладарев [Gladarev, Lonkila, 2012] обнаружил, что некоторые жители МКД, включенные в борьбу с уплотнительной застройкой, благодаря онлайн-коммуникации начинают участвовать и в других городских инициативах, связанных с протестной деятельностью. На основе нашего анализа нельзя проследить, как именно связаны локальные группы многоквартирных домов с общегородскими движениями: влияют ли локальные группы на формирование гражданского активизма у участников или, наоборот, в эти группы вступает большое количество тех жителей, которые задействованы в городских движениях. Несмотря на это, мы можем предположить, что данные группы могут играть важную инфраструктурную роль между локальным и городским активизмом, так как в данных группах одновременно состоят обычные жители домов и люди, имеющие опыт участия в гражданских акциях. В дальнейшем мы хотим более гл-

боко изучить связь между локальными и общегородскими протестными движениями при помощи сетевого анализа участников этих движений.

Список литературы

1. *Afzalan N., Muller B.* The Role of Social Media in Green Infrastructure Planning: A Case Study of Neighborhood Participation in Park Siting // *Journal of Urban Technology*. 2014. Т. 21. № 3. С. 67–83.
2. *Blei D.M., Ng A.Y., Jordan M.I.* Latent Dirichlet Allocation // *J. Mach. Learn. Res.* 2003. Т. 3. С. 993–1022.
3. *Gladarev B., Lonkila M.* The Role of Social Networking Sites in Civic Activism in Russia and Finland // *Europe-Asia Studies*. 2012. Т. 64. № 8. С. 1375–1394.
4. *Li L., Li S.* Becoming homeowners: The emergence and use of online neighborhood forums in transitional urban China // *Habitat International*. 2013. Т. 38. С. 232–239.
5. *Segalovich I.* A Fast Morphological Algorithm with Unknown Word Guessing Induced by a Dictionary for a Web Search Engine // *MLMTA*. 2003. С. 273–280.

КОНСТРУИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ В TWITTER

КАВЕЕВА Аделя

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
кафедра общей и этнической социологии, 1 курс аспирантуры
adele.kaveeva@mail.ru

*Научный руководитель — Низамова Л. Р., к. с. н.,
доцент Казанского (Приволжского) федерального университета*

Kaveeva Adelya

Constructing social problems in Twitter: an experiment with Tatarstan's popular bloggers

The research presented here uses the constructionist approach to social problems which defines them not as objective conditions, but rather as activities of individuals or groups making claims with regard to certain social conditions in various public arenas. This paper presents analysis of the Twitter microblogging platform as a public arena, where popular users with large symbolic capital play the key roles. First, using

qualitative methods, the paper investigates the most popular social problems addressed in Tatarstan's Twitter and finds that they include not only topics borrowed from the regular media. Second, based on a real-life experiment the paper concludes that symbolic capital of a blogger is not enough to make a social problem a popular issue with his audience.

Возможности Интернета, касающиеся гражданского участия и плюрализма, превращают Интернет в среду для символической борьбы с целью навязывания определенного видения тех или иных явлений действительности. Социальные сети и блоги приобрели характер публичных арен — институтов, на которых происходят обсуждение, отбор, интерпретация и представление общественности социальных проблем [Хилгартнер, Боск, 2007: 153]. Подобный конструкционистский подход предполагает, что социальные проблемы рассматриваются не как некие объективные вредные условия, а в качестве риторики, деятельности индивидов или групп по выражению недовольства относительно некоторых предполагаемых условий. Таким образом, социальные проблемы являются продуктом коллективного определения [Спектор, Китсьюз, 2001].

В Интернете функционерами, занимающимися постановкой социальных вопросов, могут быть блогеры, обладающие большим символическим капиталом, выраженным рейтингом. В блогосфере существует конкуренция, которая заставляет блогеров быть активными и находиться в авангарде актуальных проблем [Drezner, Farrel, 2007]. Интернет-площадки имеют свои достоинства и недостатки в качестве арен для конструирования социальных проблем. Однако участвующая практика отсылок к сообщениям с форумов, из блогов и социальных сетей, используемая на телевидении (особенно в новостных передачах, например отсылка и демонстрация сообщений политиков из их твиттер-аккаунтов), обращают внимание на растущее признание интернет-площадок в качестве публичных арен. Мультимедийность (размещение и текстовых, и аудиовизуальных материалов), возможность ссылаться и представлять конкретные источники, высокая скорость распространения информации, интерактивность, способность консолидировать людей независимо от их пространственного положения, доступность — все эти особенности интернет-пространства являются плюсами интернет-площадок как арен для конструирования социальных проблем.

Сеть микроблогинга Twitter имеет возможности, позволяющие рассматривать ее в качестве публичной арены: публичный, открытый характер сообщений, оперативное освещение событий, присутствие в Twitter политических деятелей, а также участвовавшие случаи отсылки к сообщениям из Twitter в традиционных СМИ.

Twitter может быть рассмотрен в качестве самостоятельной публичной арены с собственными функционерами, повесткой дня и характерной риторикой, используемой для конструирования социальных проблем. Twitter охватывает довольно узкий сегмент населения, наиболее активное ядро которого социально может быть охарактеризовано как средний слой — это люди, обеспеченные в экономическом и культурном отношении, жители крупных городов, активные пользователи мобильного интернета. Ключевые функционеры в Twitter — «лидеры мнения», т. е. наиболее популярные пользователи, имеющие большую аудиторию. «Лидеры мнения» имеют возможность принимать непосредственное участие в формировании повестки дня Twitter в силу своего символического капитала, поэтому, рассматривая конструирование социальных проблем на данной публичной арене, имеет смысл изучать именно их риторику. На основе дискурс-анализа сообщений 10 «лидеров мнения» (определенных по рейтингу) в татарстанском сегменте Twitter была предпринята попытка определить перечень наиболее популярных тем, которые позиционировались их авторами как проблемные и требующие изменений.

Данное исследование специфики конструирования социальных проблем в татарстанском Twitter состоит из двух частей: 1) определение социально-политической повестки дня в татарстанском Twitter; 2) контролируемая попытка изменить повестку дня через «лидера мнения» и установление реакции твиттер-сообщества.

Анализ риторики «лидеров мнения» показал, что повестка дня в Twitter характеризуется двумя классами обсуждаемых проблем:

- 1) проблемы, перенесенные из СМИ, т. е. обсуждение прецедента. В этом случае повестка дня СМИ переносится в Twitter, и происходит «поддержка» аудиторией Twitter какой-либо темы в качестве проблемной;
- 2) проблемы, к которым аудитория Twitter имеет предрасположенность в силу социальных диспозиций и интересов, и для воспроизводства которых не требуется наличие преце-

дентов и освещения в СМИ. Так, конструируются, в основном, проблемы, имеющие непосредственное отношение к интересам среднего класса. По этой причине их конструкционистская сила довольно ограничена — «лидеры мнения» несколько далеки от массового «базового слоя» России.

Несмотря на социальную обусловленность риторики «лидеров мнения», большинство поднимаемых ими проблем созвучно потребностям широких слоев населения. К ним относятся городское развитие, коррупция, детские сады, ЖКХ, предпринимательство, а также то, что было названо историком Н. П. Поповым «партия власти как социальная проблема» [Попов, 2010], т. е. проблема монополизации власти в России.

Для второй части исследования ключевым стал вопрос о том, что делает ту или иную тему в Twitter популярной и влиятельной — содержание сообщений, которыми она выражается, или авторитет источника информации. Иными словами, сможет ли заведомо популярный источник («лидер мнения») успешно сконструировать (т. е. сделать заметной и обсуждаемой) проблему, не соответствующую привычной повестке дня татарстанского Twitter?

В качестве искусственно конструируемой проблемы необходимо было выбрать такую тему, которая существенно отличалась бы от привычной повестки дня, не была ориентирована непосредственно на интересы среднего класса и имела слабое освещение в СМИ. Проблема бездомности показалась наиболее подходящей для подобного эксперимента. Эта проблему можно считать «темой-табу» или «невидимой темой» в публичном пространстве по двум причинам: механизм социального исключения и отсутствие громких информационных поводов, которые могли бы вынести эту социальную проблему в СМИ и другие публичные арены. Обращение к проблеме было решено конструировать, связав с возможной «высылкой» бездомных из Казани в преддверии спортивных соревнований, а также включив ее в привычную тему городского развития.

Социальная дистанция, существующая между «лидерами мнения» (представителями среднего слоя) и социально незащищенными группами, объясняет безрезультатность попыток конструирования в Twitter проблем, связанных с «социальным дном» российского общества. Социальная проблема бездомности, которая была поднята «лидером мнения» в качестве эксперимента в татарстан-

ском Twitter, не получила большого отклика у аудитории. Эта тема была развернута и подана в ином ключе другими «лидерами мнения» и политиками — бездомные были представлены не как незащищенная группа, нуждающаяся в помощи и поддержке, а как нежелательные элементы городской среды, с которыми нужно бороться с помощью изоляции и высылки. Таким образом, важна не только способность темы попасть на публичную арену Twitter (которая для проблем, подобных бездомности, является минимальной), но и то, какие именно интерпретации проблемы будут более успешны в рамках этой публичной арены.

Анализ стратегий проблематизации и депроблематизации, которые используются «лидерами мнений» в процессе конструирования социальных проблем в Twitter, обнаруживает ряд тенденций. Наиболее характерной является такая стратегия проблематизации, как индивидуализация причин социальной проблемы, т. е. указание конкретного «виновника» проблемы. «Лидерами мнений» создается неблагоприятный образ чиновников, которые в глазах аудитории становятся связанными с конструируемыми проблемами. Ироничность — общая черта интернет-коммуникации в целом и процесса конструирования социальных проблем в Twitter, любая проблема рано или поздно сводится к развлечению. Кроме того, это неизбежный этап в любом процессе выдвижения утверждений-требований, описанный Дж. Бестом: относительно сложные утверждения-требования, имеющие под собой четкую социальную и политическую позицию, трансформируются с помощью медиа в более простые, которые в конечном счете упрощаются еще больше, будучи осмысленными аудиторией [Бест, 2007: 40]. Однако в Twitter тема не депроблематизируется за счет иронии, напротив, ирония способствует тому, чтобы повторяющиеся сообщения, содержащие серьезную постановку вопроса, не привели к усталости аудитории от социальной проблемы. В отношении наиболее популярных тем у аудитории существует консенсус, контрриторика зачастую отсутствует и проявляется только в отношении политических тем в силу разных политических взглядов «лидеров мнений». Следует отметить, что в татарстанском Twitter никогда не используется контрриторика, выражающая бессилие или бессмысленность борьбы с проблемной ситуацией.

Проблему монополизации власти в России можно считать ключевой в татарстанском Twitter, пронизывающей все остальные темы. Она воспринимается остро «лидерами мнения» как представителями среднего социального слоя, требующими более активного политического участия в своем государстве. Twitter — это прежде всего площадка для риторики, а не для мобилизации и действия. Однако изучение происходящих здесь процессов, существующих тенденций и настроений имеет значение для понимания состояния становящегося среднего класса.

Список литература

1. *Бест Дж.* Социальные проблемы. // Социальные проблемы: конструкционистское прочтение: Хрестоматия / Сост. И. Г. Ясавеев. 2007. С. 40.
2. *Попов Н. П.* Главные социальные проблемы России последнего десятилетия. URL: www.indem.ru/PUBLICATION/Popov/GISocProbl.pdf (дата обращения 04.04.2015).
3. *Спектор М., Китсьюз Дж.* Конструирование социальных проблем // Контексты современности. Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2001. URL: www.ecsocman.hse.ru/data/599/673/1219/chap42.pdf (дата обращения 04.04.2015).
4. *Хилгартнер С., Боск Ч. Л.* Рост и упадок социальных проблем: концепция публичных арен // Социальные проблемы: конструкционистское прочтение: Хрестоматия / Сост. И. Г. Ясавеев. 2007. С. 145–184.
5. *Drezner D. W., Farrel H.* The power and politics of blogs. URL: www.danieldrezner.com/research/blogpaperfinal.pdf (дата обращения 04.04.2015).

АНАЛИЗ ВЗАИМОСВЯЗИ ФОРМАЛЬНЫХ И НЕФОРМАЛЬНЫХ ОЦЕНОК ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ НА ОСНОВЕ ОБЩЕДОСТУПНЫХ ДАННЫХ

ТЕРНИКОВ Андрей

НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург, департамент экономики, 3 курс,
ternikov.spb@mail.ru

*Научный руководитель — Антипов Е. А., старший преподаватель департамента
социологии НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург*

Ternikov Andrew

Relationship between formal and informal assessments of professors using open data

This research addresses the case of HSE professors' rating and establishes a relationship between professors' rankings based on annual student voting and informal assessments of professors based on attractiveness of their quotations published by a community in a social networking site VKontakte. Using regression analysis we conclude that data obtained from online communities may be used to predict students' voting results. The work shows the usefulness of data from social networking sites for covering deficit of other types of data in social science research.

В данной работе на примере рейтингования преподавателей НИУ ВШЭ устанавливается связь между оценкой преподавателей по данным ежегодного студенческого голосования и неформальной оценкой преподавателя на основе привлекательности его цитат, публикуемых в сообществе социальной сети «ВКонтакте». На основе регрессионного анализа делается вывод о том, что с помощью информации, полученной из неформальных сообществ, можно предсказывать результаты голосования студентов. Работа показывает полезность открытых данных из социальных сетей для восполнения дефицита других данных в социальных исследованиях.

1. Проблематика

Исследователи процессов, происходящих в сфере образования, подтверждают ценность использования информации, взятой из социальных сетей. Ведь на сегодняшний день большинство студентов и многие преподаватели обращаются к интернет-сообществам в рамках образовательного процесса [Hew, 2011; Madge, 2009]. Более того, важность применения анализа социальных сетей относится

и к установлению доверия во взаимодействии между студентом и преподавателем [Mazer, 2009].

Высшая школа экономики славится открытостью и прозрачностью доступа к информации, связанной с учебным процессом. Несмотря на этот факт, информация о распределении оценок «лучшего преподавателя» остается закрытой. Официальный сайт университета в то же время дает ограниченный набор данных, основываясь на бинарной альтернативе: был или не был преподаватель признан лучшим по итогам года.

Для того чтобы преодолеть трудности, связанные с недостатком необходимой информации, можно воспользоваться информацией из сообщества в социальной сети, которое было бы связано с предметом исследования. Таким образом, исследовательский вопрос данной работы сводится к тому, насколько эффективно может быть описана официальная информация при помощи дополнительного неформального источника данных, сообщества в социальной сети, на примере оценки привлекательности преподавателя Высшей школы экономики по итогам ежегодного студенческого голосования.

2. Данные

Сбор данных проходил в три этапа. Сначала было выбрано сообщество в социальной сети, которое наиболее близко соотносилось с предметом исследования. Выбор пал на сообщество «Цитаты преподавателей HSE» в социальной сети «ВКонтакте» (<http://vk.com/hseteachers>). В этом сообществе публикуются цитаты преподавателей Высшей школы экономики, а затем оценивается каждая конкретная цитата. На первый взгляд, здесь присутствует ряд ограничений, таких как сравнительно небольшой охват преподавателей, чьи цитаты публикуются, и возможность получить смещенную оценку за счет оценивания не столько привлекательности преподавателя, сколько его цитаты. Однако эти ограничения могут быть сглажены за счет репрезентативного объема выборки и похожих факторов эндогенного характера, влияющими на оценку при официальном голосовании.

На втором этапе были собраны данные с сообщества в социальной сети. В частности, текст самих цитат и количество «лайков» каждого поста.

Третий этап был связан со сбором информации с официального сайта университета (<http://www.hse.ru/org/persons>). Полученные параметры представляют собой: отметку о признании преподавателя лучшим по итогам года, кампус, в котором работает преподаватель, его предметная область знаний, наличие ученой степени, стаж работы в Высшей школе экономики, пол.

Все доступные данные были собраны с помощью пакета «R» и затем корректировались вручную.

Всего было собрано 1507 постов от 481 преподавателя. Процентное распределение по полу составляет 31,1 % для женщин и 68,9 % для мужчин. Большая часть цитат в соответствии с местом работы преподавателя относится к корпусам, расположенным в Москве (82 %), доля преподавателей кампусов в данной выборке значительно меньше (Санкт-Петербург — 11,2 %, Нижний Новгород — 5,6 %, Пермь — 1,2 %). Кроме того, в выборке имеет место распределение по предметным областям. Самые большие доли занимают такие направления, как «Экономика» (19,5 %), «Право» (12,8 %), «Лингвистика» (12,2 %) и «Математика» (10,4 %). Распределение «лайков» имеет левостороннюю асимметрию, но может быть сведено к нормальному за счет исключения выбросов и использования большого объема наблюдений.

3. Модель

Целью работы является установление взаимосвязи между данными, полученными из формальных и неформальных источников. В качестве метода исследования используется регрессионный анализ.

Спецификация переменных представлена в таблице 1.

Таблица 1

Спецификация переменных

Переменная	Описание
Best*	Статус лучшего преподавателя
Like	Количество «лайков»
Gender*	Пол: 1 — мужской, 0 — женский
Work	Стаж работы в НИУ ВШЭ (лет)
Degree*	Наличие ученой степени

Moscow*	Корпус в Москве
SPB*	Кампус в Санкт-Петербурге
NN*	Кампус в Нижнем Новгороде
Perm*	Кампус в Перми
Subject	13 областей знаний**

* Бинарная переменная

** Военная кафедра, востоковедение, информатика, история, математика, менеджмент, политология, право, психология, социология, лингвистика, философия, экономика

Среди переменных не наблюдается сильно скоррелированных между собой регрессоров (значения всех корреляций меньше 0,15 на 5 %-м уровне значимости).

Процесс нахождения зависимости между статусом лучшего преподавателя и количеством «лайков» его цитат в социальной сети относится к выбору спецификации регрессионной модели. В данном случае был выбран метод наименьших квадратов.

На первом этапе была построена модель по всей выборке цитат:

$$\text{Best} = \alpha_1 \cdot \text{Like} + \alpha_2 \cdot \text{Gender} + \alpha_3 \cdot \text{Work} + \alpha_4 \cdot \text{Degree} + \\ + \alpha_5 \cdot \text{Moscow} + \alpha_6 \cdot \text{SPB} + \alpha_7 \cdot \text{NN} + \sum_{i=2}^{13} (\alpha_{6+i} \cdot \text{Subject}_i). \quad (1)$$

Результат оценки этой модели представлен в таблице 2 в первом столбце. Полученный результат показывает наличие статистически значимого коэффициента перед переменной «*Like*», который показывает, что вероятность признания преподавателя лучшим (по данным официального голосования) возрастает на 0,03 % при увеличении количества «лайков» на одну единицу при прочих равных условиях.

Этот результат подтверждает гипотезу о зависимости формальных и неформальных оценок привлекательности преподавателя, выдвинутую ранее. Однако можно подтвердить полученные оценки для первой модели, изменив спецификацию некоторых переменных. Построение второй модели начинается с преобразования

независимой переменной количества «лайков». Несомненно, если сокращать объем выборки, сводя его к оценкам каждого преподавателя, стоит задуматься об агрегировании переменной «Like». На первый взгляд количество цитат от преподавателей распределено по выборке неравномерно: у одних — мало цитат, но с высокими оценками, у других — много цитат с низкими оценками. Поэтому целесообразно использовать сумму «лайков» для каждого преподавателя отдельно (переменная «Like_sum»):

$$\text{Best} = \beta_1 \cdot \text{Like_sum} + \beta_2 \cdot \text{Gender} + \beta_3 \cdot \text{Work} + \beta_4 \cdot \text{Degree} + \\ + \beta_5 \cdot \text{Moscow} + \beta_6 \cdot \text{SPB} + \beta_7 \cdot \text{NN} + \sum_{i=2}^{13} (\beta_{6+i} \cdot \text{Subject}_i). \quad (2)$$

Результаты оценивания этой модели представлены в таблице 2 во втором столбце. Здесь коэффициент перед количеством «лайков» (0,01 %) практически не отличается от первой модели. Этот факт также подтверждает выдвинутую ранее гипотезу.

Практически все остальные переменные в обеих моделях оказались значимыми с 95 %-й вероятностью. Нужно отметить, что эти переменные оказывают большее влияние на зависимую переменную (при прочих равных условиях), но цель исследования сводилась к подтверждению значимости коэффициента перед количеством «лайков».

Таблица 2

Регрессионные модели оценки лучшего преподавателя

	(1)	(2)
	Best	Best
Like	0,000346***	
Like_sum		0,0000933***
Gender	0,187***	0,141***
Work	0,0272***	0,0265***
Degree	0,0686**	0,0908

Moscow	0,439***	0,422***
SPB	0,524***	0,495***
NN	-0,0977	0,00681
Subject==Востоковедение	0,490***	0,343
Subject==Информатика	0,237*	0,166
Subject==История	0,384***	0,477**
Subject==Математика	0,453***	0,434**
Subject==Менеджмент	0,603***	0,432**
Subject==Политология	0,554***	0,367*
Subject==Право	0,594***	0,472***
Subject==Психология	0,630***	0,519**
Subject==Социология	0,387***	0,306*
Subject==Лингвистика	0,423***	0,384**
Subject==Философия	0,736***	0,457**
Subject==Экономика	0,546***	0,370**
Константа	-0,786***	-0,683***
Наблюдения	1507	481
Adjusted R2	0,216	0,167
AIC	1783,3	629,5
BIC	1889,7	713,0
t statistics in parentheses		

* $p < 0.05$, ** $p < 0.01$, *** $p < 0.001$

4. Выводы

1. Регрессионный анализ выявил наличие зависимости между формальными и неформальными оценками преподавателей, взятыми из разных источников. Таким образом, при анализе процессов в сфере образования следует обращать внимание на влияние информации, расположенной в социальных сетях, наряду с информацией из официальных источников.
2. При проведении исследования стоит искать сообщества в социальных сетях, сопряженных с предметом исследования. Значительное влияние может выявиться за счет скры-

той объясняющей силы информации, взятой из социальных сетей.

3. Данная работа выявляет значимый результат во взаимодействии формальных и неформальных общедоступных данных на предмет оценки привлекательности преподавателей НИУ ВШЭ. Таким образом, факт осознания эндогенной природы экзогенно-заданных факторов в социальной и экономической сфере является наиболее существенным.

Список литературы

1. *Hew K. F.* Students' and teachers' use of Facebook // *Computers in Human Behavior*. 2011. Vol. 27. No. 2. P. 662–676.
2. *Madge, C., Meek, J., Wellens, J., Hooley, T.* Facebook, social integration and informal learning at university: 'It is more for socializing and talking to friends about work than for actually doing work' // *Learning, Media and Technology*. 2009. Vol. 34. No. 2. P. 141–155.
3. *Mazer J. P., Murphy R. E., Simonds C. J.* The effects of teacher self-disclosure via Facebook on teacher credibility // *Learning, Media and Technology*. 2009. Vol. 34. No. 2. P. 175–183.

Секция 7

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ГОРОДА

руководитель — Тыканова Е. В.

ВЕЛОКУЛЬТУРА КАК АРЕНА ПЕРЕСЕЧЕНИЯ ИНТЕРЕСОВ ГОРОДСКОЙ ПОЛИТИКИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВЕЛОСООБЩЕСТВА

АНТОНОВА Екатерина

НИУ ВШЭ, департамент социологии, 4 курс
bezraz_kat@mail.ru

БОРИСОВА Ольга

НИУ ВШЭ, департамент социологии, 4 курс
hevel.boriska@gmail.com

ЧЕРНЫШЕВА Светлана

НИУ ВШЭ, департамент социологии, 4 курс
snt_94@mail.ru

*Научный руководитель — Юдин Г. Б., к. с. н.,
старший преподаватель кафедры экономической социологии НИУ ВШЭ*

Antonova Ekaterina, Borisova Olga, Chernysheva Svetlana

Bike Culture as a Product of Interaction between Urban Policy and Cycling Community

The paper is intended to cover some major issues pertaining to the phenomenon of bike culture.

Being the result of “velosipedization” process it underlies the interests of both Public Transport Policy and Cycling community. The advent of bike culture meets their common needs and provides ground for collective action. The analysis is made with the implementation of interactionist framework and is based on 21 semi-structured

interviews with the members of cycling community. As a result, it sheds light on basic methods of the construction of bike culture through two processes: symbiosis with external actors, and the combination of cooperation and competition between organizations within the community. This research could provide impetus for in-depth studying the institutionalized form of bike culture as an essential condition for its further development.

Теоретическая основа работы

В последнее время наблюдается всплеск интереса к явлению «велосипедизации» как на уровне непосредственно самих жителей городов, так и на уровне правительственных структур. В частности, мы видим синхронное развитие двух процессов: с одной стороны, ведется разработка концепции по развитию велотранспорта¹ и активная пропаганда велосипеда как альтернативного средства передвижения, позволяющего решить ряд городских проблем. С другой стороны, можно наблюдать явное увеличение числа велоорганизаций и интенсификацию их деятельности. В каких взаимоотношениях находятся данные две тенденции — вопрос достаточно неоднозначный, однако ясно, что для своего успешного развития оба процесса нуждаются в формировании определенного основания, которое позволило бы распространить необходимые ценности и практики среди горожан. И одним из таких фундаментов, способствующим мобилизации ресурсов и активизации коллективного действия в сфере велотранспорта, на наш взгляд, является развитие велокультуры, которая смогла бы объединить усилия заинтересованных акторов и создать единую площадку для достижения общих целей.

Поэтому основной целью данной работы является выявление степени сформированности велокультуры в Москве через анализ взаимодействия организаций как внутри велообщества, так и с внешними агентами (в первую очередь — правительственными структурами). Концептуальная рамка нашего исследования будет представлена следующими теоретическими предпосылками:

1. Понимание велосипедизации в терминах социального движения позволяет рассмотреть его как место концентрации соответствующей культуры, выходящей за рамки единичной

¹ Сайт Министерства Транспорта Российской Федерации. URL: http://www.mintrans.ru/documents/detail.php?ELEMENT_ID=19188

организации. Так, согласно Диани [Diani, 2011], оно носит сетевой неформальный характер, обеспечивающий циркуляцию смыслов и ресурсов между акторами; в его основе лежит общеразделяемая коллективная идентичность, включающая самоидентификацию, общие практики и смыслы; обладает культурной, а не структурной природой формирования, а значит, требует понимания (в Веберовском смысле) действия акторов.

2. Рассмотрение организаций как открытых [Scott, 1998] систем соответствует логике нового институционализма, где основной фокус исследования смещается от структуры организаций к процессам их взаимодействия, лежащего в основе изоморфизма и мифизированности структур и деятельности [Мейер, Роуэн, 2011; Димаджо, Пауэлл, 2010].
3. Использование интеракционистской модели фиксации субкультуры [Fine, Kleinman, 1979] предполагает, что субкультура является сложной из групповых культур, так как представляет собой динамические системы взаимодействия, основанные на общеразделяемой культурной идентичности. Таким образом, культура рождается из групповых культур, а затем получает свое развитие, постоянно воспроизводится и распространяется через механизмы передачи культурных элементов внутри как сети взаимодействия (которая является референтом субкультуры), так и с внешним миром (ведь она не замыкается в себе).

В конечном счете, базовой аналитической предпосылкой является тот факт, что культурные элементы (общие принципы и практики, ценностные ориентации, поведенческие паттерны и артефакты), используемые организациями в ходе реализации своей деятельности, могут возникать не только изнутри, исходя из личных инициатив акторов, т. е. велосообщества, но и усваиваться извне. В частности, они могут обеспечивать свою легитимность путем встраивания определенных паттернов, либо же через перенимание сконструированного стиля жизни, который «продается публике через... субкультуры» [Тоффлер, 2002]. В данном случае, речь идет о политических процессах.

Методология

Файн и Клейнман [Fine, Kleinman, 1979] для анализа субкультур предложили использовать подход кейс-стади, но в фокус внимания принять именно процессы взаимодействия между группами и анализ их культурной общности. В качестве таких групп мы выделяем велоорганизации, действующие в едином организационном поле и реализующих одну и ту же телесную практику — катание на велосипеде. Эмпирическим материалом исследования послужило 21 полуструктурированное глубинное интервью с велосипедистами Москвы (в возрасте от 19 до 60 лет) различной степени включенности в деятельность велоклубов. Выборка была реализована в два этапа: 1) отбор велоорганизаций в соответствии с различными типами деятельности (триал, велоэкскурсии, кастом, спортивные походы, городские «покатушки», ночные «покатушки»); 2) далее, согласно предположению о том, что если велокультура не существует в ядре, то она вряд ли представлена на периферии, целесообразно было взять интервью у самых активных представителей велосообщества. Таким образом, в качестве информантов были отобраны велосипедисты в соответствии с типами включенности в велоорганизации, которым были присвоены категории «организатор», «помощник», «активист».

Основные результаты

- Для Москвы как достаточно крупного территориального образования характерна мозаичность велосообщества: развивается множество направлений велодвижения, которые зачастую мало связаны друг с другом. Данный фактор компенсируется постепенной унификацией типов деятельности из-за размытости членства в организациях. Тем не менее, дифференциация существующих направлений пока не позволяет говорить о единстве велокультуры.
- Основными механизмами взаимодействия организаций являются: а) информационные ресурсы (создана единая интернет-сеть), которые выступают своеобразными координационными площадками и информационной базой для коммуникации и обмена опытом; б) ассоциация велоклубов — попытка конструирования единого велопространства,

«самоописания» системы и сбора воедино всех элементов, в частности, для взаимодействия с внешними агентами; в) городские мероприятия, реализуемые как велоклубами, так и иными структурами (волонтерскими организациями, департаментом культуры и т. п.) являются мощными площадками для обмена опытом, обсуждения текущих проблем и выстраивания коммуникации с представителями правительственных структур.

- Взаимодействие в рамках велообщества происходит диалектически. С одной стороны, в форме кооперации: 1) для манифестации собственного присутствия в городском пространстве; 2) сотрудничества с агентами внешней среды для удовлетворения общих потребностей в инфраструктурной поддержке и правовой защите. С другой стороны, в виде «здоровой конкуренции», проявляющейся в борьбе за участников, а также стремлении выделить себя на фоне множества иных клубов. При этом необходимость выстраивания сетей отношений необходимо для избегания изолированности и дальнейшего выживания организаций.
- Взаимодействие с внешними агентами происходит по принципу: а) различения «мы — другие», посредством которого происходит обозначение границ субкультуры. Так, несмотря на свою открытость, которая проявляется в размытости структуры и свободном членстве/участии, велоклубы противостоят излишней популяризации, которая приводит к проникновению в велообщество «лишних людей» («лжевелосипедистов») и использованию практик велопользования вразрез с конвенциональными принципами и установленной нормативной структурой; б) симбиоза с властями. Мобилизация ресурсов и активизация коллективного действия происходит под влиянием внешнего агента, о чем свидетельствует совпадение волн развития велосипедизации с этапами реализации государством собственных потребностей.

Таким образом, развитие велокультуры в России обусловлено сочетанием сразу нескольких факторов: с одной стороны, изначально она формировалась через образование велодвижений, то есть «снизу», путем демонстрации его участниками стиля жизни. Однако в своем развитии она столкнулась с рядом объективных трудностей,

решение которых было возможно только благодаря административному вмешательству «сверху». С другой стороны, разработка стратегии по решению транспортных проблем правительством предполагает развитие велотранспорта как возможный вариант улучшения обстановки в городе. Таким образом, взаимодействие организаций и конструирование единой субкультуры является вынужденной необходимостью, в рамках которого происходит пересечение интересов двух сторон.

На данный момент дальнейший потенциал развития велоорганизаций и их сетей взаимодействия мы видим у тех единиц, которые, с одной стороны, способны встраивать цели государства в свою деятельность и тем самым адаптироваться под требования окружающей среды, а с другой стороны, сами обладают возможностью противостоять государству и заявлять о своих собственных интересах. Так или иначе, процесс институционализации велокультуры был запущен и получил достаточное закрепление в нынешних формах взаимодействия, что позволяет нам предположить, что он не пойдет на спад при отсутствии подкрепления извне.

Список литературы

1. Димаджио П., Пауэлл У. В. Новый взгляд на «железную клетку»: институциональный изоморфизм и коллективная рациональность в организационных полях // Экономическая социология. 2010. Т. 11. № 1.
2. Мейер Дж., Роуэн Б. Институционализированные организации: формальная структура как миф и церемониал // Экономическая социология. 2011. Т. 12. № 1. С. 43–66.
3. Тoffлер Э. Различие стилей жизни. Шок будущего. 2002. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Toff_Shok/
4. Diani M. The concept of social movement. 2011. URL: https://www.academia.edu/232204/The_Concept_of_Social_Movement
5. Fine G., Kleinman S. Rethinking Subculture: An Interactionist Analysis // American Journal of Sociology. 1979. Vol. 85, No. 1. P. 1–20. URL: <http://www.jstor.org/stable/2778065>
6. Scott W. R. Organizations: rational, natural and open systems. Prentice Hall, Upper Saddle River, New Jersey. 1998. Ch. 1. P. 3–31, Ch. 11 P. 291–324.

ПРАКТИКИ СОДЕРЖАНИЯ ВЛАДЕЛЬЧЕСКИХ СОБАК В ГОРОДЕ

БЕКОВА Сауле

НИУ ВШЭ, департамент социологии, 1 курс магистратуры
bekova.sk@gmail.com

Bekova Saule

Dog owners' practices in the urban area

The article presents the results of a survey of dog owners in Omsk. The author analyzes the two major urban sectors: one-storey and multi-storey building, showing significant differences in the practice of keeping dogs, in the dog's role and in the owners' attitude towards dogs in these sectors.

Данная работа была выполнена в рамках междисциплинарного исследования, реализованного в 2014 г. в Омске. В ходе исследования были изучены нормы содержания собак, повседневные практики по уходу и в целом отношение к домашним животным. Проблемой исследования являлся вопрос о воспроизводстве популяции бродячих собак. В российских городах бродячие собаки могут представлять серьезную проблему: они могут выступать в качестве переносчиков опасных инфекций и инвазий, а также кусать людей и т. д. Численность в Омске таких собак, несмотря на усилия городских властей, оценивается примерно в 14 тыс. [Макенов, Кассал, 2014]. При этом вопрос о механизме воспроизводства популяции бродячих собак остается открытым: каким образом, при регулярных организованных отловах, популяция поддерживает столь высокую численность? Мы предположили, что основным ресурсом восполнения численности популяции бродячих собак являются владельческие собаки. В частности, такие явления, как неконтролируемое размножение, свободный выгул собак, намеренное выбрасывание щенков и взрослых особей могут послужить механизмом регулярного пополнения популяции бродячих собак. Однако в данной работе мы коснемся лишь одного аспекта исследовательской проблема, а именно практик содержания собак в городе.

Выборка

Исследование проходило в два этапа, каждый из которых обладал своим объектом изучения. На первом этапе объектом исследования

выступили все домохозяйства Омска, на втором — домохозяйства, в которых содержат собак. Главная задача первого этапа состояла в том, чтобы определить количество домохозяйств, в которых содержат собак. В рамках этого этапа мы решили не только исследовательскую задачу о численности популяции владельческих собак, но и получили данные о генеральной совокупности для второго этапа исследования. Вторым этапом включал в себя опрос владельцев собак. В рамках данного этапа был получен основной эмпирический материал: демографические характеристики популяции собак и распространенные практики их содержания.

Кроме того, в данной работе обязательным требованием было осуществление пространственной привязки выборки. Это было продиктовано тем, что условия проживания владельцев собак в значительной степени определяют содержание домашних животных. Первым важным параметром зонирования выступил тип застройки. Мы разделили территорию города Омска на два крупных сектора: жилая многоэтажная и жилая одноэтажная застройка. Вторым необходимым параметром являлась удаленность от центра города. Были выделены три зоны в каждом секторе: центр, средний город и периферия, более подробное описание построения выборки см. в [Бекова, Макенов, 2014: 641–643].

Определение объема зон

В секторе одноэтажной жилой застройки количество домохозяйств было посчитано вручную с помощью карт Дубль-ГИС. Сектор многоэтажной застройки был разделен на участки, в пределах которых по справочнику Дубль-ГИС вручную были посчитаны все дома, а также зафиксирована информация об их этажности. Количество подъездов было посчитано с помощью спутниковых снимков ресурса Google Earth. При этом мы обратились к технологии Remote sensing, широко используемой в экологических исследованиях [Lijuan et al., 2005; Milla et al., 2005]. При изучении космических снимков территории города с большим увеличением (обзор с высоты 300 м), мы провели классификацию домов по рисунку их крыш, создали каталог-определитель, который включал такие элементы, как количество вентиляционных труб, слуховых окон, оконных фасок, рельеф балконного рисунка и т. д.

Подсчет количества домохозяйств в одноэтажном и в многоэтажном секторе показал, что доля первых незначительна, и составляет 6 % от количества всех городских домохозяйств. При этом условия содержания собак в секторе одноэтажной застройки по сравнению с многоэтажным сектором принципиально отличаются, поэтому для сектора одноэтажной застройки были подсчитаны отдельные подвыборки.

Проведенное исследование показало, что использование территориальной выборки было оправданным. Так, в пределах города Омска доля домохозяйств в одноэтажном жилом секторе составила всего лишь 6 %, однако общая площадь одноэтажного сектора сопоставима с площадью в многоэтажном: 40 км² и 46 км² соответственно. Тип застройки оказывает существенное влияние на решение завести собаку или нет (табл. 1): в жилом одноэтажном секторе собак содержат в 71,5 % домохозяйств, а в жилом многоэтажном — в 10,8 % домохозяйств ($df = 1$; $2=534,66$; $p<0,001$).

Таблица 1

**Количество домохозяйств, в которых содержат собак,
в Омске, % (по выделенным зонам)**

Тип застройки	Зона			Всего
	Центр	Средний город	Периферия	
Многоэтажная застройка	16,0	10,1	11,0	10,8
Одноэтажная застройка	62,1	61,2	79,8	71,5

По данным общероссийского исследования, проведенного Фондом общественного мнения в 2006 г., в мегаполисах собак содержат 11 % россиян, в больших городах — 31 %, в малых — 44 %, а на селе — 70 % [Шмерлина, 2008]. Интересно, что сектор одноэтажной застройки в данном исследовании, по сути, представляет собой неурбанизированную территорию. Особенно это касается зоны «Периферия», где 79,8 % жителей заводят собак ($df = 2$; $2=13,28$; $p=0,001$).

Различия между секторами одноэтажной и многоэтажной застройки прослеживаются не только в количестве домохозяйств, в которых содержат собак: существенны отличия в половом, пород-

ном составе питомцев, в выполняемых ими функциях, роли собаки в семье, а также в характеристиках содержания.

Жители многоэтажного сектора содержат своих питомцев дома, при этом у собаки нет своего места, ее движение по квартире никак не ограничивается. В одноэтажном секторе лишь 17 % содержат свою собаку дома. Чаще всего собака содержится во дворе на привязи (более половины всех опрошенных), реже — без привязи во дворе, либо в вольере.

подавляющее большинство жителей многоэтажек (82 %) содержат породных собак (у 41 % есть родословные, в то время как в одноэтажной застройке эта цифра едва доходит до 15 %), среди которых лидеры — декоративные, терьеры, ретриверы и пинчеры¹, все собаки небольшого размера — 4–10 кг, что вполне объяснимо условиями содержания. Больше половины жителей сектора одноэтажной застройки имеют беспородного питомца (51 %). В случае же содержания породной собаки в этом секторе чаще всего владельцы выбирают пинчеров, шпицев и пастушьих (чаще всего это собаки среднего размера — от 11 до 25 кг).

Выбор собак определенного размера и породы связан не только с объективными условиями содержания, но и с функциями, которые выполняет собака. В одноэтажном секторе собака — это, прежде всего, сторож, охранник (47 %), в многоэтажном секторе основная роль собаки — член семьи (84,5 %), друг, компаньон (11 %).

Абсолютное большинство жителей многоэтажного сектора (90 %) признаются, что очень любит свою собаку, в то время как жители сектора одноэтажной застройки делятся поровну между вариантами «очень люблю» и просто «хорошо отношусь». Чувства к своему животному владельцы выражают следующим образом: они обнимают собаку (71 % в многоэтажной застройке vs 25 % в одноэтажной), целуют ее (58 % vs 7 %), разговаривают с собакой (63 % vs 49 %). У почти 92 % жителей многоэтажного сектора есть фото собаки в телефоне, на компьютере (в одноэтажном секторе этот показатель 55 %). Проводят с собакой больше двух часов 86 % жителей многоэтажного сектора, в это время они гуляют (95 %), играют (89 %), моют собаку (65 %), ходят вместе с ней в гости (22 %).

¹ Классификация пород собак по FCI.

Показательна и преемственность собак — у 80 % жителей сектора одноэтажной застройки была собака раньше, погибла по старости и взамен нее взяли новую. В многоэтажном секторе собака — элемент неутилитарного характера: собака раньше была у 60 %, частые причины — смерть в силу болезни, несчастного случая (30 %), существует временной лаг в приобретении следующей собаки.

Роль собаки для владельца, признание ее не просто функциональным элементом, а эмоционально значимой частью жизни находит свое отражение и в практиках ухода. В многоэтажной застройке владельцы собак чаще прививают собак (88 % в многоэтажном секторе против 59 % в одноэтажном), обращаются к ветеринару планомерно и в случае болезни (75,7 % vs 25,8 %), изучают специальную литературу, сайты о собаках (78,7 % vs 43,7 %), дрессируют собаку самостоятельно и у специалистов (51,2 % vs 28,6 %).

В секторе одноэтажной застройки превалирует не просто функциональное, но и зачастую просто равнодушное отношение к собаке как к чему-то обязательному, но не требующему особого ухода. По сути, этот сектор, в терминах Р. Редфилда, своеобразное *folk society* в городском пространстве, значимо отличающееся как по объективным условиям проживания, так и по практикам проживающих в нем, что может стать предметом отдельного исследования [Redfield, 1947].

Примечание

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, в рамках научно-исследовательского проекта «Демографическая модель метапопуляции собак крупного города», № 14-04-32130.

Список литературы

1. *Бекова С. К., Макенов М. Т.* Территориальная выборка и зонирование в городском исследовании // Девятые Ковалевские чтения. Материалы научно-практической конференции, 14–15 ноября 2014 года. СПб.: Скифия-принт, 2014. С. 641–643.
2. *Макенов М. Т., Кассал Б. Ю.* Исследование популяции свободноживущих собак г. Омска // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Биология. 2014. 1(7). С. 87–98.
3. *Шмерлина И.* О любви к собакам и не только... // Социальная реальность. 2008. № 1. С. 40–48.

4. *Li-juan C., Paddenburg A., Man-yin Z.* Applications of RS, GIS and GPS technologies in research, inventory and management of wetlands in China // *Journal of Forestry Research*. 2005. Vol. 16. № 4. P. 317–322.

5. *Milla, K. A., Lorenzo, A., Brown, C.* GIS, GPS, and Remote Sensing Technologies // *Extension Services: Where to Start, What to Know*, June 2005. Vol. 43. № 3.

6. *Redfield, Robert.* “The Folk Society.” // *American Journal of Sociology*. 1947. Vol. 52, № 4. P. 293–308.

ГОРОДСКИЕ ПАРКИ КАК ПРОСТРАНСТВО СОЦИАЛЬНЫХ КОММУНИКАЦИЙ

ВЛАДИМИРКИНА Светлана

Ульяновский государственный технический университет,
направление «Реклама и связи с общественностью», 4 курс
s.vladimirkina@mail.ru

*Научный руководитель — Ключева Т. В., к. с. н.,
доцент Ульяновского государственного технического университета*

Vladimirkina Svetlana

A city parks as a space of social communications

The article presents the research results of independent theoretical and applied research of city parks in the context of social communications. The author studied the form of arrangement of parks with the communication and leisure needs of the residents of the city. Particular attention is paid to the analysis of communication tools to enable the interaction of parks with city residents.

Каждый человек испытывает постоянную потребность в новой информации о других людях, жизни, об окружающем мире в целом, с другой стороны «... информация идет отовсюду, где есть люди, и в значительной мере она поступает из городского пространства» [Гейл, 2012: 9]. Актуальность рассматриваемой темы обусловлена общим положением урбанистических исследований: городская среда формирует общество, представляющее собой разобщенность вместо целостности. Результатом разобщенности выступает социальная ситуация, при которой жители города испытывают сложность с определением собственного места в городском пространстве.

Теоретический анализ проблем, связанных с социальными коммуникациями в городском пространстве, отражен в научных работах Р. Сеннета и его теории публичного человека, в которой раскрывается роль межличностных коммуникаций в современном городском пространстве, Так, согласно Р. Сеннету: «С усилением процесса «приватизма» улица перестает быть местом встречи и общения, публичная коммуникация перемещается в закрытые пространства — кафе, моллы, спортивные и развлекательные центры, что приводит к возникновению кризиса непосредственной межличностной коммуникации в городском пространстве» [Сеннет, 2002: 29]. Данные идеи развиваются в работе отечественного социолога О. Паченкова, который отмечает, что в ситуации возросшей мобильности, когда нужно двигаться и трудно оставаться в одном месте продолжительное время, когда существуют средства, облегчающие движение и общение в процессе движения, связь публичной жизни и физического пространства ослабевает [Паченков, 2012: 423]. Так, публичные интересы формируются не в физическом пространстве соприсутствия тел, а в виртуальном пространстве удаленного общения, что приводит к снижению доли живого, непосредственного общения. Массовая информатизация общества является одной из причин возникновения кризиса непосредственной межличностной коммуникации в городском пространстве. Существует опасность вытеснения непосредственного взаимодействия горожан пассивным использованием телекоммуникационных технологий.

Объектом исследования выступают городские парки в системе социальных коммуникаций, предметом — влияние интересов и предпочтений населения на коммуникации в городских парках.

Цель данной работы — определить место парков в системе коммуникаций городского населения.

При рассмотрении городских парков в контексте социальных коммуникаций мы полагаем, что их развитие способствует непосредственному процессу межличностной коммуникации жителей города. Определение места парков в системе коммуникации населения возможно при изучении таких составляющих, как парковая активность населения в контексте проведения своего досуга, функциональные зоны парка и состояния ее инфраструктуры.

Для достижения цели работы автором было проведено социологическое исследование «Городские парки и население», методом

сбора эмпирических данных послужил анкетный опрос жителей города Ульяновска (октябрь-ноябрь, 2014 г.; выборочная совокупность квотная, районированная; n=450). Особое внимание было уделено изучению форм обустройства городских парков с учетом коммуникативных и досуговых потребностей жителей города, а также анализу коммуникационных инструментов, обеспечивающих процесс взаимодействия парков с городскими жителями.

Как показывают результаты исследования, на сегодняшний момент нехватка свободного времени характерна для большинства городского населения. Острую недостаточность времени для проведения досуга испытывает более половины — 58 % горожан. В настоящее время среди населения лидируют пассивные виды досуговой деятельности: просмотр телевизионных программ (66 %), просмотр информации в Интернете (46 %), общение по Интернету (42 %). Полученные результаты могут быть проинтерпретированы с позиций теории «социального пространства, пространства потоков и пространства мест» М. Кастельса: «... с развитием средств электронной связи физическое пространство перестает быть обязательным контекстом коммуникации» [Кастельс, 2000]. Данный набор видов досуговой активности, согласно Р. Сеннету, является следствием развития процесса «приватизма» [Сеннет, 2002: 34].

Современные исследователи городского пространства предлагают новый взгляд относительно целей пребывания жителей города в парках, так, по мнению автора более шестидесяти научных работ по архитектуре и градостроительству, кандидата архитектуры, выдающегося специалиста в области городского планирования А. А. Высоковского: «Деревья, трава, паучки — это хорошо. А дальше что? Новая жизнь парка — это, прежде всего, новые люди, которые должны сюда за чем-то прийти». Парки не могут быть точками притяжения жителей только из-за наличия природы и удаленности от городского шума. Сегодня городские парки становятся уникальным местом для общения, зоной для занятий спортом на свежем воздухе и территорией, способной оживить целый район города за счет проведения интересных событий, культурно-массовых мероприятий и качественной дружелюбной городской среды: «Физическое пространство города может способствовать возникновению чувства комфорта, гармонии, удовлетворенности человеком окружающей средой»

[Кашкабаш, 2012: 53]. В этом случае городские парки выступают как пространства социальных коммуникаций.

В рамках исследования удалось выяснить место городских парков среди досуговых форм населения. Больше всего жители города Ульяновска предпочитают проводить свой досуг, занимаясь спортом (44 %), посещая театры и музеи (37 %), а также городские парки (36 %). Наибольшую роль парковые зоны играют в проведении свободного времени жителей пенсионного возраста (25 %), однако проводить свой досуг в парках предпочитают люди в возрасте от 30 до 44 лет (47 %), а также молодые люди в возрасте от 18 до 24 лет (45 %). Выяснилось, что городские жители хотят видеть парк как место проведения своего досуга, куда они будут приходить не только за отдыхом, но и для общения с близкими и друзьями, получением хорошего настроения. Высока роль качества и безопасности инфраструктуры парка. Однако, по мнению жителей города, также важна и атмосфера самого парка, его чистота и атмосфера — одновременно.

По результатам исследования были разработаны рекомендации по организации информационного сопровождения взаимодействия парков с городскими жителями: широкое информирование общественности о деятельности городских парковых зон с помощью интегрированных коммуникаций; постоянное обновление информации на официальных сайтах парков; использование телевидения; ведение сообществ городских парков Ульяновска в социальных сетях; организация специальных мероприятий и PR-акций; выпуск печатного и электронного варианта периодического издания о жизни города и деятельности парков. Разработанные рекомендации могут быть использованы для городских парковых зон, сталкивающихся с проблемами их посещения.

Итак, изучение социальных коммуникаций в таком общественном пространстве, как городской парк, показывает, что парки сейчас являются достаточно востребованными среди горожан местами проведения досуга и имеют значительный потенциал. Выявление новых форм социальных коммуникаций в пространстве городских парков способствует не только их развитию, но также социальной и культурной интеграции городского населения.

Список литературы

1. *Гейл Я.* Города для людей. М.: Альпина Паблишер, 2012.
2. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общества и культура. М.: ГУ-ВШЭ, 2000.
3. *Кашкабаш Т. В.* Интерпретация городского пространства в современных условиях // Современные исследования социальных проблем. 2012. 10. Р. 51–62.
4. *Паченков О.* Публичное пространство города перед лицом вызовов современности: мобильность и «злоупотребление публичностью» // Новое литературное обозрение. СПб. 2012. 117. Р. 419–440.
5. *Sennett R.* The Public Domain // The Public Face of Architecture: Civic Culture and Public Spaces. Ed. by N. Glazer, M. Lilla. New York: Free Press; 2002. Р. 26–47.

«МЫ ЗДЕСЬ РОДИЛИСЬ, ЖИВЕМ И ХОТИМ РАБОТАТЬ!»

ДАВЫДОВА *Елизавета*

Новокузнецкий институт (филиал) КемГУ,
гуманитарный факультет, 5 курс
selenlavi@mail.ru

*Научный руководитель — Басалаева И. П., к. ф. н.,
доцент кафедры философии НФИКемГУ*

Davidova Elizabeth

«We are born, we live and we want to work here!»

This article shows the reconstruction of a local peripheral conflict that reproduces colonial disposition with a detailed examination of changes in the composition and role of discourse the main defendants. Description characteristic for the local population reasoning and behavior in a conflict situation is most evident when considering broadcast on news channels, the conflict between the government and the local carrier.

Осенью 2014 г. в Новокузнецке развернулся конфликт между частными перевозчиками и администрацией города. Причиной столкновений стало участие Санкт-Петербургской транспортной компании «ПИТЕРАВТО» в тендере на обслуживание городских маршрутов. Новокузнецкой компанией «АВТОЛАЙН» данное действие было воспринято как экспансия «чужаков» в занятую «нашими» рыночную нишу. В попытках создать общественный резонанс, для мобилизации общественного мнения в своих интересах ново-

кузнецкие перевозчики использовали ресурсы местных СМИ. Данная цель не была достигнута, тогда как со стороны местной транспортной компании началось активное производство колониального дискурса [Конеv, 2014], эксплуатирующего символические ресурсы, казалось бы, не имеющие отношения к конкретной ситуации. «АВТОЛАЙН» сразу же обозначила свою позицию как местных, права которых ущемляет «издалека зашедшая» на новокузнецкий рынок компания «ПИТЕРАВТО», якобы состоящая в сговоре с городскими властями. В первых же опубликованных сообщениях «ПИТЕРАВТО» была представлена как опасный «гость» и «большее зло», чем местные чиновники. В целях дискредитации конкурента в глазах горожан компании приписывалось большое количество ДТП и иных нарушений. С учетом особенностей новокузнецких традиций маршрутных перевозок и их различия с другими регионами (в частности с маршрутными такси Новосибирска и Санкт-Петербурга), возмущение «АВТОЛАЙН» должны были найти отклик у местных жителей. Примечательно, что транспортная система Новокузнецка имеет следующие особенности: маршрутные такси действуют по тем же правилам, что и муниципальный транспорт, то есть у них нет остановок по требованию, транспорт следует по конкретным маршрутам, производя посадку и высадку пассажиров на всех предусмотренных остановочных площадках, оплата проезда имеет фиксированный тариф и взимается кондуктором. В отличие от других городов, на частных маршрутах Новокузнецка курсируют автобусы — ПАЗ, а не микроавтобусы «Газель».

Конфликт разворачивался следующим образом: 18 ноября 2014 г. появилось первое сообщение об угрозе *местным*, 10 февраля 2015 г. была опубликовано примиряющее сообщение о начале делового взаимодействия между бывшими антагонистами. Накануне первой публикации о конфликте в новокузнецких маршрутках были расклеены листовки протестного содержания (рис. 1). Протест состоял, как ни странно, в снижении платы за проезд на 2 рубля. Главная городская газета опубликовала письмо индивидуального предпринимателя Щедрина с комментариями редакции, это и стало первым информационным «вбросом». В письме были размечены позиции участников конфликта, который начал набирать обороты в новостном пространстве. Вот эти позиции: власть («глава Новокузнецка Кузнецов С. Н. и начальник по транспорту и связи Гаврилов пыта-

ются вытеснить...», а также новокузнецкий городской Совет народных депутатов), *свои* (местные перевозчики в лице авторов письма), *чужие* (пришлые перевозчики, которых власть «запустила» на поле, занятое местными), *медиаторы* (журналисты местных СМИ), *население* (объект манипуляции своих) и *умные градоначальники*, противопоставленные местным, соответственно, «глупым». Позже в конфликте обозначились еще две позиции: *контролеры* (УФАС, к которой обратились свои с целью оспорить положения о конкурсе) — как и полагается, внешние (из федерального центра), и *переводчики* (пресс-служба администрации области, чья функция — делать слышимым голос областных властей; фактически эта позиция неотличима от позиции губернатора).

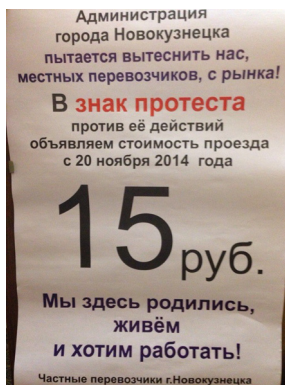

Рис. 1. Листовка в новокузнецких маршрутках. Ноябрь 2014 г.

Голосом наделены *власть*, *свои*, *переводчики* и *медиаторы*. Остальные остаются молчаливыми фигурами в дискурсивной игре между *своими* и *властью*. Так, УФАС выступает рычагом давления на *власть*, *чужие* — молчаливый объект, предмет спора и — потенциально — источник прибыли для *власти*. Анонимность их четко сформулирована в интервью главы города С. Н. Кузнецова: «Мне хоть бы Китай-авто или Нью-Йорк-авто...», — говорит он, окончательно фиксируя позицию *чужих* как номинальную. Действительно, относительно роли «захватчика» вообще нет ясности, была ли попытка его экспансии на новокузнецкий рынок перевозок или нет (дискурсивное пространство находится в сложных отношениях с рефе-

рещиальной реальностью). *Умные градоначальники* — не более чем аргумент для *своих*, голосом, как и полагается аргументу, не обладающий. Население на протяжении всего конфликта остается кем-то вроде зрителя и не вмешивается в работу дискурса, несмотря на изначальные призывы *своих*. Молчат и муниципальные *перевозчики*, так как их маршруты предметом спора не являются.

К концу активной фазы спора за маршруты в игре остаются власть и свои, идущие на взаимные уступки, а также *медиаторы*, которые констатируют формальное завершение противостояния. В дискурсивном пространстве стороны конфликта — только *свои* и *власть*. Остальное разнообразие позиций — лишь дискурсивные маски в диалоге с *властью*, персонифицированные аргументы в пользу упрочения позиции *своих*.

Наблюдается в ходе конфликта и изменение дискурса *своих*. Изначальная позиция, использующая большое количество конструирующих уловок и противопоставление *своих* позиций, постепенно меняется к концу конфликта. Первичное конструирование понятия «мы» включало в себя частных *перевозчиков*, *население*, муниципальный транспорт, в ходе трансформации конфликта приобрело иное наполнение — «мы» как совокупность своих и власти, компромисс с которой был найден. Такая манипуляция говорит о том, что свои прекрасно ориентировались в конструируемом дискурсе и ловко манипулировали коннотациями, используемыми при его построении [Киселев, 2009].

Сознательная апелляция своих к укорененности, протест против притеснения чужими, а также фронтирный [Тернер, 2009] характер местного культурного ландшафта позволяет рассматривать данный локальный конфликт с точки зрения теории колониального дискурса. Характерной чертой конфликта, воспроизводящего колониальные диспозиции [Ионов, 2007], является подмена реального оппонента на абстрактного чужого, противопоставленного *своим*, при этом суть проблемы излагается в виде жалобы, адресованной одновременно и к власти, и к *населению*. Роль последнего (зритель) обогащается здесь функциями арбитра: «Мэр Сергей Кузнецов сначала говорил, что предприниматели должны «капиталить» свои автобусы. Люди пошли на это, делали капремонты. Потом правила изменились, нам сказали: покупайте новые. Люди пошли и на это, влезли в кредиты, покупали новые автобусы. Ну, а теперь выходит,

что все равно их хотят убрать с рынка, все отдать питерцам». Адресат этой ламентации — *население*, не *власть*.

Колониальные коннотации в риторике своих свидетельствуют о том, что для жителей юга Кузбасса тема колониального противостояния (неважно с кем) остается актуальной по сей день. Снова и снова она воспроизводится в локальных конфликтах, участники которых обретают черты «угнетателя» (колонизатора из метрополии) и «угнетаемого» (колонизируемого автохтона).

Список литературы

1. *Ионов И. Н.* Имперский и постколониальный дискурс в интеллектуальной культуре эпохи модернизации (к вопросу о макроистории). Материалы конференции «Интеллектуальная культура исторической эпохи». 2007.

2. *Киселев В. С.* Формы колониального дискурса в раннем русском летописании (к постановке проблемы) // Вестник Томского Государственного Университета. Сер. Философия. 2009. Вып. 2. С. 23–40.

3. *Конев А. Ю.* Колониальный дискурс имперских классификаций: историки о термине «иноземцы» в отношении народов Сибири. Тамбов: «Грамота», 2014. С. 81–86.

4. *Тернер Ф. Дж.* Фронтир в американской истории. М.: «Весь Мир», 2009.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В ПРОСТРАНСТВЕ ГОРОДСКИХ ДВОРОВ: КОНКУРЕНЦИЯ И ПРОИЗВОДСТВО СОЦИАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА

ЛЕБЕДЕВА Надежда

СПбГУ, факультет социологии, 4 курс
nadezhda_lebedeva_93@mail.ru

*Научный руководитель — Хохлова А.М., к. с. н.,
ассистент кафедры социологии культуры и коммуникации*

Lebedeva Nadezhda

Interaction in the space of urban yards: competition and the production of social inequality

This study focuses on the competition of social groups in the space of urban yards unfolding in the process of joint use. The space of the yard and the related neighborhood is mentally mapped and symbolically loaded by the residents who claim their right to pursue their interests in the local area and transform the social and physical space of the neighborhood accordingly. At the same time, the residents united by shared territory represent different socio-demographic groups realizing various — and often conflicting — practices in the jointly used space. This gives rise to competitive relationship and hierarchical structure emergence and (re)production. One of the factors that contribute to the production of inequality in the neighborhood is the organization of the physical space, particularly the inability to satisfy the multiple interests of the urbanites. Forced to share the physical space, the residents resort to the tactics of avoiding or eliminating the “undesirable” categories of people. The research designed as a case-study shows that the problem of inequality is highly relevant for urban neighborhoods and the solutions might lie in the appropriate organization of the multifunctional space of the yards.

Двор является неотъемлемой частью городского ландшафта жилых кварталов и представляет собой важный рекреационный ресурс. Пространство двора служит площадкой столкновения и взаимодействия различных групп жильцов, которые обладают различными интересами и потребностями. Известно, что организация физического пространства может положительно влиять на развитие социальной жизни или же препятствовать ему [Джекобс, 2011]. Например, такой фактор, как количество зеленых насаждений, будет оказывать влияние на социальные отношения, разворачивающиеся в физическом пространстве [Куо, Sullivan, Cole, Brunson, 1998].

В ситуации, когда потребности и интересы жильцов носят взаимоисключающий характер, люди стремятся дистанцироваться друг от друга в физическом пространстве [Бурдые, 2005, 2007]. Однако зачастую придомовая территория не включает достаточного количества функциональных зон для удовлетворения потребностей всех использующих ее групп. В этом случае организация физического пространства оказывается фактором возникновения и воспроизводства социальных неравенств, предоставляя преимущества одним группам и дискриминируя остальные, вследствие чего в процессе совместного использования жильцами дворов возникают отношения конкурентного характера.

В данной статье рассматривается социальное неравенство, проявляющееся в неодинаковом доступе жителей к пространству городских дворов и порождающее конкуренцию, которая принимает форму тактик исключения и избегания.

Объектом представленного в статье исследования выступает пространство дворов Санкт-Петербурга, под которым мы, в соответствии с логикой П. Бурдые, понимаем «реализованное физически социальное пространство» [Бурдые, 2007: 54], то есть пространство, физический облик которого сконструирован под влиянием потребностей и интересов социальных групп и который одновременно являет собой объективную структуру, задающую основные формы поведения и характер взаимодействия людей. В рамках стратегии кейс-стади был выбран ряд дворов в Петроградском районе, так как данный район города характеризуется разнообразием жилого фонда (дореволюционная, советская и постсоветская застройка, элитное и бюджетное жилье). В качестве основных методов использовались полуструктурированное наблюдение и уличные блиц-интервью.

В ходе исследования было установлено, что пространство двора активно используется различными социальными группами жителей: здесь реализовывается широкий спектр практик, среди которых следует выделить не только транзит или прогулки, но и локальное садоводство, уборку территории, выгул домашних животных, парковку автомобилей. Двор также служит для многих жителей местом встреч и общения. Среди социальных групп, чаще наблюдаемых в дворовом пространстве, выделяются женщины пенсионного возраста, родители с маленькими детьми, а также компании мужчин пенсионного возраста. Другими активными пользователями вы-

ступают владельцы собак и молодежные компании. Всех жителей можно условно разделить на две большие категории: «старожилы» и «новоселы». Первые знают хорошо историю двора, с готовностью рассказывают о том, каким двор был в прошлом, они знакомы между собой лично или узнают своих соседей в лицо. Группе «новоселов» не свойственна подобная укорененность: их рассказы о дворе в основном ограничиваются описанием собственного опыта пользования и времяпрепровождения.

Среди форм социальной интеракции внутри социальных групп и между ними, наблюдаемых в процессе совместного проведения досуга в пространстве двора, были выделены три основных:

- 1) сплочение: близкое расположение в физическом пространстве, знакомство друг с другом, общение (характерно для родителей с маленькими детьми, людей пенсионного возраста);
- 2) нейтралитет: близкое расположение в физическом пространстве, отсутствие непосредственного взаимодействия (возникает между родителями с маленькими детьми и женщинами пенсионного возраста);
- 3) конкуренция: стремление дистанцироваться друг от друга в физическом пространстве с использованием тактик исключения и избегания (складывается между владельцами собак и жильцами, занимающимися локальным садоводством, мужскими компаниями и родителями с маленькими детьми, а также женщинами пенсионного возраста).

Конкурентные взаимоотношения в исследуемом кейсе отчасти возникают в силу специфики организации физического пространства двора. Детская площадка становится центральной частью придомовой территории, в то время как остальное пространство остается «периферией»: здесь отсутствуют места для сидения, столики, спортивное оборудование или иные комфортные условия для проведения досуга. Целевая группа детских площадок — родители и дети, также возможно их использование пожилыми женщинами и (формально) другими жильцами, не нарушающими регламента поведения на площадке, разработанного установившими площадку агентами (муниципальные власти). Социальные группы, чьи интересы или практики противоречат данному регламенту, исключаются из пространства, чему служат физические и символические барьеры-

ры: например ограждения, таблички на заборе площадки, запрещающие употребление алкоголя, курение, выгул домашних животных, а также размер, цвет и стиль оформления материальных объектов. Среди исключенных групп оказываются компании мужчин пенсионного возраста, владельцы собак, молодежь. Территория за пределами площадки также не удовлетворяет интересам и потребностям этих групп, так как является неблагоустроенной. Примечательно, что данная ситуация характерна именно для современного городского двора: так, старожилы из мужской компании вспоминают о том, что в советское время (25–30 лет назад и более) пространство двора было многофункциональным и удовлетворяло их нужды. Рассказывая о преимуществах дворов прошлых времен, мужчины ностальгически вспоминают о том, что в них было больше зелени, например росли кусты сирени. Другая группа делится воспоминаниями о столах, удобных для настольных игр, теннисных столиках и просто свободном пространстве, где можно было организовать подвижные игры: «Мы играли в карты, играли во все. А сейчас чего, видишь, все уходят на детскую площадку посидеть с детьми... Детская площадка, пусть она будет. Это хорошо. Но сделать для стариков можно скамеечки какие-нибудь».

Ярким примером социального исключения, выступающего результатом ограниченности ресурсов физического пространства, также служит опыт такой социальной группы, как владельцы собак. За представителями данной группы символически закрепилась территория в глубине двора, воспринимаемая жителями как стигматизированная. Жители, не имеющие домашних животных, говорят о данной территории как об «отдельной», «не своей», не используемой без непосредственной нужды: «Здесь в основном вон в этой части с собаками гуляют (указывает вглубь двора на территорию за гаражами), подальше от всех, а то с палисадников их женщина выгоняет». Здесь расположены мусорные контейнеры, припаркованы автомобили, на стенах нарисованы граффити. Никаких объектов, в первую очередь ассоциирующихся с выгулом домашних животных (растительность, урны, одноразовые пакеты для уборки) не представлено.

Другим последствием неравных возможностей реализации интересов и потребностей в дворовом пространстве становятся попытки максимально дистанцироваться от «нежелательных» людей и групп. Данную модель поведения мы обозначаем как тактику избегания. К

ней обращаются женщины пенсионного возраста, не желающие соседствовать в физическом пространстве с людьми, употребляющими алкоголь и нарушающими нормы общественного порядка (демонстрирующими шумное, агрессивное поведение). Выбирая для проведения досуга территории, где вышеописанные формы поведения не встречаются, женщины вынуждены уходить в соседний двор и/или оставаться на территории детской площадки: «У нас, например, магазин «Напитки» водку круглосуточно продает. Можешь ночью проснуться, в окошечко смотреть: и старые и молодые толпами идут. Кричат, могут драться. Вот вы посмотрите: там столики сделаны, можно туда бутылку положить. Красиво делали, а туда все собираются, никто их не выгоняет, а мы сюда [на детскую площадку] приходим».

Итак, исследовательские данные свидетельствуют о том, что люди из одних социально-демографических групп, которые, в терминах Бурдые, обладают схожими габитусами, мирно сосуществуют поблизости друг от друга в физическом пространстве, а свойственная им общность интересов служит основанием для установления социальных связей. Группы, представители которых обладают непротиворечивыми интересами и, соответственно, габитусами, также могут мирно сосуществовать в физическом пространстве двора, не вступая, однако, в непосредственное взаимодействие. Между группами, представители которых обладают взаимоисключающими интересами, складываются конкурентные взаимоотношения, выражающиеся в стремлении дистанцироваться друг от друга в физическом пространстве. Невозможность для каждой из групп занять удобное место приводит к возникновению в дворовом пространстве социального неравенства. Отсутствие же благоустроенной и привлекательной территории ограничивает возможности интеракции между жильцами и, соответственно, препятствует формированию и развитию соседского сообщества.

Решение описанных проблем, на наш взгляд, кроется в более эффективной организации дворового пространства. В первую очередь, необходимо стремиться к тому, чтобы территория двора отвечала интересам как можно большего количества различных групп. Детская площадка не может быть полноценной заменой открытому, дифференцированному, полифункциональному дворовому пространству и должна оставаться лишь одним из его компонентов. Для реализации

идеи «удобного» двора следует вовлекать самих жителей в процесс обсуждения и планирования проектов, учитывать их нужды и предпочтения, давать возможность участвовать в принятии решений о развитии придомовых территорий.

Список литературы

1. *Бурдые П.* Социология социального пространства М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007.
2. *Бурдые П.* Социальное пространство: поля и практики СПб.: Алетейя; М.: Институт экспериментальной социологии, 2005.
3. *Джекобс Д.* Смерть и жизнь больших американских городов. М.: Новое издательство, 2011.
4. *Kuo F., Sullivan W., Coley R., Brunson L.* Fertile Ground for Community: Inner-City Neighborhood Common Spaces // *American Journal of Community Psychology.* 1998. 26(6). P. 823–851.

ТУРИСТИЧЕСКАЯ ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНОСТЬ КАК ЦЕНТР СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПОЛЯ В МАЛОМ РОССИЙСКОМ ГОРОДЕ

ЧЕРНЕГА Артём

СПбГУ, факультет социологии, аспирантура
chernega_1990@mail.ru

*Научный руководитель — Ильин В. И., д. с. н.,
профессор кафедры социологии культуры и коммуникации СПбГУ*

Chernega Artyom

Tourist showplace as a center of sociocultural field in a small town in Russia

The aim of this article is to analyze a field of tourism in a small town. The article consists of three parts: theoretical, the part about analysis of structure of field, empirical. The end part involves the results of case-study Totma (Vologda region).

Теоретико-методологические основания исследования

Социокультурное поле — это участок социального пространства-времени, в границах которого имеет место определенная ситуация социального взаимодействия и поддерживается определенный социальный порядок [Ильин, 2003: 31]. Понятие поля в социальных

науках сравнивается с феноменом поля в физике. Социокультурное поле притягивает одни элементы и отталкивает другие, его границы заканчиваются там, где начинается коммуникативный коллапс, т. е. возникает непонимание между формирующими данное поле акторами. Поле возникает в результате более или менее устойчивого взаимодействия. Ядром любого поля являются ресурсы — т. е. то, вокруг и ради чего оно возникает и функционирует.

Феномен поля универсален и может проявляться в самых разных социальных контекстах. Фокус нашего исследовательского интереса сосредоточен на туризме как на разновидности социальной практики, предполагающей массовые перемещения людей в физическом и социальном пространствах с целью соприкосновения с достопримечательностями.

Достопримечательность — это основа туризма. В ходе ее конструирования формируется социокультурное поле. В данной работе мы обратим внимание на то, как это происходит на примере малых российских городов.

Теоретическую основу исследования составляют несколько социальных теорий и концепций. Среди них концепция социокультурного поля (К. Левин, В. И. Ильин [Левин, 2000]); конструктивистско-структуралистская методология (достопримечательность — это социальный конструкт (П. Бурдьё, В. И. Ильин); теория социальной структуризации Э. Гидденса [Гидденс, 2003] (достопримечательность — продукт совместной деятельности разных социальных субъектов, среди которых основное место занимают «конструкторы» и «потребители» (туристы). Методология эмпирического исследования — развернутое кейс-стади нескольких малых городов Вологодской и Ярославской областей, позиционируемых в качестве туристических центров (Тотьма, Великий Устюг, Кириллов, Мышкин, Углич) [Yin, 1994]. Основным методом сбора эмпирических данных выступает глубинное интервью с разными типами информантов, образующих поля туристических достопримечательностей. Ниже будет представлена структура и функции субъектов поля.

Государство и субъекты политической власти. Политическая власть дифференцируется на местную и внешнюю. Местная власть манипулирует важнейшими политическими ресурсами в ходе конструирования достопримечательностей и активизации смежных с туризмом сфер. Внешняя власть поддерживает развитие туризма на

местах путем активизации местных политических элит, при условии актуализации разных форм сопровождения достопримечательностей (позиционирование, реклама, финансовая поддержка, доступ к различным ресурсам и т. д.). Зачастую государство выступает в роли основного института, конструирующего достопримечательность в целях использования символического потенциала последней для поддержания или оправдания своего статуса. В таком случае ресурсы местной власти включаются в логику инициатив со стороны государства. Функции власти в ходе конструирования туристической достопримечательности — позиционирование, реклама, стратегическое управление, привлечение ресурсов и инвестиций, контроль.

«*Прямые конструкторы*». К ним относятся отдельные лица, сообщества и организации, непосредственным образом работающие над созданием туристических продуктов. В качестве «прямых конструкторов» могут выступать музеи и музейные объединения, туристические фирмы (разработка туров), маркетинговые агентства в сфере туризма, театральные коллективы, сообщества ученых, в некоторых случаях — владельцы достопримечательностей. Роль «прямых конструкторов» оригинальна, так как они формируют содержательную сторону туризма. Что будут смотреть туристы? В какой форме они это будут делать? Каким образом будет продемонстрирована достопримечательность? Функции данных стейкхолдеров включают позиционирование, рекламу и показ достопримечательностей, в ряде случаев — управление их эксплуатацией. Основной ресурс, которым обладает данная группа, — креативные качества, которые могут вовлекаться в организацию туризма.

Туристические фирмы. Частично их деятельность пересекается с активностью, свойственной предыдущим акторам. Основная цель их функционирования связана с разработкой и, главным образом, с маркетингом комплексного туристического продукта, включающего как продукты «прямых конструкторов», так и туристическое сопровождение (гостиницы, точки питания, дополнительные услуги). Основной ресурс туристических фирм — это их организаторские способности.

СМИ. Они задействованы в распространении информации о достопримечательностях во внешней и внутренней средах. Это род «конструкторов», формирующих информационное поле о содержании и развитии туризма как дискурсивной среды. Главную функцию

СМИ мы можем проследить в изречении одного из наших информантов: «Если о достопримечательности не говорят, то ее вообще не существует для туриста». Их основной ресурс — информация и каналы ее распространения.

Активисты. Активистов можно дифференцировать на несколько типов: сочувствующие, формалисты, подстрекатели, организаторы, защитники. Туристическая достопримечательность нередко выступает достопримечательностью и в других сферах — истории, географии и т. д., что способствует притяжению внимания к ней со стороны разных сообществ (правозащитники, градозащитники, исторические кружки, «зеленые» и т. д.). Основным ресурс активистов — гражданская активность.

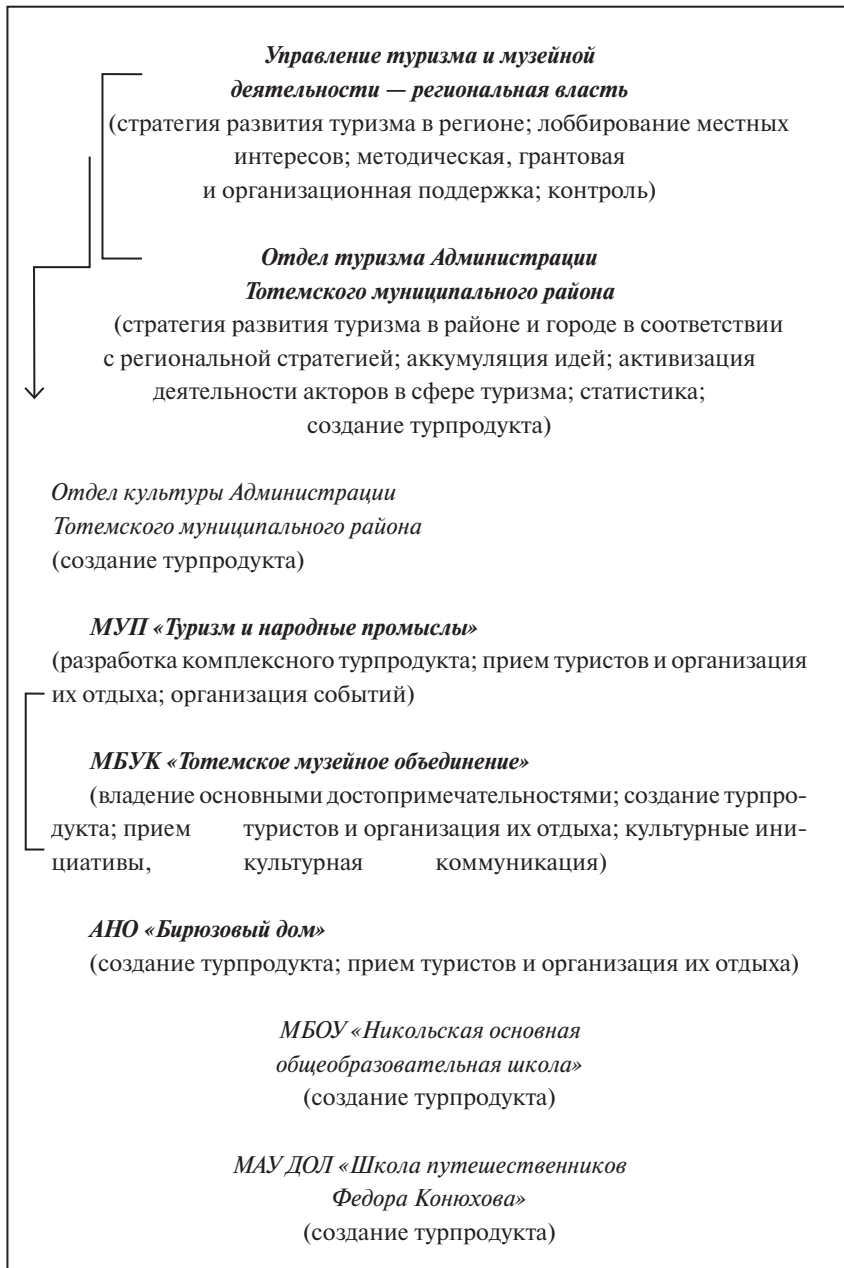
Сопутствующий бизнес. Непосредственно эксплуатация достопримечательностей и активизация предпринимательства и бизнес-деятельности в смежных отраслях (от точек обслуживания туристов до активизации деятельности местных промышленных предприятий) указывает на широкий круг потенциальных заинтересованных сторон в развитии достопримечательностей и привлечении к ним туристов. Основные ресурсы — деньги и идеи, которые можно выгодно вложить и в результате — получить прибыль.

Туристы. Они являются потребителями в сфере туризма. Если туристы не едут к достопримечательности, то ее можно назвать «достопримечательностью-на-бумаге». Турист голосует кошельком и свободным временем в пользу тех или иных достопримечательностей, оказывает ответное воздействие в виде разделения полученных впечатлений с самым разным кругом людей — от близких знакомых до широких аудиторий в сети Интернет.

Местные жители. С одной стороны, они могут подключаться как к «конструкторам», например, выступая в роли мелких предпринимателей, работающих на рынке туризма, так и к «потребителям» (местные туристы, потребители услуг сферы туризма). С другой стороны, не подключившись ни к одной из этих групп, они превращаются в т. н. «третье звено», и производят атмосферу места, дружелюбие и гостеприимное отношение к гостям или, напротив, способствуют формированию негативного впечатления у туристов от этого места.

Пример поля (Тотьма)

Пример туристического поля будет представлен в виде схемы. Достопримечательности Тотьмы включают старинную застройку, храмовую архитектуру в стиле тотемского барокко, историю города и освоения Русской Америки, духовную родину поэта Н. Рубцова. Подключение к полю, образуемому вокруг достопримечательности, оказывается значимым для стейкхолдеров в силу реализации ими своего функционала и получения определенного капитала. Туризм в малом городе может выступать одной из осевых социальных практик, т. к. в процессе конструирования достопримечательностей возникает поле, притягивающее самых разнообразных акторов, имеющих хоть какие-либо ресурсы.

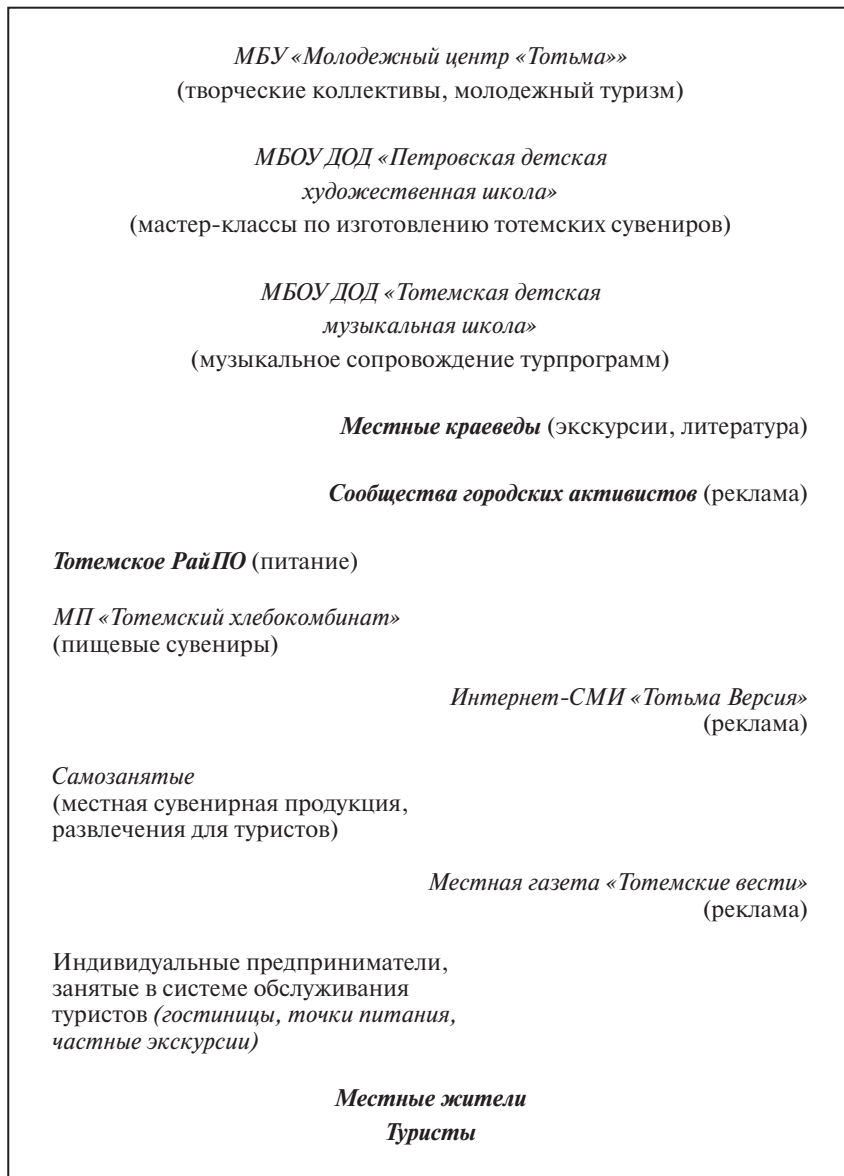

Рис. 1. Поле туризма в Тотьме

Анализ структуры и функций стейкхолдеров, подключающихся к полю туристической достопримечательности, носит прикладной характер. Рассмотренный пример отражает своего рода организационную структуру поля достопримечательности (фон — организационная структура предприятия). Практика составления подобных схем может служить инструментом оптимизации структурно-функциональной модели субъектов конструирования туристических достопримечательностей.

Список литературы

1. *Гидденс Э.* Устроение общества: Очерк теории структуриации. М.: Академический проект, 2003.
2. *Ильин В. И.* Феномен поля: от метафоры к научной категории // Рубеж (альманах социальных исследований). 2003. 18. С. 29—49.
3. *Левин К.* Теория поля в социальных науках. СПб.: Сенсор, 2000.
4. *Yin R.* Case Study Research. Design and Methods. N.Y.: Sage Publications, 1994.

СИСТЕМА ГОРОДСКОГО ОБЩЕСТВЕННОГО ТРАНСПОРТА Г. ВОЛГОГРАДА: ИССЛЕДОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ТОПОЛОГИИ МУНИЦИПАЛЬНЫХ И КОММЕРЧЕСКИХ АВТОБУСОВ

ШАЙТАНОВА Людмила

ВолГУ, 1 курс магистратуры
shaytanova@yandex.ru

Научный руководитель — Кузнецов А. Г., к. с. н., доцент ВолГУ

Shaytanova Liudmila

The system of Volgograd's public transport: the research of social topology of municipal and commercial buses

This article is a description of the public transport system through the prism of J. Law's social topology. This focus makes it possible to identify the causes of the different experiences of mobility in municipal buses and commercial buses (marshrutkas). An analysis of empirical data shows that buses and marshrutkas — two topologically different objects.

На сегодняшний день нормативные документы повествуют нам о наличии следующих видов общественного транспорта в Волгограде: автобусы, троллейбусы, трамваи. В свою очередь, автобусная транспортная система включает в себя два элемента: коммерческие и муниципальные автобусы. Неофициальное (и гораздо более популярное) название коммерческих автобусов — «маршрутное такси».

В повседневном обиходе любому жителю Волгограда очевидно и наблюдаемо различие между опытом мобильности в муниципальных автобусах и в коммерческих МТ. Поездка в автобусах, как правило, бесконфликтна, (субъективно) безопасна, эмоционально нейтральна, рутинна. Поездка в МТ — конфликтогенна, (субъективно) небезопасна, связана с эмоциональным напряжением и чувством несправедливости, которое подталкивает к спонтанной рефлексии моральных и социотехнических принципов организации данного вида транспорта [Байкулова, 2012: 57]. Эта тривиальная разница хорошо знакома рядовому пассажиру, но до недавнего времени она ускользала от внимания социальных исследователей [Кузнецов, Шайтанова, 2012: 137–150].

Данный доклад призван восполнить этот пробел и дать интерпретацию вышеозначенному различию. Для решения данной задачи будет предпринята попытка описания и интерпретации данных, полученных в ходе исследования городского общественного транспорта Волгограда методами этнографического наблюдения, глубинного интервью, а также анализа нормативных документов, регулирующих работу МТ и муниципальных автобусов через призму социальной топологии Дж. Ло, которая предлагает изучать формы социальной пространственности, создаваемые различными типами объектов [Руденко, 2012: 39].

Дж. Ло вводит идею существования трех пространств: пространства регионов, сетей и потоков [Mol, Law, 1994: 647]. Пространство регионов представляет собой вид пространственности, подразумевающий сгруппированность объектов и их четкую локализацию в евклидовом пространстве. Сетевое пространство характеризуется стабильным, фиксированным и функциональным порядком отношений между элементами, которые не обязательно должны быть сгруппированы и локализованы в одном и том же месте. Объекты, производящие сетевое пространство, неизменно сохраняют свое сетевое единство, устойчивость и неизменность порядка отноше-

ний. Наконец, текучее пространство — форма пространственности, в которой постепенная трансформация отношений между объектами выступает необходимой мерой для сохранения непрерывности формы данных объектов. Сохраняя данную непрерывность, объекты пространства потоков кажутся неопределенными в пространстве сетей и регионов за счет нефиксированных размытых, но в то же время видимых границ.

Хотя Дж. Ло проводит четкое разделение между выделенными формами пространств, он тут же замечает, что ни один объект не может быть описан «без должного внимания к интертопологическому происхождению» [Ло, 2006: 231] в том смысле, что объекты, во-первых, пространственно множественны, во-вторых, могут изменять форму, превращаясь то в текучие, то в сетевые объекты. Таким образом, объекты, находясь на пересечении различных форм пространственности, связывают их между собой благодаря собственным трансформациям.

Муниципальные автобусы — автобусы большой или средней вместимости, находящиеся в собственности муниципальных автотранспортных предприятий (ПАТП), в связи с чем их деятельность организуется строго в соответствии с региональными и федеральными законами и постановлениями. Так, автобусы проходят строго соблюдаемую процедуру выпуска на линию, имеют точное расписание движения, осуществляют посадку и высадку пассажиров только на остановках общественного транспорта, курсируют строго по установленному маршруту. Более того, имея статус муниципальных городских автобусов, предоставляют пассажирам фиксированную стоимость проезда по всему маршруту, льготы определенным слоям населения, а также право на приобретение месячных проездных билетов.

Получается, для рядового пользователя система муниципальных автобусов обладает минимальной ситуативной изменчивостью — зная расписание движения, маршрут следования и стоимость проезда, любой горожанин в условиях минимального уровня включенности в процесс передвижения может доехать до нужного места назначения. В основном, любая поездка будет представляться пользователю типичной и стандартизированной.

С другой стороны, волгоградские МТ — автобусы малой или особой малой вместимости, находящиеся, в основном, в собственности

водителей и функционирующие на улицах города от разнообразных частных организаций по перевозке пассажиров. Формально частные МТ так же, как и муниципальные автобусы, должны организовывать свою деятельность на основании законов и постановлений.

Тем не менее, реальность отражает несколько иную специфику их работы:

1. Процедура выпуска на линию зачастую осуществляется фиктивно, в связи с чем по маршруту может курсировать технически неисправное транспортное средство.
2. Расписание составляется формально. Движение транспортных средств по маршруту осуществляется на основании интервала, который формируется ежедневно из расчета количества работающих автомобилей. В этой связи частой практикой является феномен «зарезинивания» (случайное либо намеренное уменьшение водителем интервала движения по отношению к позади идущему маршрутному такси этого же маршрута).
3. Посадка и высадка пассажиров осуществляется «по требованию» в любом месте маршрута, в связи с чем обрела популярность жестовая остановка данного вида транспорта.
4. Распространена практика съезда с установленного маршрута по различным обстоятельствам: для объезда пробки, нагона времени или же нежелания водителя ехать по дорожному покрытию с большим количеством ям и выбоин.

Более того, работая от коммерческих автотранспортных предприятий, МТ не обязаны предоставлять льготы населению и осуществлять продажу месячных проездных билетов. Ко всему прочему, существует практика тарификации стоимости проезда в зависимости от зонирования городского пространства и установление инновационного для городского общественного транспорта «ночного тарифа».

Так, можно сделать вывод, что МТ обладает гораздо большей ситуативной изменчивостью. Пассажиру необходимо не только знать маршрут движения и стоимость проезда, но также обладать специфическими навыками для пользования данным видом транспорта: иметь определенный запас знания относительно возможных и наиболее удобных мест для остановки МТ; обладать навыком остановки автомобиля при помощи жестов; иметь представление о многообра-

зии тарифных зон и соотносить их со временем передвижения в МТ; обладать навыком своевременного информирования водителя о необходимости в остановке, а также планировать свой день с учетом постоянной изменчивости интервалов движения на каждом отдельном маршруте. Получается, что опыт мобильности в МТ требует от пассажира максимальной включенности в ситуативность поездки, т. к. в противном случае индивид может столкнуться с множеством непредвиденных изменений, будь то съезд с установленного маршрута, неверная оплата проезда или проезд нужной остановки.

Итак, описывая муниципальные автобусы Волгограда на языке социальной топологии, можно говорить о них в большей степени как о сетевых объектах, т. е. объектах, произведенных ансамблем устойчивых социальных отношений. Конечно, система муниципального автобусного сообщения иногда может сталкиваться с различного рода изменчивостями, будь то поломка транспортного средства или изменение тарифов. Тем не менее данные изменения, во-первых, случаются редко, во-вторых, не требуют от пользователей периодического переосмысления собственных практик мобильности в данном транспорте. Таким образом, различного рода изменчивости вызывают лишь напряжение социальных отношений, конструирующих данный объект, но никак не приводят к поломке.

В свою очередь, специфика работы МТ разительно отличается от работы муниципальных автобусов. На языке социальной топологии можно говорить о том, что МТ, в зависимости от ситуации, могут проявлять в большей степени как свойства сетевых, так и текучих объектов. МТ имеет ряд конститутивных характеристик, разительно отличающих данную транспортную систему от других видов общественного транспорта, ключевое свойство которых — ситуативная изменчивость. Этими характеристиками выступают: остановка по требованию, съезд с установленного маршрута, интервал движения, тарифные зоны. Так, каждый отдельный промежуток времени как в салоне МТ, так и по маршруту его следования происходит хаотичная перекомбиновка множества разнородных элементов, оказывающих определенное воздействие на его работу. Таким образом, можно говорить о том, что маршрутное такси, оказываясь на перекрестке различных форм пространственности, обретает черты гибкости, позволяющие, в зависимости от ситуации, переключаться между данными формами, сохраняя при этом работоспособность. Тем не

менее данное переключение не всегда происходит гладко, что влечет за собой развертывание конфликтных ситуаций.

Таким образом, можно прийти к выводу, что отличие опыта мобильности в муниципальных автобусах и коммерческих МТ вызвано различной социальной топологией данных транспортных систем. Если система муниципальных автобусов в большей степени выступает конструктом устойчивой сети отношений, то система МТ имеет как ряд устойчивых отношений с различными элементами (правила дорожного движения, отчетность в муниципальные органы и т. п.), так и ряд изменчивых отношений.

Примечание

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ и Администрации Волгоградской области в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Город, транспортная медиация, социальная справедливость: социологическое исследование городского общественного транспорта в г. Волгограде», проект № 14-13-34013а(р).

Список литературы

1. Байкулова А. Н. Выбор разновидности типа общения как составляющая коммуникативной компетенции // Известия Саратовского университета. Сер. Филология, журналистика. 2012. Вып. 1. 12. С. 50–59.
2. Кузнецов А. Г., Шайтанова Л. А. Маршрутное такси на пересечении режимов справедливости // Социология власти. 2012. 6–7(1). Р. 137–150.
3. Ло Дж. Объекты и пространства. Социология вещей. Сборник статей. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. Р. 223–244.
4. Руденко Н. Сети, знание и реальность: проблематика социальной топологии в концепции Джона Ло // Социология власти. 2012. 6–7(1). Р. 38–51.
5. Mol A., Law J. Regions, networks and fluids: anemia and social theory // Social studies of science. 1994. 24. Р. 641–671.

Секция 8

СРАВНИТЕЛЬНАЯ СОЦИОЛОГИЯ

руководители — Понарин Э. Д., Костенко В. В.

ГИБРИДНЫЙ РЕЖИМ И ЕГО СОЦИАЛЬНАЯ ПОДДЕРЖКА В РЕГИОНАХ РОССИИ (ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ)

ИЛЬЧЕНКО Нина

НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург,
департамент прикладной политологии, 4 курс
ilchnina@gmail.com

Ilchenko Nina

Hybrid Regime and its Social Support in the Regions of Russia

The research aims at the identification of regional differences in the reasons for social support for hybrid regime in Russia in 2011-2012. In 1990s authoritarianism of regional regimes played big role in consolidation of the all-Russian political regime, while in 2000s their role has changed to mouthpiece of the political regime. The elections to the State Duma in 2011 were the worst for the party in power for last 10 years; however, the followed war in Ukraine and annexation of the Crimea showed strong regime support. Some researchers agree that the closer investigation of the public opinion is needed in research of dynamics of political regime in Russia (Gel'man, 2014). Using the results of nine regional surveys conducted by the LCSRS in 2011-2012, we investigate the influence of socio-economic reasons on mass support for the political regime in several Russian regions.

В начале 1990-х гг. страну потрясла широкомасштабная дезинтеграция государства, а также серьезный экономический спад. Это не помешало установлению формальных демократических политических институтов и их функционированию по настоящий день. Вместе с этим в субъектах Российской Федерации существовали раз-

личные региональные политические режимы. Они варьировались в степени авторитарности, однако именно губернаторские политические машины, установившиеся в субъектах, позволили создать вертикаль власти в середине 2000-х гг. Таким образом, консолидация авторитарного политического режима на национальном и региональном уровнях была симбиотической [Golosov, 2011: 637–638].

Несмотря на это, на выборах в Государственную Думу 2011 г. «Единая Россия» показала низкие результаты, а политическая жизнь была отмечена массовыми протестами против результатов голосования и политического режима сразу после выборов. Однако события последующих трех лет показали, что по крайней мере со стороны политической элиты нет существенных сдвигов в пользу признания и расширения политических прав и свобод граждан. Такие значительные изменения в уровне поддержки правящей политической партии и главы государства за последние четыре года приводят нас к вопросу о том, каковы причины поддержки гибридного политического режима в России в различных регионах и разнятся ли они с нынешним политическим курсом.

Исследовательская проблема кроется в нескольких плоскостях. С одной стороны, в политической науке существует противоречие в том, как исследовать режимы, подобные российскому: как демократии или как автократии. С другой стороны, исследования политического режима в России обычно носят характер анализа политических институтов и неформальных связей, возникающих между ними, а также анализа структурных факторов. Анализ голосования за ту или иную партию включает в себя исследование структурных факторов, таких, как ВРП, доля социальных расходов из бюджета региона или процент городского и сельского населения [Голосов, 1997]. Подобные факторы являются грубым измерением куда более индивидуалистичных характеристик населения региона, которые составляют представление об окружающем мире и задают рамку действий в различных ситуациях.

Далее мы определим, что такое гибридный режим, и рассмотрим существующие подходы к исследованию авторитаризма и демократичности, на которых будут основываться гипотезы доклада.

Что такое гибридный режим?

Итогом «Третьей волны демократизации» стало образование около двух десятков национальных политических режимов с формальными демократическими институтами. Однако их мимикрия под демократическую форму правления, известную по западным демократиям, заставляет исследователей вводить новые понятия для обозначения их категории. Такие «пограничные» режимы принято называть гибридными. На настоящий момент существуют классификации таких режимов по двум родам: демократии и авторитаризму — они часто варьируются от исследования к исследованию и перекрываются, так как делают акцент на определенном элементе «либеральной демократии», который отсутствует или присутствует в анализируемом политическом режиме [Gilbert, Mohseni, 2011: 271]. Так или иначе, исследователями единогласно признается концептуальная определенность только либеральной демократии, тогда как остальные режимы попадают в категорию недемократических, что создает концептуальную неточность [Collier, Levitsky, 1997: 450]. Наибольшая проблема в точной и устоявшейся классификации гибридных режимов заключается в том, что в таких режимах регулярно проводятся многопартийные и альтернативные выборы, что отличает их от диктаторских режимов, однако, степень их честности, свободы и соревновательности варьируется [Wigell, 2008: 233]. Более того, исследователями подчеркивается отличие целей выборов в гибридных режимах от демократических: они не призваны быть инструментом отчетности и эффективности деятельности политиков, но выполняют роль легитимации существующего политического порядка, являются средством распространения и реализации патрон-клиентских отношений или управления элитами [Morgenbesser, 2014: 32].

Среди множества способов описания политического режима наиболее используемыми в исследованиях российского случая является «электоральный авторитаризм». Согласно Андреасу Шедлеру, такой режим содержит в себе зачатки минимальной демократии, то есть выборов главы исполнительной власти и национальной ассамблеи. В таком режиме действует всеобщее право голосования, в них участвуют оппозиционные партии, которые, тем не менее, не могут выиграть, хотя и получают места и голоса, и репрессии к та-

ким партиям не применяются широкомасштабно [Schedler, 2006: 3]. «Меню манипуляций» результатами выборов в таких режимах могут выглядеть так: ограничение выборных позиций или ограничение возможности влиять на процесс принятия решения, фрагментация оппозиции и выборочное исключение ее лидеров из политического процесса, искажение информации об оппонентах, репрессии и применение насилия к членам оппозиции, неравномерность доступных финансовых и медийных ресурсов, формальное и неформальное лишение гражданских прав, угрозы избирателям, фальсификации и снятие с должности [Schedler, 2002: 42–45].

Подходы к исследованию гибридных режимов и авторитаризма

Существует несколько взглядов на то, как объяснить транзит не только от авторитарного государства, но и невозможность установления и длительной поддержки либеральной демократии. В изучении этих процессов исследователи придерживаются подхода исторического неинституционализма и неинституционализма рационального выбора [Gel'man, 2008: 176–177], объясняя консолидацию режима различными констелляциями акторов, их ресурсами, стратегиями действий и институтов, то есть «правил игры» [Gel'man, Ryzhenkov, Brie, Avdonin, Ovchinnikov, 2003: 13]. Исследователи, использующие этот подход, придерживаются элитарного взгляда на процесс принятий решений. Некоторым отступлением от этого подхода является работа Беатриц Магалони, в которой подчеркивается роль массовой поддержки режима гражданами. Помимо ретроспективного и перспективного голосования за партию-гегемон, большее доверие ее членам (так как у них больше опыт правления) она обращает внимание на то, что избиратели могут выступать в качестве клиентов тех или иных политических лидеров, которые в условиях поддержки предоставляют клиентеле определенные услуги [Magaloni, 2006: 79–81].

Противоположный этому подход, социопсихологический, используется для построения концепции авторитарной личности. Как пишут Стюарт и Хульт, авторитарный тип личности формируется у индивида в молодом возрасте, когда проходит период социализации в ограниченных жизненных условиях, в которых у него нет возможностей для активного участия в принятии жизненно важных решений. Вследствие ограниченности социального опыта такой ин-

дивид не может приспособиться к новым социальным ролям и потому придерживается взглядов его референтной группы. Такое положение вещей приводит к невозможности понять взгляды членов не референтной группы, поэтому он более агрессивен к аутгруппам [Stewart, Hoult, 1959: 275]. Их теория была развита положением о том, что социальная реальность также имеет влияние на то, какие взгляды имеет индивид [Gabennesch, 1972: 873].

Параллельно с этим в изучении авторитаризма складывалось направление в изучении особенностей поддержки авторитаризма социальными классами. Согласно мысли Сеймура, Мартина Липсета, приверженными автократическому способу правления будут представители бедных слоев общества с низким уровнем образования [Lipset, 1959]. Связь между экономическим благосостоянием социального класса и ориентирование на поддержку авторитаризма до сих пор является предметом споров. С одной стороны, исследователи склонны считать, что влияние классовых различий в настроениях людей невелики, и большее значение на взгляды индивида оказывает уровень образованности [Dekker, Ester, 1987: 409]. С другой стороны, исследования также показывают, что социальный класс имеет значение, но нужно разделять между консервативной экономической политикой и авторитарными взглядами на мир [Houtman, 2003: 99]. Гипотеза о связи между уровнем образования и социальным классом с авторитарными взглядами находит поддержку также у последователей Франкфуртской школы [Scheepers, Felling, Peters, 1990: 24].

Связь экономики и ценностей индивида подчеркивается также теорией модернизации, согласно которой экономическое развитие и увеличение благосостояния способствует культурному изменению в системе ценностей индивида, что приводит в конечном итоге к большей поддержке демократии [Inglehart, Welzel, 2005: 160].

На основе этих подходов в докладе будут представлены гипотезы о поддержке гибридного режима в России в трех городах (Санкт-Петербург, Москва и Тамбов) и шести субъектах федерации (Башкортостан, Чувашия, Кабардино-Балкария, Алтайский край, Татарстан, Ленинградская область), а также результаты статистического анализа.

Список литературы

1. *Голосов Г. В.* Поведение избирателей в России: теоретические перспективы и результаты региональных выборов // Полис. Политические исследования. 1997. № 4. С. 44.
2. *Collier D., Levitsky S.* Democracy with Adjectives: Conceptual Innovation in Comparative Research // World Politics. 1997. Vol. 49. № 3. P. 430–451.
3. *Dekker P., Ester P.* Working-class authoritarianism: a re-examination of the Lipset thesis // European Journal of Political Research. 1987. Vol. 15. № 4. P. 395–415.
4. Electoral Authoritarianism: The Dynamics of Unfree Competition / ed. by A. Schedler. Boulder, Colo: Lynne Rienner Pub, 2006.
5. *Gabennesch H.* Authoritarianism as World View // American Journal of Sociology. 1972. Vol. 77. № 5. P. 857–875.
6. *Gel'man V.* Out of the Frying Pan, into the Fire? Post-Soviet Regime Changes in Comparative Perspective // International Political Science Review. 2008. Vol. 29. № 2. P. 157–180.
7. *Gel'man V., Ryzhenkov S., Brie M., Avdonin V., Ovchinnikov B., Semenov I.* Making and Breaking Democratic Transitions: The Comparative Politics of Russia's Regions. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 2003.
8. *Gilbert L., Mohseni P.* Beyond Authoritarianism: The Conceptualization of Hybrid Regimes // Studies in Comparative International Development. 2011. Vol. 46. № 3. P. 270–297.
9. *Golosov G. V.* The Regional Roots of Electoral Authoritarianism in Russia // Europe-Asia Studies. 2011. Vol. 63. № 4. P. 623–639.
10. *Houtman D.* Lipset and “working-class” authoritarianism // Am Soc. 2003. Vol. 34. № 1–2. P. 85–103.
11. *Inglehart R., Welzel C.* Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence. Cambridge University Press, 2005.
12. *Lipset S. M.* Democracy and Working-Class Authoritarianism // American Sociological Review. 1959. Vol. 24. № 4. P. 482–501.
13. *Magaloni B.* Voting for autocracy hegemonic party survival and its demise in Mexico. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2006.
14. *Morgenbesser L.* Elections in Hybrid Regimes: Conceptual Stretching Revived: Elections in Hybrid Regimes // Political Studies. 2014. Vol. 62. № 1. P. 21–36.
15. *Schedler A.* The Menu of Manipulation // Journal of Democracy. 2002. Vol. 13. № 2. P. 36–50.
16. *Scheepers P., Felling A., Peters J.* Social conditions, authoritarianism and ethnocentrism: a theoretical model of the early Frankfurt School updated and tested // Eur Sociol Rev. 1990. Vol. 6. № 1. P. 15–29.

17. *Stewart D., Hoult T. A social-psychological theory of the authoritarian personality // American Journal of Sociology. 1959. P. 274–279.*

18. *Wigell M. Mapping ‘Hybrid Regimes’: Regime Types and Concepts in Comparative Politics // Democratization. 2008. Vol. 15. № 2. P. 230–250.*

19. ВЦИОМ: Владимир Путин: три года после выборов — 2012, пятнадцать лет во главе России. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=115179> (дата обращения: 05.04.2015).

СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС И КУЛЬТУРНОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ В СРАВНИТЕЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ (НА ПРИМЕРЕ СТРАН ЕВРОПЫ)

КОРСУНОВА Виолетта

НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург, департамент социологии, 1 курс магистратуры
vikorsunova@gmail.com

*Научный руководитель — Понарин Э. Д., PhD,
ординарный профессор департамента социологии
НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург*

Korsunova Violetta

Social Status and Cultural Consumption in Comparative Perspective (the case of European Countries)

This project is devoted to the issue of relation between social professional status and cultural consumption. Previous research findings reveal considerable differences both in the structure of cultural consumption and in its dependence on social position. Using Eurobarometer 79.2 (Spring 2013) database I show regional characteristics of cultural participation patterns of different professional groups across Europe.

Исследование культурного потребления уже долгое время является одной из основных тем в обсуждении феномена социальной стратификации. Начиная с работ Т. Веблена [Veblen, 2007], где описываются досуговые практики, воспроизводимые высшим классом для отделения себя от других, и переходя к более современным исследованиям П. Бурдьё [Bourdieu, 1984], можно отметить ассоциацию досуга, культурного потребления и стиля жизни в целом с позицией в общественной иерархии.

Несмотря на определенную простоту идеи, в ходе исследований обнаруживается ряд сложностей, связанных с определением ключе-

вых понятий. Во-первых, существует противопоставление подходов к описанию стратификационных систем: неомарксистская традиция разделяет руководителей и подчиненных [Wright, 2005: 5–29]; неовеберианский подход предполагает различия между занятыми ручным и интеллектуальным трудом [Goldthorpe, 2000: 161–180]; концепции постмодернизма говорят о принципиальном разделении между работающими и безработными [Кастельс, 2000: 492–503], [Bauman, 2005: 63–87]; сторонники постклассовых теорий считают, что в современном обществе индивидуальные социокультурные идентичности оказывают большее влияние на формирование отдельных социальных групп, по сравнению с профессиональным статусом [Giddens, 1991, Beck, 1992].

Во-вторых, при исследовании культурного потребления в разных странах были обнаружены различные структуры практик, которые, в свою очередь, имеют различную связь с профессиональным статусом. Гомологичная структура потребления предполагает соответствие определенных наборов культурных практик и социальных статусов; практики при этом ранжируются в соответствии с существующей общественной иерархией [Bourdieu, 1984: 176–186; Warde et al., 2008: 148–165]. Также есть свидетельства существования негомологичной структуры потребления: феномен «всеядности» указывает на особое различие в потреблении обладателей высокого социального статуса: чем выше социальная позиция, тем более разнообразной и интенсивной становится вовлеченность в культурные практики. Практики же обладателей более низкой социальной позиции могут быть отнесены к популярному вкусу [Peterson, Kern, 1996: 900–907; Katz-Gerro, 2007: 123–137].

Хотя данная область имеет множество вопросов, существует очень мало сравнительных исследований, которые фиксируют и объясняют страновые различия двух данных аспектов. Целью нашей работы является рассмотрение и сравнение различий в связи структуры культурного потребления и профессионального статуса в европейских странах. В своей работе мы используем базу данных «Евробарометра 79.2», собранную весной 2013 г. Данные содержат информацию индивидуального уровня и затрагивают тему культурной активности жителей 27 европейских стран. В качестве основных переменных выступали переменные о вовлеченности в определенные культурные практики за прошедшие 12 месяцев (сколько раз

за последние 12 месяцев вы посещали: оперу/балет, кино, театр, концерты, музеи/выставки, смотрели/слушали ТВ/радиопрограммы о культуре, читали книги), а также переменная, фиксирующая занимаемую профессиональную позицию (работающие на себя, менеджеры, служащие, занятые ручным трудом, не имеющие определенного профессионального статуса: пенсионеры, безработные, студенты). В качестве контролей использовались переменные пол, возраст, возраст, в котором респондент завершил образование, размер города проживания, наличие проблем с оплатой счетов (используется как контроль по доходу, так как в базе отсутствует переменная, фиксирующая доход респондента).

В ходе первичного анализа было установлено, что общая структура культурной активности представляет собой противопоставление вовлеченности во все имеющиеся практики и вовлеченность только в «приватные» практики, такие, как просмотр ТВ и прослушивание радио, а также чтение книг. Выявленная структура имеет определенное сходство с феноменом «всеядности», однако в данном случае происходит разделение не на основе «популярности/массовости» или «доступности», а на основе «публичности» и «приватности» практик. Однако подобные результаты говорят о необходимости рассмотреть уровень разнообразия практик в отдельных странах.

Частотный анализ выявил региональные различия в уровне экстенсивности культурного потребления: в странах Северной Европы был обнаружен наибольший уровень потребления, в странах Южной Европы — наименьший. Учитывая подобные различия, страны были разделены в соответствии с принадлежностью к определенному региону (Северная Европа, Западная Европа, Центральная и Восточная Европа, Южная Европа). Далее для каждого региона был проведен анализ структуры потребления (с помощью анализа латентных классов). Во всех регионах было выделено по три латентных класса культурной активности, которые можно определить как классы «приватных», «популярных» практик и класс «всеядности». Однако, несмотря на схожесть в структурах различных классов, можно наблюдать отличительные характеристики отдельных регионов. Так, в Северной Европе и Западной Европе в классе приватных практик также более высока вероятность включенности в практики, связанные с посещением музеев и выставок, в отличие от соответствующих классов в Центральной и Восточной Европе и

Южной Европе. Говоря о Северной Европе, следует также отметить более высокую включенность в культурное потребление всех выделенных классов, а не только класса «всеядных» в сравнении с другими регионами. В то же время класс «приватных» практик во всех регионах, представленный в основном просмотром ТВ-программ и чтением книг, имеет более низкий уровень интенсивности культурного потребления даже относительно данных практик. Еще одной особенностью региональных паттернов культурного потребления является меньшая доля класса «всеядных» в Южной Европе (16 % от всей выборки, в сравнении с 22 % — 27 % в Центральной и Восточной Европе и Западной Европе соответственно). В Северной же Европе наблюдается противоположная ситуация — класс «всеядных» наиболее многочисленный (46 % от выборки).

Тем не менее, несмотря на схожие результаты, были обнаружены различия в связи латентных классов и профессионального статуса (выводы основаны на результатах множественной логистической регрессии). Так, класс «всеядных» в Западной Европе представлен работающими на себя и менеджерами, при этом служащие и рабочие вовлечены в «популярные» и «приватные» практики соответственно. В Восточной Европе к классу «всеядных» относятся только менеджеры, в то время как частные предприниматели, наравне со служащими, включены в «популярные» практики. В Южной Европе, как и в Восточной, «всеядными» являются менеджеры, однако в «популярные» практики включены не только работающие на себя и служащие, но и рабочие. В «приватные» практики, в свою очередь, включены те, кто не имеет определенного профессионального статуса, по сути, не работающие. Подобный результат может свидетельствовать о формировании особой структуры стиля жизни безработных в странах данного региона. В Северной Европе «всеядными» являются менеджеры и служащие, в то время как рабочие и работающие на себя распределены между классами «приватных» и «популярных практик».

Далее было рассмотрено влияние профессионального статуса на экстенсивность и интенсивность культурного потребления. В обоих случаях была применена негативная биномиальная регрессия. Относительно как экстенсивности, так и интенсивности культурной активности были выявлены сходные паттерны влияния. В Западной Европе происходит разделение между менеджерами, работающими-

ми на себя и другими категориями, что говорит о подтверждении неомарксистского тезиса. В Северной и Центральной и Восточной Европе наблюдается более сложная структура: работающие на себя и служащие имеют равный уровень как разнообразия, так и интенсивности культурной активности. При этом у менеджеров наблюдается более высокий уровень культурного потребления в сравнении с остальными категориями. Рабочие и неработающие имеют меньший уровень вовлеченности в культурные практики. Это подтверждает тезис неовеберианского направления. Помимо этого, в странах Центральной и Восточной Европы неработающие имеют значимо меньший уровень потребления, чем представители других категорий, что, помимо прочего, говорит в пользу постмодернистского тезиса в данном регионе. В Южной Европе также можно отметить неовеберианское разделение: менеджеры, работающие на себя, а также служащие имеют более высокий уровень культурного потребления в сравнении с рабочими.

Список литературы

1. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ. 2000. С. 492–503.
2. *Bourdieu P.* Distinction: A social critique of the judgement of taste. Harvard University Press, 1984.
3. *Bourdieu P.* The logic of practice. Stanford University Press. 1990.
4. *Bourdieu P.* The forms of capital. Cultural theory: An anthology. 2011.
5. *Giddens A.* Modernity and self-identity: Self and society in the late modern age. Stanford University Press. 1991.
6. *Goldthorpe J. H.* On sociology: Numbers, narratives, and the integration of research and theory. Oxford University Press. 2000. P. 161–180.
7. *Peterson R. A., Kern, R. M.* Changing highbrow taste: from snob to omnivore // American sociological review. 1996. P. 900–907.
8. *Sullivan O., Katz-Gerro T.* The omnivore thesis revisited: Voracious cultural consumers // European Sociological Review. 2007. 23(2), P. 123–137.
9. *Veblen T.* The theory of the leisure class // Oxford University Press. 2007.
10. *Warde A., Wright D., Gayo-Cal M.* The omnivorous orientation in the UK // Poetics. 2008. 36(2), P. 148–165.
11. *Wright E. O.* Foundations of a neo-Marxist class analysis. Approaches to class analysis, 2005. P. 4–30.

ПРЕДИКТОРЫ ЕВРОСКЕПТИЦИЗМА НА ИНДИВИДУАЛЬНОМ УРОВНЕ: МЕЖСТРАНОВОЙ СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

САВЧЕНКО Павел

НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург, факультет социологии, 4 курс
pavel.savchenko.hse@gmail.com

Savchenko Pavel

Predictors of euroscepticism on the individual level: cross-national comparative analysis

This research is concerned with the fundamental issue of what is the nature of euroscepticism. The topic is very well studied. What makes this study distinct is the fact that I am switching between different dependent (!) variables while keeping the list of independent ones constant.

Евроскептицизм на протяжении уже более чем 10 лет является темой академических исследований в разных областях социальных наук [Корецк , Mudde, 2002; Sitter 2001]. Его предикторы на индивидуальном уровне также исследуются довольно давно. Однако только с недавнего времени исследователи, работающие в количественной парадигме, начали систематически обращаться к вопросу о том, что же такое евроскептицизм, как его операционализировать и измерять [Lubbers, Scheepers, 2010; Boomgaarden et al., 2011]. Помимо этого, долгое время в качестве предикторов рассматривались в основном экономические факторы. Такой подход не был лишен основания, поскольку, как сообщают ранее проведенные исследования, до подписания в 1992 г. Договора о Европейском союзе (более известного, как Маастрихтский договор) договоренности между европейскими странами имели, по большей части, экономический характер [van Klingeren et al., 2013: 690; Eichenberg, Dalton, 2007: 132]. Экономические соображения принято сейчас в литературе называть «жесткими» факторами. Тем не менее, сегодня в публикациях все чаще встречаются так называемые «мягкие» факторы, такие как национальная идентичность или одобрение работы правительства.

Как это всегда бывает в любой дисциплине, текущие исследования не лишены недостатков. Основным на данном этапе нам видится несистематичность. Крайне впечатляющую попытку анализа сравнительно недавно предприняли Люберс и Шиперс, в работе которых учтена и неоднозначная природа зависимой переменной,

и разнообразие факторов, влияющих на поддержку Европейского союза [Lubers, Scheepers, 2010]. Помимо этого, моделирование проводится на четырех уровнях (индивид, время исследования, регион и страна). Несмотря на это, данные, которыми они пользуются, мы считаем уже несколько устаревшими (у авторов были данные за период с 1994 до 2004 г.). Скажем, последние выборы в Европейский парламент (2014) заметно укрепили позиции партий, негативно настроенных по отношению к ЕС (BBC даже назвало случившееся «евроскептическим землетрясением»). За более чем 10 лет ситуация определенно могла поменяться. Остальные же работы либо пренебрегают сложной разнородной природой зависимой переменной, либо не являются сравнительными (выборка по одной или двум странам), либо учитывают только одну разновидность предикторов (или «жесткие», или «мягкие»).

Исходя из всего вышенаписанного, цель своего исследования мы обозначаем как сравнительный анализ евроскептических настроений на индивидуальном уровне в странах-членах ЕС с использованием различных зависимых переменных на наиболее актуальные данные (из доступных сейчас это Eurobarometer 81). Собственно, в тестировании различных зависимых переменных и заключается основной смысл нашего исследования.

В соответствии с заявленной целью мы выдвигаем следующие исследовательские задачи. Во-первых, необходимо определиться со списком предикторов евроскептицизма. Этому вопросу в самых разных его аспектах посвящено много работ, так что эта задача является, вероятно, наиболее простой. Во-вторых, нужно сравнить различные зависимые переменные на предмет того, какие из них является наиболее адекватной мерой евроскептицизма. Мы отдаем себе отчет, что решение данной задачи подразумевает определенный произвол. Даже если отобрать только те независимые переменные, которые являются достаточно стабильными предикторами на самых разных уровнях, то открытым останется вопрос о критериях отбора лучшего предиктора. Мы считаем, что необходимо сделать несколько различных моделей и каждую из них проинтерпретировать по существу, т. е. четко обозначить, зависимость чего от чего мы показываем. Может быть, мы и не придем к выводу о том, как же лучше мерить скептицизм, но разрабатывать этот вопрос и стимулировать дискуссию на эту тему, безусловно, надо.

Список предикторов (примерный и существующий на данном этапе исследования) таков: одобрение парламента (или иных местных властей), удовлетворенность демократией в стране, антимигрантские настроения, информированность о политике и ЕС, голосование за радикальные партии (как правого, так и левого толка), образование, возраст.

Все эти предикторы были обнаружены исследователями ранее. Разумеется, не все из них однозначно принимаются исследователями как универсальные. Удовлетворенность политиками и/или демократией на национальном уровне довольно часто фигурирует как значимый предиктор евроскептицизма [de Vries, Edwards, 2009: 19; Boomgaarden et al., 2011: 254]. Считается, что из-за недостатка информации о деятельности ЕС или нежелания получить ее многие граждане европейских стран склонны переносить отношение к национальным политикам на политиков общеевропейских. У этой точки зрения есть и противники [McLaren, 2007]. Что касается голосования за «радикалов», то здесь имеет скорее наше личное предположение. Ранее была установлена связь между голосованием за правых и левых «радикалов», но в исследовании евроскептицизм был независимой переменной [Werts et al., 2012]. Полагаем, что можно проследить зависимость и в обратном направлении. Антимигрантские настроения тесно коррелируют с крайне правой идеологией, поэтому неудивительно, что и они являются значимым предиктором [Boomgaarden et al., 2011: 254]. Информированность считалась важным фактором поддержки евроинтеграции еще в 70-е гг. прошлого века, но и сегодня существуют исследования, в которых обнаруживается значимая связь между информированностью о политике и евроскептицизмом [Karp et al., 2003: 287–288; McLaren, 2007: 244]. Возраст и образование, в отличие от указанных выше переменных, практически везде фигурируют в качестве значимых предикторов евроскептицизма [Kuhn, 2011; Lubers, Scheepers, 2010]. В качестве контрольных выступают переменные по доходу, занятости и удовлетворенности жизнью.

В качестве зависимой переменной мы хотим протестировать следующие: доверие ЕС, оптимистичное или пессимистичное видение будущего ЕС, в каком направлении в целом идут дела в ЕС, степень согласия с высказыванием «В будущем нашей стране будет лучше вне ЕС» и один индекс. Он состоит из вопросов о том, что для вас

лично значит ЕС, где обозначены как положительные моменты (демократия, мир, благополучие и т. д.), так и отрицательные (бюрократия, трата денег, потеря культурной идентичности). Все они в той или иной форме выражают отношение к Евросоюзу, но все (по крайней мере, так видится) имеют отношение к разным формам (а может быть и объектам) поддержки/скептицизма. Более точное разграничение возможно после детального анализа.

Доклад представляет исследование на предварительной стадии. Сейчас по-прежнему идет формирование базовых аспектов исследования. На этой стадии они могут еще претерпеть изменения. В двух словах хочется обозначить возможные направления развития проекта. Во-первых, вполне возможно анализировать не только индивидуальный, но и страновой уровень. «Евробарометр» проходит дважды в год. Надеемся, что по ходу исследования станет доступна и самая последняя волна (осень 2014 г.); на момент написания текста данные в Сеть не выложены). Таким образом, возможен даже многоуровневый анализ (если использовать невложенные {non-nested} модели). Если добавлять страновой уровень, то актуальными становятся такие переменные, как длительность членства в ЕС (в качестве точки отсечения предполагается взять 2004 г.). Также необходимо провести факторный анализ для «жестких» и «мягких» факторов. По факту в большинстве исследований это разделение проводится умозрительно. Оно не имеет под собой жесткой аналитической основы, что, конечно, вызывает у нас определенные сомнения. Это же вид анализа необходимо применить при составлении индекса по вопросу о личном значении ЕС. Вероятно, в глаза бросается отсутствие четко сформулированных гипотез. Действительно, с этим возникают определенные трудности, вызванные характером исследования. Влияние разных независимых переменных исследовано очень хорошо. Как ведут себя разные зависимые переменные — это вопрос вообще практически не исследован. Вероятно, мы последуем рекомендациям коллег и обратимся для «социологического вдохновения» к макротеориям. В целом, как нам кажется, сама по себе идея переключения между зависимыми переменными довольно оригинальна. Надеемся, что наше исследование позволит внести небольшой вклад в понимание природы евроскептицизма и его сути.

Список литературы

1. *Boomgaarden H. G., Schuck A. R. T., Elenbaas M., de Vreese C. H.* Mapping EU attitudes: Conceptual and empirical dimensions of Euroscepticism and EU support. *European Union Politics*. 2011. 2. P. 241–266. doi: 10.1177/1465116510395411
2. *Karp J. A., Banducci S. A., Bowler S.* To know it is to love it? Satisfaction with democracy in the European Union. *Comparative Political Studies*. 2003. 3. P. 271–292. doi: 10.1177/0010414002250669
3. *Kopeck P., Mudde C.* The two sides of euroscepticism party positions on European integration in East Central Europe. *European Union Politics*. 2002. 3. P. 297–326. doi: 10.1177/1465116502003003002
4. *Kuhn T.* Individual transnationalism, globalisation and euroscepticism: An empirical test of Deutsch's transactionalist theory. *European Journal of Political Research*. 2011. 6. P. 811–837. doi: 10.1111/j.1475-6765.2011.01987.x
5. *Lubbers M., Scheepers P.* Divergent trends of euroscepticism in countries and regions of the European Union. *European Journal of Political Research*. 2010. 6. P. 787–817. doi: 10.1111/j.1475-6765.2010.01915.x
6. *McLaren L.* Explaining mass-level Euroscepticism: Identity, interests, and institutional distrust. *Acta Politica*. 2007. 2. P. 233–251. doi: 10.1057/palgrave.ap.5500191
7. *Sitter N.* The politics of opposition and European integration in Scandinavia: Is Euro scepticism a government opposition dynamic? // *West European Politics*. 2001. 4. P. 22–39. doi: 10.1080/01402380108425463
8. *De Vries C. E., Edwards E. E.* Taking europe to its extremes extremist parties and public Euroscepticism // *Party Politics*. 2009. 1. P. 5–28. doi: 10.1177/1354068808097889
9. *Werts H., Scheepers P., Lubbers M.* Euro-scepticism and radical right-wing voting in Europe, 2002–2008: Social cleavages, socio-political attitudes and contextual characteristics determining voting for the radical right // *European Union Politics*. 2012. 2. P. 183–205. doi: 10.1177/1465116512469287

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

СТАНОВЛЕНИЕ ВИЗУАЛЬНОЙ СОЦИОЛОГИИ: НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ ВИЗУАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ОМЕЛЬЧЕНКО Дмитрий

преподаватель департамента социологии,
аналитик Центра молодежных исследований НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург
doomal@yandex.ru

Omel'chenko Dmitry

The formation of visual sociology: new horizons of visual studies

The paper explores the spectrum of potentials of visual sociology. The author focuses on three main courses within the disciplinary field of visual sociology which include 1) using camera as one of the instruments of data collection in social research; 2) using existing visual materials for further scientific investigations; and 3) using visual data for communication. The paper raises an important question about objectivity/subjectivity and meanings of image for visual methodology. Author argues that visual sociology has fertile resources for the development of methodology of social sciences.

Современное общество требует современных методов исследования, а цифровые технологии в ближайшем будущем станут ключевыми инструментами для практиков и теоретиков социальных наук. В первую очередь мы говорим о фотоаппарате и кинокамере, а следовательно, о визуальной социологии.

Визуальные методы использовались в науке практически всегда — с момента появления камеры. На рубеже XIX–XX вв. антропологи, психологи, криминологи и другие ученые вырабатывали исследовательскую методологию, прибегая к услугам фотокамеры (редко — кинокамеры), чтобы в дальнейшем доказать обоснованность своих научных изысканий.

Что же касается социологии, которая в XX в. определила свой научный интерес в изучении «суперорганизма», состоящего из элементов и процессов, которые нельзя свести к биологическим или индивидуально-психологическим, то тут первыми, кто использовал визуальные репрезентации, были социальные дарвинисты (Чезаре Ломброзо, Вильям Шелдон), чьи работы сегодня признаются исключительно псевдонаучными и расистскими. Во всех остальных исследованиях социологи не использовали фото- и кино технику для работы вплоть до появления статьи Бекера под названием «Фотография и Социология» [Becker, 1974]. Автор пишет:

«Визуальная социология, документальная фотография и фотожурналистика являются социальными конструктами, чьи значения появляются в контекстах, организационных или исторических, разных миров, где работает фотограф» [Becker, 1995].

Вплоть до сегодняшнего дня исследователи, которые писали о фотографии (будь то Бекер, Штомпка или Бэнкс), вели разговор скорее о социологическом анализе фотографий, но не о том, что визуальные методы могут рассматриваться как особая методология проведения социологического исследования и репрезентации его результатов.

Ограниченность интереса фотографией можно понять. Еще 15 лет назад хорошая камера была недоступна для большинства исследователей. Не по причине ее дороговизны, а по причине сложности ее использования. Для того чтобы получить качественный материал, мало просто нажимать на кнопку и потом отдавать отснятый материал на проявку профессионалам. Тут нужны были высокие профессиональные навыки для работы с видеоматериалом. Но ситуация меняется стремительно, и сегодня практически любой человек, имея в своем владении компьютер, камеру или даже смартфон, может снимать и монтировать вполне сносные сюжеты, которые как минимум будут фиксировать происходящее.

О фотографии мы говорить не будем. Быть может, это только авторское видение, но фотография для исследователя — ограниченный инструмент. Фотографировать можно и нужно на протяжении всей полевой исследовательской работы, но если сравнивать фото и видео, то арсенал возможностей последнего для социолога невероятно широк. Сегодня можно уместить камеру на кончике иглы и вести съемку круглосуточно 24/7, ночью, под водой, в жару и хо-

лод, с обзором в 360 градусов, в трехмерном измерении. Мы можем увидеть, узнать, определить, классифицировать, описать, изучить все то, что ускользает или забывается при личном контакте исследователя с полем.

По оценке Д. Харпер [Harper, 2012], существуют три основных принятых метода работы в формате визуальной социологии:

1. Камера как инструмент для сбора информации. Исследователь использует камеру как диктофон.

Кино- и видеокамеры, безусловно, хорошо подходят для сбора информации, для фиксирования взаимодействий небольших групп, для использования в учебных целях, для этнографии, включенного наблюдения, фиксации городского пространства и многого другого. Диктофон часто может дать исследователю намного больше, чем самые тщательные полевые дневниковые заметки, и звуковая дорожка содержит иногда незаменимую информацию, которая исчезает при транскрибировании: тембр, музыкальность голоса, интонация, ритм, смысловые паузы. А с приходом визуальной составляющей получаемая информация становится еще более обширной. К примеру: приподнятая бровь, взмахи руками, подмигивание могут перевернуть смысл любого сообщения. Мы можем улавливать иронию, сарказм, неприятие. Поэтому часто визуальные данные используются социологами для трактовки полученных данных.

Визуальным материалом так же легко манипулировать, т. е. приближать кадр, отдалять, копировать, повторять, останавливать, вырезать любые действия в зависимости от интереса и целей. Одной из ключевых манипуляций, например, является монтаж. Это совокупность всех вышеперечисленных процедур, к которым добавляется еще множество других:

«Для визуальных социологов монтаж является инструментом для сопоставления фактов и событий, чтобы создавать значения» [Collier, Collier, 1986].

Социологи могут ставить камеры в те места, куда не может попасть исследователь: в опасные места или же просто для того, чтобы удалить эффект наблюдателя из исследовательского поля: к примеру, для изучения поведения детей на детской площадке.

Фотографии или видеоматериал можно использовать в качестве дополнительного инструмента в рамках проведения интервью. Визуальный материал показывают респонденту, а исходники могут

принадлежать ему или его семье, могут быть взяты из различных баз открытого или закрытого доступа. Главное, чтобы видео или фотографии каким-то образом были связаны с тематикой интервью или с жизнью респондента. Реакция и комментарии респондента могут также быть записаны на видео и аудио, и являются материалом для научной работы.

Также находит применение метод POV (point of view) — когда объекту исследования выдается камера или фотоаппарат, которыми он должен пользоваться для максимально аутентичной передачи информации о себе и своем окружении. Изображения, полученные таким методом, также используются учеными для последующего анализа.

2. Изучение визуальных данных, произведенных культурой. Социология использует визуальные материалы, выработанные культурным производством для получения научного знания.

Тут можно использовать все — фотографии, кино, видео, рекламу, эмодзи, ландшафт, архитектуру, моду, мейкап, прическу, татуировки — всю палитру визуальных коммуникаций, созданную человечеством. Использование и понимание визуальных образов происходит за счет использования социально принятых символических кодов. Они конструируются и могут быть деконструированы. Их можно читать как текст, напрямую, или пытаться выявить скрытые смыслы. Образы культуры можно анализировать техниками, разработанными, например, традицией литературной критики, теории искусства, семиотики, этнографии. Визуальные социологи могут их подсчитывать, категоризировать, спрашивать людей об их значении, изучать их применение и скрытые в них социальные установки.

3. Общение с помощью образов и медиа напрямую с потребителем.

Здесь визуальная социология используется не как средство для сбора информации, а исключительно как средство ее передачи. Сюда можно отнести любую инфографику, любые обобщающие визуальные решения и репрезентации, в которых отражаются результаты проделанной социологами работы.

Значение образа в спектре визуальной социологии

Визуальная социология — это наука, которая сегодня больше описана, чем определена. Как мы увидели, существует несколько векторов, по которым можно развивать учение и практику, исполь-

зовать множественные теоретические базы, выстраивать по-разному дизайн исследования. Но чтобы отчасти нивелировать появление большего количества разночтений, важно прийти к общему пониманию значения образа. Следующее есть некий консенсус, который принимается практически всеми учеными касательно теоретизации визуальной социологии [Grady, 2007]:

1. Образы есть иконические конструкты, что означает: любые образы есть репрезентации чего-то значимого, что кто-то создал для какой-то цели, в определенный отрезок времени. Образы и изображения имеют не только историю и политическую привязку, у них также есть карьера, путешествие от одного контекста к другому, с категорически различными значениями, закрепленными за ними в срезе времени их путешествия (например, деформация значения символа свастики).
2. Образы содержат как актуальную, так и символическую информацию. То есть, учитывая то, что все изображения являются результатом производства человеческого субъективного видения, и служат целям, выходящим за пределы простой передачи изображения, то само отображаемое является объективным продуктом конкретного акта репрезентации. Автор-режиссер и автор монтажа могут добиваться разных значений путем передачи одного и того же образа или же, наоборот, полностью отображать существующую вокруг них реальность. В итоге отображаемая реальность становится реально-символической либо же ни той, ни другой (например, эффект Кулешова в монтаже и теории кино [Кулешов, 1987]).

Можно недолгим перечнем описать достижения визуальной социологии за последние 25 лет. Эта дисциплина:

- привнесла важный элемент в полевые исследования;
- открыла новые источники первичных данных для социального и культурного анализа;
- внесла видеоэссе в список методов передачи научных данных (но не утвердила его);
- доказала, что цифровые медиа имеют значительные возможности для исследования, обучения и коммуникации;

— пояснила, как исследование с использованием визуальных материалов может усилить социальные науки.

И что самое важное — эта дисциплина очень молодая и одна из самых перспективных. В России крайне мало научных центров, занимающихся визуальными исследованиями. В мире, пускай постепенно, открываются департаменты визуальной социологии и антропологии, но для их работы пока что существует лишь очень небольшая теоретическая и совсем маленькая практическая база.

Ученые продолжают выдвигать теории и говорить о фотографии. Современный же ученый, особенно социолог или антрополог, работающий в качественной парадигме, обязан уметь фотографировать, снимать, монтировать видео и уметь не только трактовать полученный материал, но и передавать его, ретранслировать в максимально чистом и неискаженном собственными рефлексиями виде.

Какова научная ценность, в чем социологический профит?

В том, что несмотря на множество исследований, исторических, антропологических, социологических, психологических, иначе говоря, социальных, в этих сферах остаются неизведанные области. Мы обязаны иметь законченный образ повествования, для нас и для будущих поколений будет интересно все, что происходит сейчас. Люди должны иметь возможность изучать не только интерпретации, но и прямую речь.

Визуальная социология является полем столкновения нескольких дисциплин, и как это часто бывает, эти научные дисциплины ставят друг другу палки теоретизации в колеса прогресса, вместо того, чтобы использовать и дополнять сильные стороны друг друга. Иногда не так принципиально, является ли визуальный проект социологическим или антропологическим, историческим или документальным.

Например, в 1973 г. начинающий режиссер документального кино Митчелл Блок (Mitchell Block) снял фильм под названием «... No lies», послуживший началом целому направлению документалистики — *direct cinema* [...No Lies, 1973]. Короткометражка рассказывала о том, как девушка, единственный персонаж в кадре (за исключением появляющегося в зеркале режиссера), собирается на студенческую вечеринку и ведет непринужденный диалог с человеком с камерой. От начала разговора до его кульминации проходит

всего несколько минут, когда она признается в том, что ее недавно изнасиловали. Признание происходит настолько интимно, и в то же время обыденно, что создается полное впечатление присутствия, участия в этом разговоре. Это прямой контакт, не постановочная история, и зритель вместе с режиссером видит всю палитру эмоций, и слышит все вероятные трактовки женщины, пережившей тяжелый момент. Она рыдает, улыбается, ей безразлично, и так далее. Мы можем однозначно определить этот фильм в когорту социологических фильмов, поскольку в фильме, за исключением редких погрешностей, идет обычное глубинное интервью. Из пятнадцатиминутного студенческого проекта мы получаем знание о человеке и об обществе, о конкретных событиях, взглядах, ценностях. И мы не можем недооценить его научную значимость для нас, несмотря на то, что в 1970-х не существовало такого предмета, как «визуальная социология» и такого определения, как «социологическое кино».

Когда мы говорим о документальном, научном, социологическом кино, мы говорим о прямой передаче реальности, в которой находится обычно два-три сторонних для этой реальности человека. В нашем случае это практически всегда были исследователь и оператор, выполняющий одновременно несколько функций — сценариста, режиссера, оператора, монтажера.

Сценарий в нашем случае представляет собой очень отдаленный вариант того, что принято называть таковым в культурологии. Мы можем описать только предположительно, что бы нам хотелось получить на каждом этапе съемок. Безусловно, необходим тесный контакт с исследователем, работающим в поле. Но в то же время процесс и результат несколько не должны быть опосредованы его мнением об исследуемой группе, его научным подходом и его выводами. Потому здесь и появляется множество подводных камней, которые обойти иногда представляется сложной задачей, и именно поэтому необходимо общее видение, а значит, необходим сценарий. Бывает так, что сценарий сливается с монтажным листом и появляется только постфактум собранного в поле материала.

Центр молодежных исследований при НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург является одним из пионеров в области реализации визуальных социологических проектов в России. Если говорить конкретно, то на данный момент ЦМИ может похвастаться шестью полноценными исследовательскими фильмами. Учитывая, что дан-

ная область только начинает развиваться, и требует формирования значительной технической и профессиональной базы, то это можно считать очень хорошим результатом.

Список литературы

1. *Кулешов Л.* Собрание сочинений в трех томах, Москва: Искусство, 1987.
2. ...No Lies [film]. Mitchell Block. 1973.
3. *Becker H.* Photography and Sociology, Studies in the Anthropology of Visual Communication. 1974. Vol. 11. № 1. P. 3–26.
4. *Becker H.* Visual Sociology, Documentary Photography, and Photojournalism: It's (Almost) All a Matter of Context // Visual Sociology. 1995. № 10. P. 5–14.
5. *Collier J., Collier M.* Visual Anthropology, Albuquerque: University of New Mexico Press. 1986.
6. *Grady J.* Visual Sociology in C.D. Bryant and D. L. Peck (Eds.) 21st Century Sociology. A Reference Handbook, Sage Publications. 2007.
7. *Harper D.* Visual Sociology, New York: Routledge, 2012.

SUMMARIES

SESSION 1. CULTURE AND INEQUALITY

(Moderators — Safonova M. A., Akifieva R. N.)

Barmina Alexandra

Interorganizational networks and organizational identities in the sector of art-institutions of St. Petersburg

The sector of cultural organizations of St. Petersburg consists of a wide variety of organizations. It includes both “traditional” theaters and museums, founded in the XIX and XX centuries, and the “new” cultural institutions that appeared at the beginning of the XXI century and later, among which there are galleries, “lofts”, “art-centers”, that are often named the “creative institutions”. The aim of this work is to find out what positions in the field of cultural organizations of St. Petersburg different institutions occupy, what are their reputations and what are the relations between them.

Lyubishina Alina

Diversity of after-school activities of the members of youth club in Saint Petersburg: socioeconomic status, social institutions and migrant experience

This paper is focus on the extracurricular activities of migrant and non-migrant children, who are regular participants in one of educational institutions in Saint Petersburg. I used methodological foundations that have helped to define the features of extracurricular activity of teenagers. I will present a complete description of the sample, particularly, of the club, which I have chosen based on purposes of my research. Using the methods such as observation, survey and interview with participants and the teacher in this center, I am looking for answer to the following question: are there differences between extracurricular activity of migrant and non-migrant.

Sokolova Nadezhda

Organizational identities of art institutions of St. Petersburg: between the sanctuary and shopping mall

The goal of this study is to consider the classification of art institutions by agents of the field and consequences of this process for the positions of these institutions.

The materials for analysis were 44 semi-structured interviews with curators and managers of art institutions and the data of pile-sorting. As a result the following conclusions were drawn. In an organizational field of art institutions of St. Petersburg the most advantageous position is taken by the state organizations while the new non-state organizations have no legitimate status. According to the established system of classification the model of organization in new platforms does not allow to estimate their work as "true art".

Kharkina Daria

Fan Fiction community organization

In this paper we are going to explore Fan Fiction community structure using data from the largest Russian Fan Fiction website ficbook.net. It will be proven that authors' rating (age restriction) preferences are very important as well as features of description of romantic relationship.

SESSION 2. SOCIAL STUDIES OF THE BODY, AGE AND HEALTH

(Moderator — Nartova N. A., session secretaries — Krupets Y. N., Onegina E. V.)

Onegina Elena

Representations of the desired and actual female and male body among urban youth in St. Petersburg

The body is the base of the formation of the human self-image in the modern post-industrial society. As part of this report will be submitted to a theoretical overview of current research and the main scientific debates in the field of sociology of body. In the second part of the report it will be shown how the selected theoretical approaches of American and European researchers can be applied in empirical research in Russia. The empirical base of research includes 20 interviews with urban youth, which have been collected by the research team of the Centre for Youth Studies NRU HSE— St. Petersburg under the "Size Matters: Strategies for monitoring and control of the body among the urban youth". In the analysis will be described the scope of the "normal", "ideal", desired, real female and male bodies, which circulate among the youth of a large city.

Sablina Anastasia

Body as a Project: the Practices of Body Modifications among Bodmoders

In the 21-st century, the development of modern technologies and the emergence of new varieties of body images formed a new space of body experimentation. The focus of this thesis is the body projects, namely, what meanings bodmoders invest in body modifications. The empirical base of the study is consisted of 24 in-depth interviews with bodmoders from 19 to 29 years, who are living in St. Petersburg.

The final body project (“master plot”) is usually represented as a complete body image, in which some adjustments are made. Body project is also presented as a commercial or artistic project, which is associated with investing economic or “artistic” values in the body. There have been defined five basic types of body projects — “experimental”, “painful”, “de-naturalized”, “mixed” and “self-expression” projects. In the process of modification the process of objectification of the body, its commodification occurs — the body becomes an object, experiment, and “tool”. But on the social level the process of subjection of the body take place — the individuals defines their bodies, boundaries, functioning, due to the feeling of pain and the medical aspects of body modifications.

Soitu Oksana

Possibilities of application of the concept of the “life course” for the analysis of the age transitions

The report about modern the prospects for the study of age and transitions, and also an analysis of how girls and young women construct their age and implement transitions. For this has been described the concept of “post-modern” and “scheduled” the life course, and also the concept of role and individualistic transitions. And to analyze interviews of girls (15–20 years) and young women (30–35 years).

SESSION 3. YOUTH IN A CHANGING WORLD: GENERATION, SOLIDARITY, CULTURE

(Moderator — Omelchenko E. L., session secretaries — Litvina D. A., Zinoviev A. A.)

Baranova Alena

Reflection of modernization risks or why people participate in eco-movement

This study concerns the analysis of process and consequences of revaluation of modernization risks in connection with the practices of garbage utilization and participation in eco-movement. Dataset includes interviews conducted with the participants of eco-movement “Musora.Bolshe.Net” (“No more garbage”) in Moscow. The theoretical framework of this study is based on U. Back’s concept of “reflexive modernization”. Practices of ecologization and level of reflexivity depend on perception of garbage. We emphasize the importance of garbage perception for the development of reflexivity and utilization practices. Therefore we have developed two dichotomies of garbage perception.

Bulygin Denis, Lysov Grigorii

Behavioral trajectories of players in online games

This paper provides analysis of in-chat behavior of players in browser-based MMORPG. With the help of Latent Dirichlet Allocation (LDA), some of behavioral patterns were identified. These patterns affect cooperative, socializing and helping practices of players. In addition, some of churn practices were identified.

Voskresenskii Vadim, Prishchak Anna, Ivashin Ivan, Lavrushko Grigoriy

The illegal marijuana market in St. Petersburg: participants and their practices

This study is concerned with interrelations between buyers and sellers formed on the illegal market of marijuana in Saint-Petersburg. Our research is based on the analysis of interviews with 11 marijuana users aged from 19 to 24. We found that people consuming drugs systematically are more included in economic transactions on the illegal market than non-regular users. Apart from that, our results show that the market has a difficult structure, which is based on social ties between its participants. But, at the same time, the existing structure allows buyers to act opportunistically and deceive their clients.

Galkin Konstantin

The formation of identity of St. Petersburg anime and manga fan community in the context of youth cultures

Identity forming of Russian anime and manga fandoms is a complex and multi-layered construct which consists of different social actions and interactions. The main purpose of this study is to analyze the structure of identity formation of anime and manga fans as the inhomogeneous construct inside and outside the context of interactions during the conventions. The theoretical framework of the study is the post-subcultural approach to the youth cultures and solidarities.

Karandeeva Olga, Sokolova Nadezhda, Ponomareva Victoria, Chermyshevtseva Alexandra

Organizational structure of non-profit organizations in the sphere of culture

The purpose of this study is to consider structure and performance of non-profit organization on the case of one culture-oriented entity in Saint-Petersburg. The database consists of 12 semi-structured interviews, 3 observations and 8 figures of organizational structure drawn by respondents. As a result, several key ideas were allocated. The goals and values of employees determine the form of organization. The director as a charismatic leader influences the direction of the organization management. The work is based on personal relationships and trust. Social capital appears to be the main resource for performance. External agents with resources (sponsors) may affect the work.

Ponomareva Victoria, Savchenko Pavel, Kulikov Ilya, Lopatnikov Maksim

The structure of the interaction between the St. Petersburg post-rock groups

This paper is based on the results of student's research conducted in the autumn of 2014. It aims to find a post-rock scene in Saint Petersburg and describe its main features. Key findings are connected with the existence of a scene, a specific core within it, the key places and people. In addition, musicians try to avoid the "post-rock" tag because of the several reasons.

Shorygin Evgeny

The phenomenon of alterophobia in the contemporary socio-cultural conditions

In this article the author presents the results of the study of the phenomenon of alterophobia — prejudice against alternative youth solidarities. The author applies the solidarity approach to the study of alterophobia and demonstrates the importance of the category of gender regime as an acting cornerstone of intolerance. The paper explores the most vulnerable subcultural groups in the context of school bullying, identifies the main areas of alterophobia and compiles a typology of the causes of hatred to alternative youth solidarity.

SESSION 4. SOCIOLOGY OF SCIENCE

(Moderator — Koupryanov A. V., Demin M. R.)

Volkova Anastasia

Why don't we have "Chinese post-docs": an analysis of the patterns of academic mobility in Russian and Chinese science

According to the Open Economy Fund research, the emigration of Russian scientists is not only far from decreasing, but has increased significantly in recent years. Those who are leaving Russia today are primarily the young researchers, which is regarded as harmful to the recruitment and the reproduction of Russian science. One of the reasons for the "brain drain" could be the deficit of academic mobility opportunities for scientists in Russia, which also explains the outflow of researchers into the manufacturing and services sectors. The People's Republic of China faced a similar problem, and even on a bigger scale. However, due to considerable efforts undertaken by the public authorities, almost a half of Chinese students returns to China now (as compared to a fifth in the 1994). How did one of the world's leading research countries manage to turn "brain drain" into "brain circulation"? In order to understand the causes for such success, I'm trying to analyze the mobility schemes for young researchers and programs of public support for science with respect to these schemes.

Ivanova Evgeniya

A causal model of the temporal dynamics of the faculty of the Universities of Imperial Russia

Despite the fact that the history of the universities of the Russian Empire received much of researchers' attention, some aspects remain poorly studied. The quantitative aspects of historical dynamics of university faculty present one of the most remarkable gaps in our knowledge. In the past few years, our research group has established that the growth of the faculty was rather irregular. While, until the age of the Great Reforms of the 1860s, all universities were small and nearly equal to each other in the number of professors and teachers, during the two decades since the new University Statute of 1863, they rapidly differentiated into large metropolitan, "medium" and small provincial universities. In this report, I shall present the first attempts of a more or less rigorous quantitative description of the faculty dynamics and outline the approaches to the causal explanation of the observed phenomena.

SESSION 5. SOCIAL STUDIES OF EDUCATION

(Moderators — Alexandrov D. A., Savelieva S. S.)

Krasnov Ilya

Research of popularity in a middle school context

This study is devoted to the students' sociometric and perceived popularity in the age context. Both types of popularity are characterized by the following features: aggression, sociability, quality of schoolwork, friendliness and success spirit. All of them have a direct influence on the level of school group's popularity in different ways synchronically. Whereas previous research shows that this process comes only with 13–15 years, this paper demonstrates that it happens earlier.

Shchelokova Svetlana

Private tutoring in primary school: parents' attitudes and goals

This paper presents the results of analysis parents' attitudes, private tutoring practice and connection between them. Private tutoring in primary school today is as widespread as in high school. The author reviews attitudes, motives and goals of primary school pupils' parents, who decide to organize private lessons for their children.

SESSION 6. SOCIETY OF ELECTRONIC COMMUNICATION NETWORKS: INTERNET, MOBILE COMMUNICATION AND NEW MEDIA IN THE LIFE OF SOCIETY

(Moderators — Koltsova O. Y., Kirkizh E. A., Selivanova G. I.)

Voskresenskii Vadim

Virtual Communities of Apartment Buildings' Residents on Social Networking Site "vk.com"

In this paper we explore the main patterns of communication of apartment buildings' residents in St. Petersburg on social networking site "vk.com". Using Latent Dirichlet Allocation (LDA), we discovered discussion topics in online groups created by residents for their houses. We find that online communication in these groups has instrumental character and is aimed at solving common problems of residents. Apart from that, co-membership analysis showed that participants of groups created for fighting with in-fill constructions are more involved in various citywide activities than participants of groups created for solving internal problems of house (e.g. unsatisfactory work of the management company or leaking ceilings).

Kaveeva Adelya

Constructing social problems in Twitter: an experiment with Tatarstan's popular bloggers

The research presented here uses the constructionist approach to social problems which defines them not as objective conditions, but rather as activities of individuals or groups making claims with regard to certain social conditions in various public arenas. This paper presents analysis of the Twitter microblogging platform as a public arena, where popular users with large symbolic capital play the key roles. First, using qualitative methods, the paper investigates the most popular social problems addressed in Tatarstan's Twitter and finds that they include not only topics borrowed from the regular media. Second, based on a real-life experiment the paper concludes that symbolic capital of a blogger is not enough to make a social problem a popular issue with his audience.

Ternikov Andrew

Relationship between formal and informal assessments of professors using open data

This research addresses the case of HSE professors' rating and establishes a relationship between professors' rankings based on annual student voting and informal assessments of professors based on attractiveness of their quotations published by a community in a social networking site VKontakte. Using regression analysis we conclude that data obtained from online communities may be used to predict students'

voting results. The work shows the usefulness of data from social networking sites for covering deficit of other types of data in social science research.

SESSION 7. SOCIAL URBAN STUDIES

(Moderator — Tykanova E. V.)

Antonova Ekaterina, Borisova Olga, Chernysheva Svetlana

Bike Culture as a Product of Interaction between Urban Policy and Cycling Community

The paper is intended to cover some major issues pertaining to the phenomenon of bike culture.

Being the result of “velosipedization” process it underlies the interests of both Public Transport Policy and Cycling community. The advent of bike culture meets their common needs and provides ground for collective action. The analysis is made with the implementation of interactionist framework and is based on 21 semi-structured interviews with the members of cycling community. As a result, it sheds light on basic methods of the construction of bike culture through two processes: symbiosis with external actors, and the combination of cooperation and competition between organizations within the community. This research could provide impetus for in-depth studying the institutionalized form of bike culture as an essential condition for its further development.

Bekova Saule

Dog owners’ practices in the urban area

The article presents the results of a survey of dog owners in Omsk. The author analyzes the two major urban sectors: one-storey and multi-storey building, showing significant differences in the practice of keeping dogs, in the dog’s role and in the owners’ attitude towards dog in these sectors.

Vladimirkina Svetlana

A city parks as a space of social communications

The article presents the research results of independent theoretical and applied research of city parks in the context of social communications. The author studied the form of arrangement of parks with the communication and leisure needs of the residents of the city. Particular attention is paid to the analysis of communication tools to enable the interaction of parks with city residents.

Davidova Elizabeth

«We are born, we live and we want to work here!»

This article shows the reconstruction of a local peripheral conflict that reproduces colonial disposition with a detailed examination of changes in the composition and role of discourse the main defendants. Description characteristic for the local population reasoning and behavior in a conflict situation is most evident when considering broadcast on news channels, the conflict between the government and the local carrier.

Lebedeva Nadezhda

Interaction in the space of urban yards: competition and the production of social inequality

This study focuses on the competition of social groups in the space of urban yards unfolding in the process of joint use. The space of the yard and the related neighborhood is mentally mapped and symbolically loaded by the residents who claim their right to pursue their interests in the local area and transform the social and physical space of the neighborhood accordingly. At the same time, the residents united by shared territory represent different socio-demographic groups realizing various — and often conflicting — practices in the jointly used space. This gives rise to competitive relationship and hierarchical structure emergence and (re)production. One of the factors that contribute to the production of inequality in the neighborhood is the organization of the physical space, particularly the inability to satisfy the multiple interests of the urbanites. Forced to share the physical space, the residents resort to the tactics of avoiding or eliminating the “undesirable” categories of people. The research designed as a case-study shows that the problem of inequality is highly relevant for urban neighborhoods and the solutions might lie in the appropriate organization of the multifunctional space of the yards.

Chernega Artyom

Tourist showplace as a center of sociocultural field in a small town in Russia

The aim of this article is to analyze a field of tourism in a small town. The article consists of three parts: theoretical, the part about analysis of structure of field, empirical. The end part involves the results of case-study Totma (Vologda region).

Shaytanova Liudmila

The system of Volgograd’s public transport: the research of social topology of municipal and commercial buses

This article is a description of the public transport system through the prism of J. Law’s social topology. This focus makes it possible to identify the causes of the different experiences of mobility in municipal buses and commercial buses (marshrutkas). An analysis of empirical data shows that buses and marshrutkas — two topologically different objects.

SESSION 8. COMPARATIVE SOCIOLOGY

(Moderators — Ponarin E. D., Kostenko V. V.)

Ilchenko Nina

Hybrid Regime and its Social Support in the Regions of Russia

The research aims at the identification of regional differences in the reasons for social support for hybrid regime in Russia in 2011-2012. In 1990s authoritarianism of regional regimes played big role in consolidation of the all-Russian political regime, while in 2000s their role has changed to mouthpiece of the political regime. The elections to the State Duma in 2011 were the worst for the party in power for last 10 years; however, the followed war in Ukraine and annexation of the Crimea showed strong regime support. Some researchers agree that the closer investigation of the public opinion is needed in research of dynamics of political regime in Russia (Gel'man, 2014). Using the results of nine regional surveys conducted by the LCSR in 2011-2012, we investigate the influence of socio-economic reasons on mass support for the political regime in several Russian regions.

Korsunova Violetta

Social Status and Cultural Consumption in Comparative Perspective (the case of European Countries)

This project is devoted to the issue of relation between social professional status and cultural consumption. Previous research findings reveal considerable differences both in the structure of cultural consumption and in its dependence on social position. Using Eurobarometer 79.2 (Spring 2013) database I show regional characteristics of cultural participation patterns of different professional groups across Europe.

Savchenko Pavel

Predictors of euroscepticism on the individual level: cross-national comparative analysis

This research is concerned with the fundamental issue of what is the nature of euroscepticism. The topic is very well studied. What makes this study distinct is the fact that I am switching between different dependent (!) variables while keeping the list of independent ones constant.

ADDITIONAL MATERIALS

Omel'chenko Dmitry

The formation of visual sociology: new horizons of visual studies

The paper explores the spectrum of potentials of visual sociology. The author focuses on three main courses within the disciplinary field of visual sociology which include 1) using camera as one of the instruments of data collection in social research; 2) using existing visual materials for further scientific investigations; and 3) using visual data for communication. The paper raises an important question about objectivity/subjectivity and meanings of image for visual methodology. Author argues that visual sociology has fertile resources for the development of methodology of social sciences.

Научное издание

СОЦИОЛОГИЯ В ДЕЙСТВИИ — 2015

Избранные доклады
VII социологической межвузовской конференции
студентов и аспирантов

Ответственный за выпуск *О. Александрова*
Корректор *Т. Велижанина*

Подписано в печать 22.12.2015. Формат 60×90¹/₁₆.
Бумага офсетная. Гарнитура NewtonC.
Тираж 20 экз. Заказ № _____.

Подготовлено к печати Отделом оперативной полиграфии
НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург
198099, Санкт-Петербург, ул. Промышленная, д. 17а
Тел./факс: (812) 786-58-95

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ